

Игорь Ефимов

**СТЫДНАЯ
ТАЙНА
НЕРАВЕНСТВА**

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Вступление: кто более равен?
- Часть первая. «Уравнители» против «сопязателей». Врождённое неравенство и политические дебаты.
 - I-1. Два типа политического мышления: «уравнители» и «сопязатели».
 - I-2. Тысячелетний спор: «Город солнца» и «Левифан».
 - I-3. Исторические модели закрепления неравенства.
 - I-4. Хозяева знаний и хозяева вещей.
- Часть вторая. «Низковольтные» против «высоковольтных». Врождённое неравенство и политический террор.
 - II-1. Смерть власть имущим! Индивидуальный террор.
 - II-2. Смерть вредителям и шпионам! Большой террор в России.
 - II-3. Размножить головы! Террор в Китае, Камбодже, Кубинской республике.
 - II-4. Спотыкающийся идол демократии. Азия, Африка, Россия.
- Часть третья. Туман грядущего.
 - III-1. Новый Нострадамус: «Закат Америки в 21-ом веке».
 - III-2. Новый Заратустра: «Высоковольтные всех стран – образумьтесь!»
- Примечания.
- Библиография.

ВСТУПЛЕНИЕ: КТО БОЛЕЕ РАВЕН?

Мы живем в эпоху, ознаменованную победным наступлением эгалитарной идеи. Начиная с Жан Жака Руссо и Французской революции в странах Европы один за другим рушились сословные барьеры. Исчезали сеньоры, графы, князья, дворяне. Избирательные права предоставлялись любому бедняку. В странах Азии шла и до сих пор идёт упорная и во многом успешная борьба с системой каст. Люди отдавали и отдадут свои жизни в борьбе с расовым неравенством. Горячие страсти вызывает борьба за равенство женщин с мужчинами. Весь мировой коммунизм черпал свою мощь из импульса, направленного на преодоление неравенства имущественного.

За неравенство рубили головы гильотиной, расстреливали в подвалах ЧК, душили голубыми пластиковыми мешочками в полях Камбоджи. Наличием социального неравенства объясняли и оправдывали бандитизм, терроризм, поджоги, пытки. Источники любого неравенства подвергались въедливому исследованию и враждебно-презрительному истолкованию. Даже самые безжалостные деспоты XX века не решались украсить себя короной или мантией, но появлялись на трибунах в таких же пиджаках, кителях, френчах, гимнастёрках, какие носили их подданные.

И в разгар этого победного и грозного марша просто страшно вдруг встать и напомнить простую, всем давно известную, но вот уже двести лет отодвигаемую на задний план, истину:

В индивидуальном плане люди от природы не равны.

Они неравны по уму, они неравны по энергии, они неравны по таланту, по художественной одарённости, по жажде свободы, они неравны по целеустремлённости, по волевому потенциалу.

Они неравны потому, что «Хозяин жизни даёт при рождении одному пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе» (Матфей, 25:15).

Все это знают, но вслух об этом говорить нельзя. Неоспоримый этот факт не должен приниматься во внимание ни при каких рассуждениях о совместной жизни людей на Земле, ни при каком планировании социальных институтов. Простую эту истину стыдливо огибает всякая мысль, всякое слово, всякий оратор и писатель.

Раньше, вплоть до конца прошлого века, таким же умолчанием было окутано всё связанное с эротикой, с сексом, с плотской природой любовного влечения людей друг к другу. С одной стороны, любовь прославлялась и превозносилась как чувство прекрасное и возвышенное. О ней пели певцы на оперной сцене, о ней писали поэты, она наполняла романы. С другой стороны, всегда оставалась какая-то тайна и недоговорённость. Нельзя было вслух обсуждать, чем занимались Ромео и Джульетта ночью, под пенью то ли соловья, то ли жаворонка. Было бы верхом неприличия, если бы Евгений Онегин уточнил, от какой «беда» он предостерегал Татьяну Ларину, когда призывал её «учиться властвовать собою». Воображение читателя должно было само дорисовать утеху Печорина с похищенной им несовершеннолетней черкешенкой.

Но вот прошло каких-то двести лет – и что стало с главной тайной любви?!

Могли ли люди прошлого столетия вообразить, что их правнукам в школах будут читать лекции о половом акте и раздавать бесплатные презервативы?

Могли ли ценители литературы предвидеть, что мировая слава придёт к писателю, который опишет, как бедра двенадцатилетней падчерицы героя приходят в соприкосновение с его пульсирующим органом?

Могли ли члены Американского Конгресса поверить, что в этом святилище государственной мудрости будут кипеть споры об абортах и демонстрироваться огромные плакаты с изображениями окровавленных зародышей?

Кажется, в наши дни не осталось запретных тем. Все покровы сорваны. Само понятие «стыдливость» превратилось в анахронизм. Можно писать, говорить, рассуждать на любую тему, под любым углом, с любой степенью откровенности.

Обо всём – но только не о врождённом неравенстве людей.

Этот неоспоримый и всем известный факт сделался таким же «табу», каким раньше были «вопросы пола».

Если каракатица внезапно выпускает чернильное облако, мы догадываемся: что-то её испугало.

Если общественное сознание, свободно, то есть без принуждения со стороны инквизиции, Звёздной палаты, Сыскного приказа, гестапо, КГБ, прячет под покров стыдливой тайны тот или иной общеизвестный факт, это скорее всего говорит о том, что оно ощущает серьёзную опасность в открытом обсуждении его.

То, что мы называем общественной моралью, всегда представляет из себя некую шкалу ценностей, принятых данным народом в данный исторический момент. Если шкала устойчива и прочна, есть надежда на длительный и устойчивый мир в обществе. Если в ней обнаружатся трещины и противоречия, всё здание начнёт шататься. И это вызывает у нас вполне оправданный испуг. Но не дай Бог если мы заметим, что какие-то из восхваляемых нами ценностей-идеалов оказываются во враждебном противостоянии друг с другом. Тут уже дело пахнет катастрофой.

Если мы взглянем в эти два главных табу последних двух веков – эрос и врождённое неравенство, – мы увидим любопытное сходство между ними: и то, и другое табу находятся в точке, где ощущается опасное сближение двух главных ценностей, превозносимых общественной моралью.

В прошлом веке превыше всего восхвалялись две вещи – Добро и Любовь. И окутанный стыдливым молчанием эрос был именно тем опасным перекрёстком, где двум главным идеалам грозило столкновение.

В наше время в свободных обществах культ абстрактного «добра» оказался сильно потеснён культом справедливости. Рядом со «справедливостью» уверенно вырастает кумир успеха. «Желаем вам достичь успеха!» – говорят ораторы выпускникам в школах. Не «счастья», и уж тем более не «стать хорошими и достойными людьми», но – успеха. Успех как бы автоматически приравнивается к счастью и таким образом приобретает статус одного из основных прав, включённых в Конституцию США: «pursuit of happiness» (погоня за счастьем) превращается в «pursuit of success» (погоню за успехом).

Справедливость и Успех прекрасно могли бы идти своими параллельными путями, если бы способности и силы людей были равны. Но существует врождённое неравенство людей, которое в любой момент грозит сделать Справедливость и Успех несовместимыми, – и этот камень преткновения окружают чернильным облаком испуга, неписанным кодексом политической и этической корректности, стыдливым умолчанием.

Рассмотрим всё это чуть подробнее.

Откуда вырастает несовместимость Добра и Любви?

Она вырастает из самой природы этих двух чувств, двух идеалов. Ибо природа Добра – всеохватна, бескорыстна, направлена непременно на всех людей. Природа Любви и влюблённости – индивидуальна, эгоистична, направлена на одного в ущерб всем остальным.

Если я горячо влюблён в кого-то, я пойду на всё, чтобы отнять предмет своей любви у других, оградить, оставить для одного себя. Если я влюблён, я, конечно же, отвергну притязания тех, кто, влюбившись в меня, пытается оторвать меня от предмета моей любви. Страдания отвергнутых, страдания нелюбимых, страдания неудачливых соперников вольются в океан мирового Не-Добра – но что мне до этого?

Однако, если Любовь и Добро представляют угрозу друг для друга, что же мы будем делать? Неужели надо отказаться от того или другого?

– Да, – решительно отвечал Лев Толстой. – И нет никаких сомнений, что отказаться надо от Любви во имя Добра. Я объясню вам, что Иисус Христос всюду, где говорил «любовь», на

самом деле имел в виду Добро. Я объясню вам, что самый знаменитый певец любви – Шекспир – на самом деле очень плохой писатель, и все другие воспеватели любви – немногим лучше. Я покажу вам на собственном примере, как надо бороться с любовью во имя Добра – стану жить с нелюбимой женой до конца и постараюсь разлюбить своих дочерей, ибо любить кого-то одного – ущерб и обида для всех остальных.¹

Толстому вторит Владимир Соловьёв. «Добро определяет мой выбор в свою пользу всю бесконечностью своего положительного содержания и бытия, следовательно этот выбор бесконечно определён, необходимость его была абсолютная, и произвола в нём – никакого.»² А если раздаются где-то сладкие голоса поэтов, не отдающих должного Добру (Пушкин, Лермонтов и др.), то это просто несчастные души, поддавшиеся гордыне и погубившие себя навеки.

Русское общество потому и ощущало серьёзную опасность в проповеди своих главных философов, что они отказывались закрывать глаза на грозное противоречие, отказывались участвовать в сговоре умолчания. И опасения эти были не напрасны. Исследование краеугольных постулатов моральных ценностей нанесло не меньший ущерб всей структуре российского государства, чем революционная пропаганда социалистов и либералов.

Но, к счастью или к несчастью, жизнь берёт своё и обтекает даже самых опасных искусителей, как река обтекает камни. Люди возвращаются в привычное русло своей жизни, где все неразрешимые противоречия и вопросы окутаны облаком общепринятых истолкований и стыдливых умолчаний. Нам бы справиться с более насущными страхами, увернуться от реальных опасностей: болезни, бедности, войны, голода, ареста. Складываясь из миллионов мелких удач в этом вечном ускользании от угрозы и гибели, жизнь продолжается.

И вот мы уже в конце XX века.

Где Справедливость и Успех сильно потеснили Добро и Любовь.

Кажется, ещё совсем недавно Вертер мог покончить с собой из-за несчастной любви, Ленский погибал на дуэли, мадам Бовари принимала яд, мадам Батерфляй закалывала себя кинжалом, когда возлюбленный оставлял её. Сегодня юноша скорее повесится из-за того, что он не попал в Гарвард, девушка проглотит смертельную дозу снотворного, если её не возьмут на роль безымянной и бессловесной служанки в новой экранизации «Мадам Бовари».

Ибо Успех – вот наш новый кумир.

Раньше нас учили «возлюби ближнего как самого себя». Сегодня мы любим ближнего по-новому: он дорог нам тем, что мы можем вознестись над ним. Каждое утро, едва проснувшись, мы начинаем это дух захватывающее карабканье наверх. Примеряя модный галстук, опрыскивая себя дорогими духами, садясь в новый автомобиль (а у соседа до сих пор старый), проезжая мимо облупленных домов бедных предместий, обгоняя медлительных растяп на шоссе, входя в небоскрёб из стекла и стали, взлетая на шестидесятый этаж, небрежно кивая подчинённым и ловко срезая остроумным замечанием коллегу, мы пьём вино успеха, слаще которого нет ничего на свете. А те несчастные, что остаются ниже и позади нас, которым достаётся горечь поражения? Что ж, им дан был в своё время шанс – видимо, они упустили его. Здесь нет никакого нарушения Справедливости. Но соблюдая приличия, соблюдая заповедь сдержанной скромности, мы никогда не скажем им вслух «я умнее, смелее, предприимчивее тебя». Ибо сказать нечто подобное вслух прозвучало бы сегодня такой же непристойностью, как если бы сто лет назад Вронский сказал Анне Карениной «your place or my place?» («твоя квартира или моя?»).

Считается, что дорога к Успеху должна быть открыта всем – в этом и состоит Справедливость. Ведь объектов вожделенного успеха может быть так же много, как и объектов любовного томления, – хватит на всех. Если тебя отвергла одна возлюбленная, ничто не мешает тебе искать – и найти – другую. Если ты потерпел сегодня поражение в одном начинании, завтра можно попробовать свои силы в чём-то другом.

Конечно, некоторые люди имеют больше шансов на достижение успеха, потому что они получили хорошее образование, солидное наследство, водили знакомство с богатыми и

знаменитыми. В принципе, это несправедливо, и нужно прилагать усилия, чтобы все-все-все имели равные шансы на жизненном старте. Тогда наши два главных морально оправданных устремления – к Успеху и к Справедливости – смогут безмятежно и плодотворно уживаться друг с другом.

Но при одном условии.

При условии, что мы дружно, стыдливо и крепко закроем глаза на природное неравенство людей. Неравенство, которое изменить нельзя никакими благотворительными и законодательными уловками. Ибо если мы позволим этой стыдной тайне всплыть на поверхность, если мы вспомним, что Хозяин жизни даёт при рождении кому-то один талант серебра, кому-то два, кому-то пять, то вся система наших представлений о разумном и правильном устройстве нашей жизни затрещит.

Мы вынуждены будем признать, что культ Успеха так же несовместим с культом Справедливости, как культ Любви был несовместим с культом Добра.

Успех – это всегда вознесение одного над многими. Это всегда – счастье одного и страдания многих – обойдённых, отставших, обделённых. И это из их среды будут потом выпрыгивать безумцы, стреляющие в президента, рассылающие бомбы по почте, подсыпающие яд в лекарства, прячущие бритвенные лезвия в яблоки на полках магазинов.

Современное индустриальное общество может без труда обеспечить всех своих граждан едой, одеждой и крышей над головой. Но оно не может – и никогда не сможет – всех обеспечить успехом.

Лозунг, висящий на некоторых американских школах – «Together we create success» («Вместе мы создаём успех») – ложь и нелепость. Невозможно «вместе создать успех». Успех всегда достигается кем-то одним за счёт других.

И если мы признаём, что есть некое меньшинство, которое от рождения наделено избытком таланта, энергии, предприимчивости, – о какой справедливости тогда может идти речь?

Тогда окажется, что так называемое самое справедливое устройство общества – современная демократия, основанная на свободной рыночной конкуренции, – есть устройство, изначально обрекающее большинство населения на горечь поражения, на тоску отверженности, на унижительное прозябание за оградой праздника жизни.

Тогда окажется, что все громкие слова об Обществе Равных Возможностей – лишь хитрый идеологический камуфляж, дымовая завеса, созданная и оберегаемая одарённым меньшинством, чтобы скрыть печальную правду от посредственного большинства, а заодно – и от собственной совести.

Тогда яснее станет смысл Евангельского пророчества: «Кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Матф. 13:12).

Каждая форма человеческого общества бережно охраняет свою систему представлений о мире и человеке, свою идеологию, свой храм. И, видимо, ни одна из этих систем не может обойтись без запертой двери, без зашторенного окна, без покрова тайны на одном из алтарей. Возможно, это связано с тем, что любая идеология стремится оправдать и согласовать нужды государства с нуждами отдельного человека. Она старается показать законопослушному подданному, насколько легче и скорее он сможет удовлетворить свои желания с помощью общественных институтов и законов. Она обещает ему заботу и внимание к его потребностям и устремлениям, защиту от притязаний ближних и дальних. Но полное совпадение целей общества и индивидуума невозможно. Какие-то участки царства «я могу» неизбежно придут в противоборство с царством «мы можем». И единственное, что можно сделать с этим неизбежным противостоянием, – опустить на него облако тайны, стыдливого умолчания.

Увы, покров тайны, наброшенный на систему моральных ценностей, имеет странную способность расти и расширяться. Он может расширяться за счёт страха перед костром, перед дыбой, перед казематом, перед расстрелом. Но и при отсутствии таких сильных мер воздействия, он может расползаться под давлением естественной тяги человека к покою и конформизму, к уютному шатру общепринятого. Что и происходит в свободных странах

сегодня со стыдной тайной врождённого неравенства людей: она расплзается на общественном сознании, как опухоль, как известковая корка.

Чем это может грозить нам?

У человека есть долг перед обществом, но есть и долг перед самим собой. Тяга к любви и жажда успеха – это не только проявления эгоизма, которые следует подавлять ради общего блага. Это также попытка приумножить тот дар свободы, те «таланты», которые даны каждому при рождении. Если какое-то общество сильно преуспеет в своём вечном стремлении подавить личность, оно вскоре само начнёт хиреть и чахнуть, ибо окажется состоящим из личностей увядших, усохших, недоразвитых, зарывших свой дар.

В прошлом веке непомерное утолщение облака стыдливой тайны вокруг сексуальной природы человека обернулось никем не сосчитанными миллионами нервных срывов, психических заболеваний, самоубийств. Оно помогло победному наступлению ханжества на многие сферы научно-познавательной и художественной деятельности.

Сегодня последствия дружного натягивания покрывала тайны на природное неравенство могут оказаться куда серьёзнее.

Ибо, отказавшись включать природное неравенство людей в сферу открытых общественных и научно-социальных дебатов, мы готовим почву для политических катастроф, последствия которых могут оказаться опустошительными.

Двадцатый век был ознаменован социально-историческими взрывами, масштабы которых превосходят всё, что было нам известно до сих пор. Две мировые войны использовали в целях уничтожения людей все новейшие завоевания науки и техники. Но, по крайней мере, природа их не кажется нам загадочной. Да, войны были и раньше, видимо, будут всегда – что тут поделаешь? Однако другие исторические катаклизмы, те, в которых вся мощь государственного аппарата направлялась на уничтожение собственных подданных – лояльных, безоружных, послушных, ошеломлённых, – не только заставляют содрогаться сердце, но и ставят в тупик любой нормальный ум: как? ради чего? зачем их убивали? кому это было нужно? как это вообще может случиться?

Случаи массового террора в далёком прошлом имели хотя бы видимость объяснения: религиозная борьба, захват имущества жертв, месть за угнетение. Когда в нашем веке в Турции убивали армян, а в Германии уничтожали евреев, круг жертв был очерчен хотя бы расовой или религиозной принадлежностью. Когда же мы смотрим на коммунистический террор в России, Китае, Вьетнаме, Камбодже, нас ошеломляют не только масштабы, но и полная иррациональность происшедшего.

Во всех этих странах террор случался примерно двадцать лет спустя после крушения старого режима, охранявшего ту или иную систему неравенства социального. То есть в то время, когда «класс угнетателей» был уже полностью уничтожен и изгнан. Жертвами террора становились люди, росшие при новом режиме, не владевшие никакой собственностью, ни словом, ни делом не выступавшие против новой власти. Все существующие на сегодня объяснения массового террора в 20-м веке представляются неадекватно мелкими, несовместимыми с громадностью и беспощадностью этих катастроф.

Другой загадочный феномен политической истории XX века: устойчивый раскол на два лагеря, наблюдаемый в каждой демократической стране. Демократы и республиканцы в Соединённых Штатах, лейбористы и консерваторы в Англии, социалисты и христианские демократы в Германии, рабочая партия и Ликуд в Израиле – всюду идеологическое противостояние и политическое противоборство раскалывают всё население примерно пополам. Верховная исполнительная и законодательная власть достаётся то одной партии, то другой, но, как правило, в результате лишь небольшого перевеса голосов.

Конечно, политиков принято обвинять в корысти и продажности. Но если бы это было свойственно им всем, они должны были бы толпами перебежать в лагерь победителей. Этого не происходит. Политики в свободных странах, как правило, остаются верными своей партии всю жизнь. Они отстаивают свои взгляды и идеалы со страстью. Они нападают на своих

оппонентов порой с такой яростью, что их внутренняя борьба парализует государственную власть.

И здесь-то и таится опасность. Эта постоянная заведомая расколотовость общества на два основных лагеря часто делает демократическое государство беспомощным перед лицом безжалостной, но сплочённой тирании. Из-за неё Англия под властью Чемберлена вынуждена была отступать и отступать перед гитлеровской агрессией. Из-за неё Рузвельт не мог подвинуть Америку вмешаться во Вторую мировую войну вплоть до Пёрл-Харбора. Из-за неё Вьетнам был проигран коммунистам.

Наконец, третий загадочный феномен XX века – крушение десятков демократических режимов, возникших на месте бывших монархий или колоний. Борцы за демократию всегда уверяли нас, будто блага свободы так очевидны и так дороги каждому человеку, что стоит их обеспечить какому-нибудь народу – и он уже не расстанется с ними. А когда на наших глазах страны Азии, Африки, да и Южной Америки, и Европы попадают вновь под власть тех или иных диктатур, свободопоклонники объясняют это теми или иными ошибками политиков, равнодушием богатых стран, происками реакции, низким уровнем культуры и образования – но только не внутренними опасностями демократического правления, исследовать которые невозможно без учёта врождённого неравенства людей.

Все три перечисленных выше феномена – массовый террор в XX веке, политический раскол в свободных странах, шаткость молодых демократий – чреваты грозными повторениями политических катаклизмов недавнего прошлого. Парадокс, однако, состоит в том, что их изучение – как и всякая умственная, научная, миропостигающая деятельность – остаётся в руках именно того энергичного и одарённого меньшинства, которому так дорог уклад жизни, построенный на принципе свободного состязания. Он потому и дорог им, что в нём победа и успех ему – меньшинству – гарантированы. Для этого меньшинства признать факт врождённого неравенства людей означало бы признать изначальную привилегированность своего положения. Это означало бы необходимость задуматься над чувствами – и страстями – обделённого от рождения большинства. Это означало бы самое страшное – осознать свою отдалённость от большинства, свою уязвимость, свою слабость.

Страшно осознать себя меньшинством.

Но оставаться и дальше в искусственном неведении, в утешительном самоослеплении кажется мне ещё страшнее.

Провидящие, мыслящие, «получившие пять талантов», те, кто от рождения «более равны, чем другие» – не бойтесь нарушить стыдную тайну, не бойтесь заговорить вслух о врождённом неравенстве. Не бойтесь, что вас подслушают и таким образом обнаружат. Те, кому «мало дано», книг не пишут и не читают. Их досуг – телевизор, гоночный трек, стадион. Но они безошибочно опознают вашу отдалённость и враждебную исключительность, как бы вы ни прятались. Вспомните «451 градус по Фаренгейту» Брэдбери, вспомните «1984-ый» Оруэлла, вспомните «Обитаемый остров» Стругацких. («А не болит ли у вас голова?»)

Есть слишком много указаний в истории XX века, что и в следующем катаклизме вы станете первыми жертвами, первыми объектами террора. Спрятаться не удастся. Вы можете отдать титулы, звания, богатство, посты – вас найдут инстинктом и под рабочим ватником, и под монашеской рясой, и под солдатской гимнастёркой.

Нет ничего постыдного в том, чтобы быть исключением. Как сказал Аристотель: «Кто способен предвидеть и предусматривать, тот и должен быть господином». Вам дан дар «предвидеть и предусматривать», и зарыть его в землю было бы преступлением перед тем же близоруким большинством. Да, большинство смотрит на вас с враждебностью и подозрением – но это лишь потому, что своим провиденьем вы вносите в его жизнь тревогу. Однако вы-то знаете, что тревога эта – спасительна. Она есть благо в том смысле, в каком благом является дарованное нам чувство боли – предупреждение об опасности.

Человек, глушащий боль вином или наркотиком, скоро превращается в развалину.

Народ, «побивающий камнями» своих дальновидящих, заплатит за это страданиями и нищетой.

Защищая себя, мы защищаем всех.

Именно поэтому любые наши усилия глубже всмотреться в загадку нашей совместной жизни на Земле представляются мне морально оправданными. Именно это придаёт мне смелости нарушить стыдную тайну и попытаться в предлагаемой книге сопоставить три загадочных и грозных феномена политической жизни XX века с фактором врождённого неравенства людей.

Читать дальше имеет смысл только тому, кто, вопреки сегодняшним условностям интеллектуального этикета, верит, знает и не боится сказать вслух:

Люди от рождения не равны.

Не в том смысле они не равны, что одни от рождения лучше других, – нет, нет и нет. А в том смысле, что волевой потенциал одних заметно превосходит волевой потенциал других. И он может проявиться как в подвигах и в свершениях, так и в самых невысказанных злодеяниях, на которые у среднего человека просто не хватит решимости.

Ум и глупость, смелость и трусость, доброта и злоба, талантливость и бездарность, изящество и безвкукусность – все эти свойства, в причудливых и непредсказуемых сочетаниях, обнаружатся потом в человеке растущем и созревающим. Но уже в момент рождения каждый таинственно наделён разной по силе жаждой жизни.

Именно эту разницу имеет в виду Платон, когда говорит, что «человек от рождения может быть золотым, серебряным, медным или железным».

Именно она лежит в основании мысли Аристотеля о том, что «одни умеют предвидеть и предусматривать, а другие – нет».

Именно её – затоптанную наступающим уравнильством – пытался высветить Ницше, писавший, что «всякое восхождение типа «человек» на высшую ступень развития было делом аристократического общества, привыкшего верить в нерушимость длинной людской иерархической лестницы, в различную ценность разных людей».³

Именно эту разницу имеет в виду Бердяев, когда пишет, что «никогда ещё не было такого острого конфликта между избранным меньшинством и большинством, между вершинами культуры и средним её уровнем, как в наш буржуазно-демократический век».⁴

Именно эта разница даёт ключ к пониманию строчки Бродского «равенство, брат, исключает братство»⁵ (ибо братья бывают старшие и младшие).

Именно её описывает Христос в притче о талантах, говоря, что при рождении одному даётся «пять талантов, другому два, иному один».

Но в этой разнице даров нет никакой предопределённости судьбы. Ибо кроме талантов человеку даётся ещё самый главный дар – дар свободы. Он свободен зарыть свои таланты – хоть один, хоть два, хоть пять – или пустить их в рост, в оборот, в обогащение жизни. Смело направлять луч сознания куда хватает его силы, или избирательно обходить всё пугающее, укоряющее, болезненное – вот смысл дарованного нам выбора. И этот свободный выбор между веденьем и неведеньем и определит в конце концов ценность человеческой жизни, ценность личности. Поэтому во всех дальнейших рассуждениях я постараюсь избегать качественных категорий, сравнения людей по шкале «лучше – хуже».

Ультрафиолетовые лучи не лучше и не хуже инфракрасных. Высокие радиочастоты не лучше низких – просто другие. Есть электричество высоковольтное и низковольтное. Так и люди – их волевой потенциал, дарованный от рождения, может быть весьма различным. Он не поддаётся точному измерению, но мы все умеем инстинктивно угадывать высокий потенциал – и порой очень рано. Многие великие военачальники – Александр Македонский, Чингиз-хан, Пётр Первый, Наполеон – были выисканы инстинктом и вознесены армией, ищущей вождя, совсем молодыми.

Высоковольтные и низковольтные – этими терминами я буду пользоваться для описания врождённого неравенства людей.

Высоковольтное меньшинство и низковольтное большинство – между ними так же невозможно провести чёткую границу, как невозможно отделить вершину горы от её подножия. Но они существуют с той же несомненностью, как существуют вершина и

подножие горы. И всякий мыслитель, который пытается игнорировать эту разницу, может быть уподоблен географу, который исходил бы из допущения, что Земля – плоская.

«Люди равны перед Богом» – но лишь потому, что Бог непомерно велик и наши различия перед ним ничтожны. В церкви высоковольтный может опуститься на колени рядом с низковольтным, и в этом не будет никакого притворства или неправды – ибо перед лицом Творца мы поистине едины. Но между собой мы очевидно и мучительно неравны. Любая эгалитарная идеология, пытающаяся утверждать обратное, по сути присваивает себе прерогативу Божества. И если ей удаётся прорваться к власти, она всегда заканчивает самообожествлением.

Между высоковольтными и низковольтными вечно будет существовать напряжённость, с которой строитель общества должен обходиться весьма осторожно. И если он попытается игнорировать эту напряжённость, он рискует в очередной раз создать короткое замыкание такой силы, что оно опять – как это уже бывало не раз на протяжении мировой истории – надолго погрузит жизнь в темноту.

Любое превосходство одного человека над другим чревато страданием для обделённого. На протяжении всей обозримой истории мыслящие люди искали и ищут способы ослабления этих страданий. Ожесточённые споры по этому вопросу заполняют миллионы книжных томов, миллиарды газетных страниц, изливаются из репродукторов и с телеэкранов. Но если врождённое неравенство существует, значит страдания, вызываемые им, неизбежны, вечны, неуничтожимы?

Посмотрим, как человеческая мысль управлялась с этой дилеммой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ **«УРАВНИТЕЛИ» ПРОТИВ «СОСТЯЗАТЕЛЕЙ»** **ВРОЖДЁННОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ**

I-1. ДВА ТИПА ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: «УРАВНИТЕЛИ» И «СОСТЯЗАТЕЛИ»

Бушует океан политических страстей.

То там, то здесь вздымается вал революции, и чей-то государственный корабль – вчера ещё такой прочный – вдруг раскалывается на части, идёт на дно. Или гигантская воронка гражданской войны распаивается перед испуганными моряками и затягивает всех в кровавую пену. Или неведомый дракон, спрут, кашалот всплывает из мрачных глубин, завладевает кораблем и добирается зубами и щупальцами до каждого пассажира внутри. Муссолини, Сталин, Гитлер, Мао, Дювалье, Кастро, Иди Амин, Пол Пот, Бокасса, Каддафи, Аятолла Хомейни, Садам Хусейн – перебили в веке двадцатом столько собственных подданных, что обогнали уже всех тиранов и завоевателей прошлых веков.

Но бывают и периоды затишья. Тогда мы пытаемся воспользоваться исторической передышкой и осмыслить тайны океана. Как научиться предугадывать политические бури? Как строить государственный корабль, чтобы он мог выдержать самый сильный шторм? По каким путеводным звёздам прокладывать путь? Каким картам можно верить, а каким нельзя? Как соизмерять крепость парусов с силой ветра?

Политические дебаты гремят в парламентах и конгрессах свободных стран, заполняют страницы газет и экраны телевизоров, перехлестывают в бары и гостиные частных домов, пролетают по пляжам и бульварам. Пока нет настоящей бури, мы только спорим – но спорим порой очень ожесточённо. И люди, не разделяющие наших политических убеждений, кажутся нам опасными недоумками.

«Каким идиотом надо быть, чтобы голосовать за Картера, Киннокка, Дукакиса, Рабина, Клинтона, Гайдара!», – восклицают одни.

«Только одураченные болваны могут голосовать за Рейгана, Тэтчер, Буша, Бегина, Дола, Черномырдина!», – возражают другие.

Пока наш политический оппонент предстаёт перед нами лишь в виде безликих цифр избирательной статистики, нам легко объяснить его взгляды глупостью, бездушием, невежеством, корыстолюбием, коварством, продажностью, пассивностью. Хуже – когда мы обнаруживаем его в кругу близких друзей, родственников, сослуживцев. Мы смотрим на него и впадаем в тоскливую растерянность. «Нет, не глуп, нет, знает историю и политику не хуже меня, нет, честен, нет, отзывчив, нет, энергичен и деятелен. В чём же дело? Почему все мои лучшие аргументы, все ярчайшие примеры, все логические построения не в силах пробить его упорства?»

Что действительно поражает – это устойчивость политических убеждений. Казалось бы, поток газетных новостей обрушивает на сознание каждого человека десятки и сотни событий, которые должны были бы в корне переворачивать наши представления, приводить к полной перемене взглядов – настолько порой они неожиданны и непредсказуемы. Но нет – каждый уверенно и спокойно сортирует их в отведенные ячейки, находит приемлемые толкования, прицепляет друг к другу причинно-следственными крючками. Дайте одну и ту же кучу досок людям разного ремесла – и плотник выстроит вам из них сарай, столяр – буфет, а лодочник – шлюпку. Так и мы обращаемся с историческими фактами: строим из них привычную нам политическую интерпретацию.

Политическая история демократических стран во второй половине XX века тоже демонстрирует устойчивость убеждений. Америка, Англия, Израиль независимо друг от друга пришли к разделу внутренних политических сил на две основные партии. В Германии, Италии, Франции, скандинавских странах число активных партий может быть больше, но и

там очень редко можно видеть переход профессионального политика из одной партии в другую. Верховная власть достаётся то одной партии, то другой, но, как правило, за счет весьма небольшого перевеса в числе голосов. Израиль за 50 лет своего существования прошел через многие военные катаклизмы и потрясения, а распределение мест в Кнессете между Рабочей партией и Ликудом почти не менялось. Победа в политической борьбе часто даётся ничтожным перевесом голосов.

Как это может случиться? Откуда вырастает столь устойчивая система наших убеждений? Если ни логика, ни красноречие ораторов, ни язык фактов не могут поколебать её, не значит ли это, что корни её уходят куда-то очень глубоко?

Одним из первых мыслителей, задумавшихся над этим феноменом, был американский историк и политолог Том Суэлла. В своей замечательной книге «Конфликт мировоззрений. Идеологические истоки политической борьбы»,¹ вышедшей в 1987 году, он прослеживает историю политической мысли за последние 200 лет и выделяет из неё два устойчивых стереотипа, две модели мира, два взгляда на природу человека.

Перевод терминов, которыми Суэлла обозначает эти два взгляда – «unconstrained» (безграничный) и «constrained» (сдержанный) – не вполне точно передаёт суть рассматриваемого феномена. Поэтому я с самого начала буду пользоваться терминами, выбранными мной для этой книги: «уравнители» и «состязатели».

Что характерно для взгляда уравнителей (unconstrained) на природу человека?

Прежде всего, они верят в то, что человек по своей природе добр и разумен; что его способность к принятию правильных решений и к использованию своей свободы без ущерба для других – безгранична; что врождённое неравенство между людьми малозначительно и может быть легко компенсировано социальными программами помощи в образовании; и что все страдания и зло мира определяются обстоятельствами – неправильной социальной системой, предрассудками, отсутствием всеобщего образования, – а потому устранимы.

В отличие от них, состязатели (constrained) верят, что сложность социального устройства общества намного превышает способность индивидуального ума к принятию правильных политических решений, а поэтому следует ценить традиции, веру, мораль – силы, связующие людей в единое целое; что эгоизм остается неистребимым свойством человека, поэтому надо применяться к нему при формировании общества, а не пытаться искоренить; что неравенство человеческих способностей исключает царство «абсолютного равенства» и даже делает его в принципе несправедливым.

Все политико-идейные расхождения и противоборство проистекают (по Суэлле) из фундаментальной разницы между этими двумя взглядами. Американский исследователь прослеживает на примерах многих политических теорий проявление этих двух основных взглядов в применении к вопросам о верховной власти, правосудии, социальном устройстве. «Инопланетянин, – пишет он, – пытающийся получить информацию о нас, вынес бы совершенно разные представления о человеке из чтения разных книг... Изначально свободное и невинное существо, описанное Жан-Жаком Руссо, резко отличается от жестокого участника кровавой войны, ведомой всеми против каждого и каждым против всех, нарисованного Томасом Гоббсом.»²

Человек, прочитавший книгу Суэлла, легко научится обнаруживать противоборство двух моделей видения мира в современных политических спорах.

«Только разумное социалистическое планирование может спасти нас от губительной неуправляемости рынка», – говорят одни. И мы легко узнаём в них сторонников уравнительного взгляда на человеческие возможности. «Сложность и многообразие современной экономической жизни таковы, что никакой гений, никакой компьютер не в силах овладеть информацией, необходимой для принятия оптимальных решений, – отвечают им состязатели. – Только изучение законов рыночной экономики и подчинение им сможет избавить растущее население мира от голода и нищеты.»

«Неравенство материальное, так же как неравенство интеллектуальное, причиняет людям огромные страдания и не имеет никакого морального оправдания, ибо люди по природе

равны, – считают уравнители. – Если один имеет больше или знает больше, значит, нужно помочь другому обрести такие же материальные блага и такие же знания. Нужно заставить богатых и образованных делиться со всеми своими богатствами и знаниями.» «Люди неравны по своим способностям, талантам и энергии, – утверждают состязатели. – Уравнивать их можно только насильственно, ценой отнятия свободы и с катастрофическими последствиями для общества, которое лишится плодов деятельности наиболее активных своих членов.»

«Человек по своей природе добр и полон любви к ближнему, – считают уравнители. – Если он совершает жестокие поступки, если нападает на других, значит, он был чем-то доведен до отчаянья. Нужно устранять социальные причины отчаяния, а не увеличивать число тюрем и полицейских. Надо устранять международные конфликты путём переговоров, а не путем наращивания вооружений». «Агрессивность является врождённым свойством человеческой природы и может прорваться сквозь любые наслоения цивилизованности, – утверждают состязатели. – До тех пор, пока существует государство, оно будет состоять из управляющих и управляемых, в нём будет существовать социальное неравенство, которое наверняка будет приводить кого-то в бешенство. Власть обязана вооружённой силой защищать подданных от индивидуальных вспышек агрессивности, то есть от преступников, и от массовых, то есть от бунтов и от нападений внешнего врага».

Конечно, предложенная схема не исчерпывает бесконечного многообразия политических убеждений людей. Более того, в реальной жизни, идя к избирательным урнам или выходя с демонстрацией на площадь, мы часто поддаемся голосу своих страстей и инстинктов, а не голосу рассудка. Примеряя себя к двум описанным стереотипам, любой человек может заявить, что не принадлежит полностью ни тому, ни другому.

Сам Соуэлл не затрагивает в своей книге феномен врождённого неравенства. Возможно, он верит, что политические взгляды вырастают из рассуждений – не из страстей. Ведь каждый человек способен рассуждать – значит, он в принципе может выбирать политический лагерь при помощи анализа и умозаключений. Мысль о том, что серьёзный анализ и умозаключения являются, как правило, уделом одних «высоковольтных», скорее всего показалась бы ему неприемлемой и политически некорректной.

И всё же наличие двух устойчивых моделей политического мышления, описанных Соуэллом, проявило себя на сегодняшний день настолько наглядно, что мы вправе задать себе ключевой вопрос: что заставляет нас избрать ту или иную модель, какие силы относят человека в лагерь уравнителей, какие – в лагерь состязателей, где таится этот неизвестный науке ген, который определит характер наших политических пристрастий?

Если мы сумеем отыскать ответ на этот – казалось бы чисто теоретический – вопрос, результат может оказаться вполне ощутимым и практическим: ослабнет ожесточённость вражды между двумя лагерями. Честно и бескорыстно мыслящие люди в обоих станах смогут лучше понять природу своих разногласий. Многим будет нелегко расстаться с удобным объяснением: «мой противник – недалекий и корыстолюбивый идиот». Но если это произойдёт, мы волей-неволей должны будем по-новому вслушиваться в аргументы наших оппонентов. И тогда, быть может, обратим внимание на пугающую историческую закономерность: пока ученики Руссо спорят с последователями Монтескье, к власти прорывается Робеспьер со своей гильотиной; чем ожесточённее ведутся дебаты между сторонниками Столыпина и сторонниками Милюкова в Российской Думе, тем вернее и те, и другие приближают свой конец в подвалах большевистского Чека; чем красноречивее немецкие либералы разоблачают правительство Веймарской республики в Германии 1920-х, тем прочнее делается трамплин, с которого Гитлер прыгнет в кресло диктатора.

Разгадка этой зловещей повторяемости таится, мне кажется, в том, что в аргументированных, артикулированных дебатах участие принимают только высоковольтные. Им свойственна способность к абстрактному мышлению, способность – по выражению Аристотеля – «предвидеть и предусматривать». Интеллектуальное возвышение над средним уровнем обычно воспринимается нами как знак принадлежности к высоковольтному меньшинству. Однако, при всей остроте своего ума, при всей вооружённости знаниями,

высоковольтный человек не в силах понять страстей, которыми обуреваем низковольтный. А Дантон, Сталин, Гитлер – понимают, ибо они сами принадлежат к низковольтному большинству. И знают, что легче всего в нём раздуть вечно тлеющую, подозрительно-завистливую ненависть к высоковольтным.

Политические дебаты между людьми, искренне озабоченными судьбой своей страны, важны и полезны, но лишь до тех пор, пока мы сохраняем способность мгновенно прервать спор и встать плечом к плечу против оппонента, явившегося с такими «аргументами», как костер, топор, пуля и газовая камера. Американцы, конечно, могут сегодня не бояться, что к власти прорвется Луис Фаррахан, французы справедливо полагают, что Ла Пёну никогда не добраться до президентского кресла. Но демократии молодые, незрелые гораздо более уязвимы для возврата единоличной диктатуры или партократии. Недавние победы коммунистов на выборах в странах бывшего коммунистического лагеря – яркое тому свидетельство.

Очень хотелось бы, чтобы высоковольтные в демократических странах научились отличать честную убежденность своих оппонентов от ловкой демагогии политических авантюристов. Будущий диктатор в период пролезания к власти через лазейки, оставленные конституцией, только делает вид, будто его оружие, как и у всех, – слово. На самом деле он презирает слова, логику, ораторское искусство, правила полемики. До тех пор, пока политическая дискуссия ведётся по правилам, шансов на победу у него нет. Все вопиющие противоречия в его речах – не от глупости (как правило, он обладает хитрым, сильным и цепким умом), а именно от желания внести хаос, разрушить связь между словом и смыслом. Давать ему полное право на участие в политической жизни – это всё равно, что допустить к участию в боксёрском матче спортсмена, перчатки которого набиты не шерстью, а свинцовой картечью.

Большевики, нацисты, мусульманские фундаменталисты поначалу выглядели ничтожным меньшинством на политической арене. Главные партии видели опасность лишь друг в друге – и проглядели тех, кто взорвал незрелую демократию изнутри. Думается, если бы уравниатели и состязатели глубже осознавали онтологическую глубину своих расхождений, они не допустили бы подобной ошибки. Ведь по сути спор между двумя моделями политического мышления ведётся тысячелетия – а значит, он не может быть результатом случайности, злокозненности, неинформированности.

Только окинув мысленным взором всю историю философских споров, смог Иммануил Кант выдвинуть теорию четырёх антиномий – неразрешимых противоречий, свойственных любому человеческому разуму от рождения. Не исключено, что, взглядевшись в тысячелетия политических дебатов, мы обнаружим такой устойчивый раскол мнений, что объяснить его можно будет лишь наличием в нашем сознании пятой антиномии – политической.

Честное расхождение во взглядах между уравниателями и состязателями можно наблюдать не только в течение последних двухсот лет. Попробуем выйти за пределы периода, очерченного Томасом Суэллом, и проследить, как два выделенных им взгляда обнаружили себя в творчестве знаменитых мыслителей далекого прошлого.

I-2. «ГОРОД СОЛНЦА» И «ЛЕВИАФАН»

Далеко не все знаменитые философы касались проблем политики. Многие уплывали на всю жизнь в бескрайние и вечно загадочные океаны – религии, искусства, естествознания. Из относительно небольшого списка политических мыслителей попробуем выделить попарно наиболее известных и свести результат в хронологическую таблицу.

<i>Век</i>	<i>«Уравнители»</i>	
4-й до н.э.	Платон (427-348),	«Государство»
16-й	Томас Мор (1478-1535)	«Утопия» (1516)
17-й	Томаззо Кампанелла (1568-1639)	«Город солнца» (1630-е)
18-й	Джерард Уинстенли (1609-1660)	«Закон свободы» (1652)
	Жан Жак Руссо (1712-1778)	«О происхождении неравенства» (1755)
19-й	Вильям Годвин (1756-1836)	«Рассуждение о политической справедливости» (1793)
	Пьер Прудон (1809-1865)	«Что есть собственность?» (1840)
	Карл Маркс (1818-1883)	«Капитал» (1 т. – 1867)
20-й	Джон Гэлбрайт (1908)	«Новое индустриальное общество» (1967)
<i>Век</i>	<i>«Состязатели»</i>	
3-й до н.э.	Аристотель (384-322)	«Политика»
16-й	Никколо Макиавелли (1469-1527)	«Князь» (1513)
		«История Флоренции» (1525)
17-й	Фрэнсис Бэкон (1561-1626)	«Новая Атлантида» (1614-29)
	Томас Гоббс (1588-1679)	«Левиафан» (1651)
18-й	Шарль Монтескье (1689-1755)	«О духе законов» (1748)
	Адам Смит (1723-1790)	«Богатство народов» (1776)
19-й	Алексис Токвиль (1805-1859)	«О демократии в Америке» (1835)
	Джон Стюарт Милль (1806-1873)	«Принципы политической экономии» (1848)
20-й	Фридрих Хаек (1899-1992)	«Дорога к рабству» (1944)

Все вышеперечисленные мыслители считали человеческое общество несовершенным. Все они хотели бы видеть его улучшенным. Они предлагали различные модели политического и социального устройства, которое могло бы уменьшить страдания людей. Попробуем рассмотреть эти модели лишь под одним углом: как в них решалась проблема врождённого неравенства людей.

Платон в своём проекте идеального государства делает эту проблему чуть ли не ключевой. Он делит всё население на четыре касты: железные, медные, серебряные, золотые. «Если порождение человека будет отчасти медное, либо отчасти железное, то никак они (начальствующие) не должны иметь к нему снисхождения, но, воздавая надлежащую честь природе, должны отсылать его к мастеровым или к земледельцам; а кто, напротив, произошедши от этих последних, родился частью золотым, либо частью серебряным, того возводили бы в стражи или в помощники».¹

Но как же определить это «порождение»? По каким признакам можно узнать в младенце, золотой он, серебряный, медный или железный? На это Платон не отвечает. Зато он ясно видит, что внедрение его теорий должно привести к уничтожению семьи. И не останавливается перед этим: «Все женщины в касте золотых должны быть общими всем

мужчинам; ни одна не должна жить ни с одним; также общими должны быть и дети, чтобы и дитя не знало своего родителя и родитель дитя... Взяв детей от золотых стражи будут относить их в огороженное место, к кормилицам, живущим отдельно... и употреблять всё искусство, чтобы ни одна из матерей не узнала своего дитя».²

Легко заметить, однако, что решение, предлагаемое Платоном, не снимает проблемы. Он хочет учредить четыре касты – но закрывает глаза на то, что врождённое неравенство будет ощущаться людьми и внутри каждой касты, будет так же порождать ревность, соперничество, зависть, ненависть, раздор, как оно порождало их, допустим, три века спустя в Римском обществе, расслоившемся как раз на четыре касты: рабов, свободных, всадников и сенаторов.

В отличие от уравнивателей, состязатели, как правило, не сочиняют модели идеальных государств. Они описывают те, что известны истории, и сравнивают их между собой, используя шкалу «лучше – хуже». Ученик Платона, Аристотель, хорошо знал о феномене врождённого неравенства людей. И в своей книге «Политика» он предложил кратчайшую формулу-рекомендацию, не утратившую своей заманчивой ясности и в наши дни:

«Кто может мыслить и предусматривать, тот естественно властитель и господин; а кто своим телесным трудом в состоянии осуществлять его мысль на деле, тот стоит к нему в подчинённом положении».³

При этом Аристотель отнюдь не обольщался и знал, что в реальной жизни, сплошь и рядом, в повелевающие попадут люди, способные видеть только кратчайшие пути утоления собственных страстей. Ревность и зависть, порождаемые врождённым неравенством, он считал главным источником смут и мятежей. «Одни, стремясь к равенству, возмущаются, когда думают, что несмотря на своё равенство с людьми, которые изобилуют во всём, они имеют меньше их; другие, желая неравенства и превосходства, возмущаются тогда, когда замечают, что, при неравенстве своём с другими, они не имеют сравнительно с ними больших прав, но лишь равные или даже ещё меньшие».⁴

Уверенность философа в наличии врождённого неравенства также многократно проявляется в употребляемых им эпитетах. «Меры, способствующие возможно продолжительному сохранению тирании: угнетение людей, возвышающихся над общим уровнем; вытеснение людей мыслящих; запрещение всех тех обществ, в которых может быть обмен мыслей».⁵

Теперь перенесёмся на много веков вперёд и откроем знаменитую книгу, описывающую идеальное государственное устройство.

В стране упразднена частная собственность.

Все обязаны трудиться.

Носят одинаковую одежду.

Едят за общими столами.

За частные разговоры о политике – смертная казнь.

На каждую поездку даже из города в город нужно испрашивать разрешение.

Все шпионят за всеми и доносят начальству.

Вся жизнь человека расписана, за малейшее отступление от правил – обращение в рабство.

Искусство влачит жалкое существование или отменено совсем...

Что это?

Сталинская Россия? Гитлеровская Германия? Маоистский Китай? Кастровская Куба?

Нет, это знаменитая Утопия – идеальное государство, придуманное возвышенным мыслителем, Томасом Мором – героем и святым. Мечта, увлекавшая его современников, манившая многих и многих в последующие века.

Единственное неравенство, которое не отменено в Утопии, – неравенство по возрасту. Ну и конечно, неравенство между мужчиной и женщиной. В семье все подчиняются старшему мужчине. Тридцать семей избирают руководителя – сифогранта. Над каждым десятком сифогрантами – транибор. 200 сифогрантов избирают князя, и это пожизненный пост.⁶

Но по каким признакам выбирают руководителей? Ведь неравенству способностей ни в чём не дано проявляться?

И как люди обсуждают кандидатуры, если «за попытки обсуждать государственные дела вне государственных советов полагается смертная казнь»?⁷

Лишь в одном месте невнятно говорится, что «некоторые люди в городах, проявившие с детства необычайные способности к учению, освобождены от физической работы и могут целиком посвятить себя наукам».⁸ Но образуют ли они отдельную касту учёных, отличающуюся по своему положению от других, или остаются растворёнными в общей массе людей – не уточняется.

Есть две важные черты в мышлении уравнивателей, которые очень заметно проявляются у Томаса Мора.

Первая: уравнивательный ум не считается с затратами времени.

Время мыслится всегда имеющимся в изобилии, как воздух. Его запасы бесконечны. Нельзя отказаться от выполнения того или иного разумного плана только потому, что на него не хватает времени.

Например, в Утопии «ни одно решение, касающееся государственных дел, не должно обсуждаться в Совете меньше, чем три дня».⁹ То есть за год Совет может принять не более 120 решений. А если жизнь потребует решения по тысяче вопросов? Что ж, жизни придётся подождать.

Вторая черта: отказ видеть разницу между эффективным трудом и непроизводительным, между тружеником и разгильдяем. Уравнивательный ум верит, что результат труда прямо пропорционален числу приставленных к делу работников. Мор предлагает в первой части своей книги (где описываются бедствия Англии) заставить трудиться всех бездельников, а также присуждать к трудовой повинности преступников, которых сейчас без пользы бичуют или казнят.¹⁰ Уравнивательный ум воображает, что «заставить трудиться» – дело элементарное. Именно поэтому последователи Мора, жившие четыре века спустя, придавали такую важность простейшим трудовым процессам, которые легко было измерять и контролировать: уборка хлеба и сена, дои молока, добыча каменного угля и выплавка стали, рубка леса.

Здесь всё казалось так просто! Не выполнит норму – наказать; выполнит – дать паёк; перевыполнит – прославить в газете. Но убранный хлеб потом гниёт под дождями, потому что не выстроены зернохранилища и не проложены дороги для вывоза; молоко скисает в неохлаждённых кладовых; горы каменного угля ждут на станциях вагонов годами; горы брёвен рассыхаются по берегам обмелевших рек.

Обе вышеописанные черты вырастают, по сути, из одного корня: из стремления рационального ума облегчить себе работу, упростить утоление его главной страсти – страсти к обобщениям. Обобщать же легко только в случае, если удалось пренебречь качественными различиями в явлениях. В том числе, и врождённым неравенством людей. Тогда все выводы выстраиваются куда как легко. Тогда очевидно, что трёхдневное обсуждение вопроса даст лучшее решение, чем однодневное. Тогда очевидно, что двадцать человек наработают больше, чем десять. А если в реальности всё получается не так – что ж, тем хуже для реальности.

Правда, остаётся не вполне ясным, насколько всерьёз сам Томас Мор относился к своей фантазии. Недаром же капитану-рассказчику дано имя Хифлодэй (Hythloday), что по-гречески означает «Знаток ерунды», а название Утопия может быть переведено и как «хорошее место», и как «место несуществующее».¹¹ Но успех книги говорит о том, что она повторяла весьма распространённый ход политического мышления: «единственная возможность избавиться от социальных язв – устранить частную собственность».

Даже те, кто никогда не читал книг современника Томаса Мора – Николо Макиавелли (1469-1527), слышали, что его «макиавеллизм» – это воплощение всего циничного, жестокого, коварного в политике. На самом деле внимательное прочтение знаменитого трактата «Князь» оставляет двойственное впечатление. Кажется, будто автор – явный республиканец в душе – с горькой иронией говорит своим современникам: «А, вы решили,

что правление одного лучше правления большинства? По всей Италии города-республики переходят под власть князей и кондотьеров? Ну, так я попытаюсь подробно, с примерами из истории, рассказать вам, каким должен будет сделаться ваш единовластный повелитель, чтобы сохранять и удерживать власть.

Во-первых, он должен будет стать безжалостно жестоким, как, например, Ганнибал.¹² Очень опасно для него быть щедрым – раздавать и тратить он будет только чужие деньги, не свои.¹³ Ему ни в коем случае нельзя соблюдать данное слово.¹⁴ И он должен будет воздерживаться от нанесения мелких обид, потому что они лишь порождают опасную мстительность в подданных, – гораздо лучше убивать потенциального противника, чтобы он не мог отомстить.¹⁵»

Республиканские пристрастия Макиавелли отражены в его менее знаменитых трудах: в «Комментарии к Ливию» и в «Истории Флоренции». Сравнивая Флорентийскую республику с Римской, он описывает силы, подтачивавшие республиканский строй в его родном городе: «Противоречия, возникавшие с самого начала в Риме между народом и нобилиями, приводили к спорам; во Флоренции они выливались в уличные схватки... В Риме спорам ставило предел издание нового закона, во Флоренции они оканчивались лишь смертью и изгнанием многих граждан...»¹⁶

Будучи до мозга костей учёным и интеллектуалом, Макиавелли, тем не менее, не возводит умственную деятельность на пьедестал. Образованность, знания – прекрасные вещи, но выше них он ставит мужество и гражданскую доблесть. Наличие или отсутствие доблести – вот главное отличие людей друг от друга, вот в чём они неравны. И горе государству, в котором доблестные будут задавлены или изгнаны.

«Когда во Флоренции побеждали попопаны (незнатные), нобили не допускались к должностям, и если они желали быть снова допущенными к ним, им приходилось не только уподобиться простому народу в поведении своём и в чувствах, и во внешнем обиходе, но и казаться всем такими. Отсюда – изменение фамильных гербов, отречение от титулов... чтобы их можно было принять за людей простого звания. Так и получилось, что воинская доблесть и душевное величие, свойственное вообще нобильскому сословию, постепенно угасали».¹⁷

В этих рассуждениях виден мыслитель, ощущающий разницу между «низковольтными» и «высоковольтными» и сознающий, что подавление высоковольтного меньшинства чревато обеднением и ослаблением государства.

Бури итальянской политической жизни не обошли стороной Никколо Макиавелли: в 1513 году он был брошен в тюрьму и подвергнут пытке, но вскоре освобождён. Другой итальянский мыслитель, живший сто лет спустя, не отделался так легко. Из семидесяти лет своей жизни Томазо Кампанелла (1568-1639) провёл в тюрьмах ровно половину. Признание в ереси было вырвано у него пыткой, и только разыграв безумие, он смог спастись от костра.

Его главный труд, «Город Солнца», широко циркулировал в рукописных копиях, когда автор ещё сидел в тюрьме. Вряд ли Сталин, Мао Цзэдун или Кастро когда-нибудь читали эту книгу. Но коммунистические государства, которыми они управляли, имеют поразительно много общих черт с Городом Солнца. Там, например, верховные правители тоже остаются у власти бессменно. Частная собственность запрещена, торговля осуждается, трудовая деятельность возведена в культ. Жители должны публично каяться в своих проступках, то есть участвовать в «критике и самокритике». Во всеобщее взаимное шпионство и доноительство вовлечены даже калеки. Осуждённых уговаривают публично признать необходимость смертной казни для них.

Кампанелла во многом следует за Платоном и часто цитирует его. В Городе Солнца семья отменена, так же как в Государстве Платона (ведь это был бы повод для проявления эгоизма!), и дети воспитываются наставниками. Автор приводит даже возражение Аристотеля Платону: «Ради чего люди будут тратить свои силы в трудовой деятельности, если собственность не признаётся и у них всегда будет надежда прожить за счёт труда других?» Он честно сознаётся, что не знает ответа на этот вопрос. «Однако, – продолжает свой рассказ капитан-рассказчик, посетивший чудесный город, – жители там пылают такой любовью к

своему отечеству, что в это просто трудно поверить».¹⁸ Но почему же трудно? Верили же западные интеллектуалы в «трудовой энтузиазм масс» в Сталинской России и Маоистском Китае.

Интересующий нас аспект врождённого неравенства людей задет Кампанеллой в нескольких местах. Например, сказано, что «умственно слабых отправляют работать на фермы». Другой момент неравенства, смущающий автора: женщины бывают красивые и некрасивые. Что с этим делать? Здесь он опять прибегает к помощи Платона. Совокупление людей должно осуществляться по научным принципам, чтобы сохранять и улучшать породу. А тех, кому красивые женщины не достанутся, следует обманывать, уверяя, что отбор ведётся по жребию. Но если женщина попытается «подрумянить лицо или надеть высокие каблуки, или красивое платье до земли, её присудят к смерти».¹⁹ Последнее чем-то напоминает правление иранских аятолл. Но не будем забывать, что и в коммунистической России можно было быть арестованным за «стиляжничество», а в Маоистском Китае девушкам на улице отрезали косы.

Мы уже отмечали важную черту уравнительного склада мышления: тенденцию игнорировать различия между людьми. Кампанелла стремится пренебречь не только разницей между одним человеком и другим, но и разницей между человеком сегодня и год, пять, десять лет спустя. Отсюда готовность всех уравнивателей оставлять власть пожизненно в руках одного – самого мудрого, образованного, честного, добролюбивого. Развращающий эффект времени и власти в рассмотрении не принимается.

Знаменитый английский философ и политический деятель Фрэнсис Бэкон (1561-1626), несмотря на высокое положение (он был министром и лордом-канцлером короля Якова Первого), тоже не избежал тюрьмы. В результате дворцовых интриг он был обвинён во взяточничестве, брошен в Тауэр, наказан тяжёлым штрафом и навсегда отстранён от реальной политической деятельности. Но это позволило ему за последние шесть лет жизни написать чуть ли не больше научных и философских трудов, чем за годы, предшествовавшие падению (1621).

Созданная им утопия «Новая Атлантида» (написана около 1614, впервые опубликована в 1629) осталась незавершённой, поэтому мы не можем сказать с уверенностью, как Бэкон видел политическое устройство идеального государства. Но и по сохранившемуся отрывку ясно, что управление счастливой страной Бензалём находится в руках олигархии учёных. Один из членов государственного совета рассказывает путешественнику, занесённому бурей на их остров (он расположен в том районе Тихого океана, где находится Австралия – тогда она ещё не была открыта) о всевозможных научных и технических чудесах. Здесь можно найти устройства, предвосхищающие и телевиденье, и электрический генератор, и подводную лодку, и воздухоплавание, и скрещивание различных видов растений и животных. Счастье и покой – удел граждан этой страны. Поэтому они прилагают все силы, чтобы остальной мир не узнал об их существовании. Сами они периодически путешествуют и знают всё, что происходит в других странах. Но их корабли появляются в портах Европы и Азии под чужим флагом.

Политические взгляды Бэкона гораздо полнее отражены в других его знаменитых трудах: «История царствования короля Генриха Седьмого», «Принципы законодательства» и в коллекции коротких эссе, переиздающихся до сих пор в миллионах экземпляров. Обильно цитируя Платона, Аристотеля, Тацита, Макиавелли, Бэкон в этих изящных отрывках обобщает свой опыт мыслителя и государственного деятеля. Врождённое неравенство воспринимается им как научно установленная данность (см. например эссе «О знатности»)²⁰. В эссе «О бунтах и смутах» он пишет: «Как в природе ураганы чаще возникают на равнинах, так и в государствах, где установилось равенство, правители скорее должны ожидать народных волнений... В государстве всегда есть два сорта подданных: благородные и простонародье. Когда недовольство охватывает лишь одну часть, опасность не так велика; ибо простонародье медлительно, если знатные не начнут его подстрекать. Сами по себе благородные немногочисленны, поэтому не могут представлять большой угрозы. Но когда

они почувствуют, что и низы охвачены недовольством, вот тогда они могут соединиться с ними и стать разрушительной силой».²¹

Сочинения Джерарда Уинстенли (1609-1660?) известны, пожалуй, только специалистам по истории Англии. Но в бурные годы Английской революции XVII века он сделался основателем и идеологом движения, которому суждено было три века спустя разлиться по всему миру под именем «коммунизм». Правда, в те годы сторонники Уинстенли называли себя по-другому: «диггеры» (копатели) или «подлинные левеллеры» (уравнители). Весной 1649 года несколько десятков семейств явилось на пустующие земли в нескольких милях от Лондона и начали их обрабатывать. Окрестные землевладельцы разгоняли их, избивали, ломали постройки и инвентарь – они не сопротивлялись. Но упорно возвращались снова и снова и пытались делать то, что завещал им Господь: трудиться на земле, которая была даром Всевышнего всем людям.

Колония просуществовала меньше года. Но Уинстенли продолжал свою пропаганду и после. Его главный труд «Закон свободы» (1652) был посвящен Оливеру Кромвелю. Он утверждал, что частная собственность на землю и была проклятием Адама, освобождение от которого возвещал людям Христос. Все должны жить и трудиться сообща на общей земле и собирать плоды трудов в общественные склады. Никакой торговле, никакой финансовой деятельности не будет места в государстве истинных христиан. Разум дан Господом человеку, чтобы устроить свою жизнь наилучшим образом. Страдания и раздор, наполняющие жизнь, – вовсе не неизбежное зло, а результат греховных заблуждений и корысти тех, кто сделал себя правителями, хозяевами, епископами, лордами, королями.

Только глубокая вера и убеждённый пацифизм Джерарда Уинстенли помешали коммунистической идеологии объявить его предтечей марксизма-ленинизма. С другой стороны, и для господствующих христианских церквей его взгляды были неприемлемо еретическими. «Не можете вы спастись верой в то, что некий человек жил и умер данным давно в Иерусалиме, – писал он в памфлете «Рай святых». – Не ищите Бога на месте славы позади солнца, но только в себе и в каждом человеке. Не спасены вы до тех пор, пока не почувствуете, как сила духа одолевает в вас склонность ко злу».²²

И хотя имя Уинстенли было надолго забыто, его убеждённость в том, что собственность (и особенно – собственность на землю) – грех и проклятие, разделяли в течение веков миллионы людей, включая таких прославленных мыслителей, как Прудон, Кропоткин, Толстой.

Труды Томаса Гоббса (1588-1679) были хорошо известны современникам и до Английской революции. Но настоящих последователей у него всегда было очень немного. В разгаре гражданской войны в Англии и роялисты, и парламентаристы ждали от политического мыслителя ответа только на самый жгучий вопрос: можно ли восставать против короля? И, победив, отрубить ему голову?

Однако Гоббс так и не смог примкнуть ни к той, ни к другой партии. Его мысль проникала на гораздо более глубокий уровень проблемы взаимоотношений между человеком и государством. В своём капитальном и главном труде «Левиафан» (1651) он предлагает своеобразную модель возникновения человеческого общества. Как и всякое живое существо человек наделён силами и способностями для того, чтобы защищать себя от враждебных поползновений. В так называемом естественном, природном существовании понятия добра и зла не существуют. Добро – это всё то, что помогает человеку сохранить свою жизнь, уберечься от ран и страданий. Каждый находится в состоянии войны друг с другом, и в этом состоянии любое использование силы или обмана не может быть подвергнуто моральному осуждению.

Но тот же страх физической гибели толкает человека к поиску мира с другими. Разум и опыт, поколение за поколением, учат его, что безопасность возрастёт, если ему удастся заключить мир с живущими рядом. Так возникает, растёт и укрепляется гражданское общество, «commonwealth». Каждый член гражданского общества как бы отказывается от

своего естественного права на самооборону и передоверяет защиту своей безопасности государству.

В этом состоит суть «общественного договора». С точки зрения Гоббса, договор (covenant) заключён не между правящей силой (монархом, сенатом, парламентом) и обществом, а между всеми членами общества, – и в задачу правителя входит главным образом надзор за соблюдением условий этого договора. Каждый член гражданского общества как бы отказывается частично от права защищать себя в той мере, в какой это связано с нападением на другого члена общества. В соответствии с этим, в судах цивилизованных государств не жертва преступления (или его родственники) выступает обвинителем, а всё общество. Уголовные дела так и называются: «People versus such and such» – «Народ против такого-то». Исходя из этого кардинального – и до сих пор малооценённого – логического построения, Гоббс приходит к выводу, что никакой правитель не может быть объявлен нарушителем общественного договора, ибо он его ни с кем не заключал. (Вывод философа, чреватый разочарованием для всех участников кипящей повседневно политической борьбы). Правитель только надзирает за сохранением мирного сосуществования граждан. И если правитель плохо справляется с этой задачей, общество имеет право сменить его или вообще изменить форму политического правления.

Сравнивая различные формы правления, Гоббс повторяет Аристотеля почти дословно. Единовластие, олигархия, республика. Правление одного, правление меньшинства, правление большинства – вот три возможных варианта. И каждый из них по-своему уязвим для злоупотреблений, каждое правление в какой-то момент может поставить свои собственные интересы выше интересов общества. Но как и почему различные правители поддаются развращающему действию власти, Гоббс не рассматривает. Не рассматривает он и причины смут и раздоров в государстве. Все раздоры кажутся ему следствием тех или иных ошибок в установлениях, законах или в истолковании основных принципов общественного устройства. И в этом плане он сближается с представителями уравнительного склада мышления.

Поле исследования Гоббса – политическая статика.

Динамика политической жизни ускользает от него, и он почти не обращает внимания на главную силу, движущую политическими трансформациями – врождённое неравенство людей.

Тем не менее, сто лет спустя, именно Гоббс сделался предметом критики и нападок со стороны самого прославленного мыслителя из лагеря уравнителей – Жан Жака Руссо (1712-1778). Рисуя так называемого «естественного человека», то есть не испорченного цивилизацией, Руссо видит в нём не только жажду самосохранения. Вторая главная черта, не замеченная Гоббсом: сострадание всему живому, «отвращение, испытываемое нами при виде страданий другого существа».²³

«Почему же мы видим бесконечную картину взаимного мучительства, которому люди подвергают друг друга? Ответ может быть лишь один: развитие цивилизации пошло ложным путём и завело человечество в опасный тупик.»

Политические взгляды Руссо изложены, главным образом, в двух трактатах: «О происхождении неравенства» (1755) и «Общественный договор» (1762). В обоих трудах он клеймит пороки современного ему общества и рисует воображаемые картины безмятежного счастья, в котором живут, – или, по крайней мере, должны жить! – племена дикарей. «Дикий человек настолько отличается от цивилизованного, что их понятия о счастье оказываются противоположными. Дикий хочет только жить и пребывать в безделье... цивилизованный же постоянно в движении, работает до пота, готов даже загнать себя до смерти».²⁴

Одна из главных «язв цивилизации» – науки и искусства. Продолжая Платона и предвосхищая Толстого, Руссо не устаёт говорить об их разрушительном воздействии на добродетельную суть естественного человека. Как хорошо жилось людям до изобретения книгопечатания! Дурные и ошибочные сочинения не имели возможности распространяться. «Мир не знал этого искусства – увековечивать ошибки и завихрения человеческого ума. Теперь же зловредные измышления Гоббса и Спинозы будут сохранены навеки!»²⁵ Если

природа создала человека здоровым, то я не побоюсь заявить, что размышление есть отклонение от законов природы и думающий человек – это просто животное с дефектом».²⁶

Наличие врождённого неравенства Руссо безусловно признаёт. Он только возражает против того, чтобы общественные институты усиливали и закрепляли это неравенство: «Сильнейший мог наработать больше; умный догадывался, как всё обернуть в свою пользу; изобретательный находил способы облегчить себе работу... Все работали поровну, но одни богатели, а другим едва хватало на жизнь. Таким образом неравенство усиливалось и усугублялось».²⁷

Можно было бы спросить Руссо и его последователей: замечали ли они, что происходит в обществах, где энергичным, изобретательным и умным не даны возможности реализовать их таланты? Видели ли они запустевшие поля, развалившиеся дома, заболоченные реки, рухнувшие мосты?

Но предвидя подобные возражения и опережая их, в самом начале своего трактата «О происхождении неравенства» Руссо говорит: «Давайте начнём с того, что отложим в сторону факты. Исследования подобного рода не должны строиться на исторической достоверности, а только на гипотетических рассуждениях».²⁸

В подобном замечании, мне кажется, и кроется некий волнорез, разделяющий два типа политического мышления. Воображение уравнивателя с радостью и благодарностью примет предложенное Руссо условие и с волнением погрузится в чтение его трактата. Состязатель же, зная свою неспособность закрывать глаза на исторические факты, скорее всего захлопнет трактат и отправится искать книги других авторов. И вполне возможно, что вскоре мы увидим его тоже просиявшим, взволнованным, прижимающим к груди том, на котором вытиснены слова:

Шарль Монтескье. «О духе законов».

Эта книга, опубликованная в 1750 году, принесла автору мировую славу. По общему убеждению, идеи Монтескье, наряду с трудами Джона Локка, имели огромное влияние на Джефферсона и его современников и легли в основу «Декларации независимости» и «Конституции Соединённых Штатов». В отличие от Руссо, Монтескье имел опыт участия в делах правления – в Парижских судах и в парламенте Бордо. Его знания в области права и мировой истории были необъятными и отразились в таких его знаменитых работах, как «Персидские письма» (1722) и «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» (1734). Рассматривая преимущества и недостатки трёх видов правления – монархии, аристократии и демократии, Монтескье первым, основываясь на политическом опыте римлян и британцев, указал на практиковавшееся у этих народов разделение властей, – законодательная, исполнительная, судебная, – как на возможность включать в республиканский строй преимущества монархии и аристократии: пусть президент будет могуществен, как король; законодатель будет отзывчив к требованиям избирающего его большинства, как народный трибун; независимый судья будет предан традициям, очерченным конституцией, как аристократ был предан заветам и традициям своих предков.

Принадлежа к родовой аристократии и интеллектуальной элите своего времени, Монтескье был очень чувствителен к проявлениям эгалитарных страстей. «Во всяком государстве всегда есть люди, отличающиеся преимуществами рождения, богатства или почестей; и если бы они были смешаны с народом, если бы они, как и все прочие, имели только по одному голосу, то общая свобода стала бы для них рабством и они отнюдь не были бы заинтересованы в том, чтобы защищать её, так как большая часть решений была бы направлена против них».²⁹

Исторический опыт многих государств и прагматический склад ума привели Монтескье к убеждению, что культ равенства будет иметь губительные последствия даже для республиканского строя. «Принцип демократии разлагается не только тогда, когда дух равенства утрачивается, но также и тогда, когда дух равенства доводится до крайности и каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свои правители. В таком случае народ

отказывается признать им же самим назначенные власти и хочет всё делать сам: совещаться вместо сената, управлять вместо чиновников, судить вместо судей».³⁰

Через год после выхода в свет труд Монтескье «О духе законов» был включён Ватиканом в список запрещённых книг. Но примечательно, что и книги Руссо, содержавшие прямо противоположные взгляды, подверглись официальному осуждению в 1762 году

«Общественный договор» и «Эмиль» были сожжены в Париже и Женеве рукой палача и автору пришлось спасаться бегством. Поистине, как сказал сам Монтескье, «в свободной стране очень часто бывает безразлично, хорошо или дурно рассуждают люди – важно лишь, чтобы они вообще рассуждали, так как именно это и обеспечивает защиту от последствий неправильных рассуждений... Точно так же, в деспотическом правлении и хорошие, и дурные рассуждения одинаково пагубны, так как принцип этого правления подрывается тем одним, что там рассуждают».³¹

Пьер Жозеф Прудон (1809-1865), теоретик и основоположник анархизма, поставил под вопрос правомочность института собственности. В своём наделавшем шума труде «Что есть собственность?» (1840) он отвечает на вопрос прямо и однозначно: «собственность есть кража». Ловкими логическими парадоксами он разрушает все привычные представления о естественности и правомочности индивидуального владения вещами и ценностями. Право собственности на произведённый продукт? Но в производстве почти любого продукта участвуют сотни людей – каким образом можешь ты присвоить себе то, что не появилось бы на свет без участия всех остальных? Твой талант, знания, искусность? Но и они представляют собой сумму духовных богатств, копившихся веками всем человечеством. Участок земли, роща, водоём? Ну, это уж точно сделано не тобой и потому должно навеки перейти в общее достояние.

Не перераспределять богатство требует Прудон, но отказаться от самого права на личное владение. Если это осуществится, то отпадёт и нужда в сохранении «самого страшного чудовища – государства». Институт собственности, охраняемый правительством, полицией, судами, войсками, – вот главное препятствие для достижения подлинного равенства и подлинной свободы.

Врождённое неравенство Прудон признаёт, но заявляет, что с ним нужно бороться. Если кто-то одарён отличной памятью, богатым воображением, здоровьем, выносливостью, его-то и надо заставить сравняться с остальными – в этом будет состоять высшая справедливость. Все люди рождаются неравными и благодаря выдающимся способностям могут захватить больше других. Поэтому единственный способ предотвратить такую несправедливость: разрушить само понятие собственности. «Талант и гений! Твои хвалёные дары, приносящие тебе дань, оправданы смехотворными аргументами. Благодаря своему воображаемому превосходству ты живёшь за счёт труженика и удерживаешь его в порабощённом состоянии. Развей интеллект этого труженика, упражняй его естественные способности, освободи его душу, и тогда, – ты, погрязший в эгоизме! – тогда ты увидишь, куда скатится твоё дутое превосходство».³²

В ненависти к институту частной собственности Прудон был вполне солидарен с Карлом Марксом, который поначалу писал положительные рецензии на его книги (раскол между ними произошёл позже). Мощное движение анархистов, охватившее Европу и Америку во второй половине XIX века показывает, что идеи Прудона находили отклик в миллионах сердец. И не только среди обездоленных. Такие враги собственности, как Бакунин, Энгельс, Кропоткин, Толстой и тысячи других, вышли из аристократической среды. Их страстная убеждённость и единодушие в вопросе о собственности пронизаны всё теми же чертами уравнилельного способа мышления, которые мы обнаружили и у других мыслителей.

Может показаться странным, что имя Алексиса Токвиля (1805-1859) отнесено к лагерю состязателей. Ведь в своём главном труде «О демократии в Америке» (1835) он неустанно восхваляет принципы равенства, положенные в основу американского государственного устройства. Он предсказывает победное распространение этих принципов во всём мире. Тем

не менее, дух и пафос, пронизывающий труды этого французского аристократа, можно интерпретировать как прямое обращение к «высоковольтному» меньшинству.

«Нам нет нужды защищаться перегородками сословных барьеров, – говорит он своим европейским современникам. – Посмотрите на Америку: они создали общественный порядок, при котором таланту и предприимчивости открыта возможность проявить себя в полную мощь. И вечно ревнивое большинство терпит это и прощает лучшим в своей среде проявленное ими превосходство. А разве не это главное для нас?»

Многие европейские аристократы (включая, кстати, Пушкина) скептически отнеслись к энтузиазму Токвиля. Однако огромный успех его книги и влияние его идей на политическую атмосферу в Европе середины XIX века показывают, что люди той эпохи страстно искали модель общественного устройства, которая исключила бы повторение Французской революции и якобинского террора.

Полярность взглядов Уильяма Годвина и Адама Смита, Маркса и Милля, Гэлбрайта и Хайека очень хорошо рассмотрена в уже упоминавшейся книге Томаса Суэлла «Конфликт мировоззрений». Для русского читателя таблицу, открывающую эту главу, можно было бы расширить, включив в неё попарно имена Радищева и Державина, Белинского и Чаадаева, Чернышевского и Достоевского, Кропоткина и Ключевского, Плеханова и Бердяева. Думается, что два лагеря вековой интеллектуальной войны выделены теперь достаточно чётко. Из этого обзора нам должно стать ясно, что идейный конфликт, который длится 2500 лет, не может быть связан с быстро меняющимися историческими обстоятельствами. Он должен корениться в свойствах человеческого ума. Похоже, мы имеем здесь дело с пятой антиномией сознания – политической. И она обладает такой же устойчивостью, как первые четыре, открытые Кантом.

Конечно, в истории политико-социального анализа мы найдём и мыслителей, которых трудно будет отнести целиком к одному из лагерей. Найдутся и случаи перехода из одного лагеря в другой. Например, два величайших русских писателя, Толстой и Достоевский, на протяжении своей жизни двигались как бы в противоположных направлениях – навстречу и мимо друг друга. Достоевский начал с увлечения «принципиальным социализмом», а закончил в лагере прагматического консерватизма: «Я не приму за венец желаний моих – капитальный дом, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет и на всякий случай с зубным врачом Вагенгеймом на вывеске». ³³ Путь Толстого протянулся от участия в реформах 1861 года, открывавших Россию состязательному принципу, до проклятий всем формам неравенства в его поздних трудах, и даже попыток поставить христианство (которое «не от мира сего») на службу социалистическому раю на Земле.

Но при всём многообразии индивидуальных исканий, существование двух принципиально различных моделей политического мышления на сегодняшний день можно считать установленным фактом. Их долгое теоретическое противоборство выплеснулось во второй половине XX века в наглядный исторический факт: образование двух враждебных лагерей в период Холодной войны.

В лагере социализма проблема врождённого неравенства людей была решена в традициях принципиально-уравнительного мышления: одарённое и энергичное меньшинство было изгнано или уничтожено, а оставшиеся лишены возможности реализовать свои таланты; всякое продвижение вверх происходило не по проявленным способностям, а по слепой преданности коммунистической идеологии и полному подчинению партийной иерархии.

В лагере демократии победил принцип состязательно-прагматический, который гласил: в любом виде деятельности, в любой профессии человеку должны быть даны возможности реализовать себя в полную силу. Тогда не только одарённое меньшинство, но и весь народ сможет вложить гораздо больше энергии в общественно полезный труд, результатом чего будет богатство и сила страны.

Но Холодная война длилась примерно сорок лет – с 1947 по 1987 год. Спрашивается: как два разных вида политического мышления проявляли себя в государственных институтах

веков минувших? Удавалось ли им реализовать себя в тех или иных политических структурах? И главное – как обходились с врождённым неравенством наши предки?

I-3. ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА

Жизнь развитого животного организма можно мысленно разложить на четыре функции:

1. Мышечно-костная система обеспечивает перемещение в пространстве,
2. Дыхательная, пищеварительная, кровеносная системы заняты обменом веществ,
3. Нервная система передаёт командные импульсы различным частям организма,
4. Головной мозг осуществляет общее ориентирование во времени и пространстве.

Те же функции необходимы и для правильного существования общественного организма.

В любом развитом человеческом обществе мы обнаружим четыре главных вида деятельности:

- 1) труд,
- 2) распорядительство трудом и продуктами труда,
- 3) политико-административное управление, и –
- 4) миропостижение, то есть наука, юстиция, искусство, религия.

Сравнение между животным и социумом может показаться натянутым. Но это только потому, что животное мы наблюдаем со стороны, а социум – изнутри. Для инопланетянина современная цивилизация будет выглядеть просто как странные каменные образования по берегам рек и морей, испускающие по ночам лёгкое свечение. Он будет смотреть на нас, как мы смотрим на термитники и кораллы. И все наши страхи, надежды, споры будут ему так же непостижимы, как нам непостижимы споры между термитами, «решающими», с какой стороны строить новую пристройку.

Живой организм имеет две главные задачи: выживать и расти. Чтобы выживать, ему необходимо сохранять цельность и взаимосвязь всех своих клеток. Чтобы расти, ему нужно постоянно преодолевать связующие силы, позволить каким-то клеткам расширяться. Точно те же задачи сохранения и роста стоят и перед социальным организмом. Возможно, феномен врождённого неравенства и есть тот инструмент, при помощи которого природа делает эти задачи совместимыми: одни воплощают силы сохранения и связи, другие – силы развития и роста. Пока эти силы находятся в равновесии, мы наблюдаем процветание государства. Когда перевес оказывается на стороне «низковольтных», развитие прекращается, и мы видим навеки застывшие государства: Древний Египет, Древняя Индия и Древний Китай. Когда начинают доминировать «высоковольтные», силы роста могут довести социальный организм до раскола нации. Ибо тогда врождённое неравенство получает возможность проявиться, а неравенство социальное делается непереносимым.

Ведь если кто-то должен трудиться, кто-то распоряжаться трудом, кто-то повелевать, а кто-то размышлять о мироздании, то возникает естественный вопрос: кто именно?

Почему я должен пахать, а ты – распоряжаться мною? Почему ты разъезжаешь в карете, а я сгибаюсь перед тобой в поклоне и снимаю шляпу? Почему мне приходится целый день стоять у доменной печи, а ты в это время сидишь около личного бассейна и раздаёшь команды по сотовому телефону? Почему не наоборот?

Эта многовековая дилемма между потребностями государства и человека решалась на протяжении обозримой истории по-разному. Диапазон: от республики, в которой каждому человеку открыт доступ к участию во всех четырёх общественных функциях, до сословно-иерархической монархии, в которой каждый навеки привязан фактом рождения к своему сословию и своему месту на шкале неравенства.

Страну, в которой каждому человеку в принципе открыта возможность принимать участие в труде, распорядительстве, управлении и миропостижении, мы называем свободной. Понятно, что в такой стране естественное желание каждого человека подняться вверх по шкале социального неравенства будет приводить к ожесточённой внутренней борьбе и смутам. Понятно, что политическое сознание любого народа – особенно в периоды численного возрастания и территориального расширения – искало путей к ослаблению этих внутренних раздоров. И без всякого теоретизирования, без знакомства с «Государством» Платона, в котором люди были разделены на золотых, серебряных, медных и железных, многие народы останавливались на системе кастового или сословного разделения – и именно

четырёхслойного деления, в соответствии с основными функциями жизнедеятельности государства.

Так, в Древнем Риме времён империи труд был уделом рабов и колонов, управление хозяйством и торговля находились в руках свободных граждан, из сословия всадников и сенаторов назначались администраторы для системы управления и командиры для армии, жрецы и риторы занимались загадками мироздания, сохранением знаний и предсказанием будущего.

Точно так же произошло деление на четыре касты в Древней Индии: мудрецы-брахманы должны были истолковывать волю богов, воины-кшатрии – управлять и сражаться, вайши занимались предпринимательством и торговлей, шудры и неприкасаемые – трудились на полях и в мастерских.

Точно так же в Средневековой Европе мы видим церковь, дворянство, свободных горожан, крестьян (зависимых от господ или доведённых до крепостного состояния).

Точно так же, ещё каких-нибудь 140 лет назад, в Российской империи всё население было разделено на четыре сословия: духовенство, дворянство, мещане и вольные крестьяне, – и, ниже всех, крепостные.

Сегодня жёсткое деление людей на сословия кажется нам уделом лишь тёмного прошлого. Мы смотрим на сохранившиеся в Индии касты как на анахронизм. Нам кажется верхом несправедливости обрекать человека на подчинённое положение в обществе только потому, что по рождению он принадлежит к низшему сословию. Но мы забываем при этом, что в сословной предопределённости человеческой судьбы есть утешительность. Амбиции утихают, обиды сглаживаются, спины и головы легче сгибаются в поклоне. «Вы наши господа и благодетели, а мы – ваши верные слуги. Не нами то заведено, не нам и менять такой порядок».

Природе наплевать на наши чины и звания. У безвестного циркового зрителя может родиться дочь с таким умом и обаянием, что судьба вознесёт её из танцовщиц на трон, превратит в византийскую императрицу Теодору, жену всемогущего Юстиниана (правил с 527 по 565). Купеческий сын Кольбер благодаря своей энергии и таланту обойдёт всех знатных соперников и сделается могущественным министром финансов во Франции Людовика Четырнадцатого. Посадский мальчишка Меньшиков достигнет положения главного фаворита при Петре Первом.

Но все эти удачливые одиночки не могут ослабить нарастающее социальное напряжение. В низших сословиях накапливается всё больше людей с огромным волевым потенциалом, которым закрыт путь наверх. Их гневный протест против своего бесправия прорывается то смутным гулом, то философскими трактатами в духе Кампанеллы и Руссо, то острыми лозунгами. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?» – спрашивают последователи Лютера и Кальвина. «Откуда взялось право первой ночи для сеньора и почему мы должны ему подчиняться?» – поёт безродный Фигаро. «К топору зовите Русь!» – восклицает разночинец Чернышевский, идейный наставник Ленина.

На словах безродные высоковольтные призывают к равенству – на деле стремятся разрушить систему, которая удерживает их внизу, мешает вознестись над другими.

Примечательна разница в судьбе сословных монархий Европы в 18-20 веках. Там, где сословное деление соблюдалось строго, накопленный заряд возмущения оказался таким мощным, что революционный взрыв разрушил не только политическую, но в значительной мере и социальную структуру общества. Примеры: Франция, Россия, Германия, Испания, Италия. И наоборот, Швеция, Голландия, Норвегия, Дания, Англия вошли в индустриальную эру практически избежав революционных взрывов, сохранив даже обличье монархий. Как пишет Джон Тревельян, «благодаря обычаю сельских дворян [в Англии] устраивать своих младших сыновей в торговые предприятия наша страна избежала резкого деления на строго замкнутую касту знати и на непривилегированную буржуазию, деления, которое привело французов к катастрофе 1789 года... Деление на классы не было резким. Отдельные лица и

семьи попадали из одного класса в другой или вследствие обогащения или разорения, или в результате простой перемены занятия».¹

История также даёт нам примеры, когда сословное разделение общества формально сохранялось, но менялся в корне характер его применения в жизни. Так, в Древней Греции и Риме рабство не было отменено как институт. Но постепенно рабов начали отпускать на волю массами. Превратившись в вольноотпущенников, наиболее способные получили возможность реализовать свои таланты в экономической деятельности. Разбогатевший вольноотпущенник, ссужающий деньгами свободного римского гражданина и даже всадника – обычное явление в императорском Риме. Другой такой же пример: Россия времён Петра Первого. Формального упразднения дворянского сословия там не произошло. Но Пётр ввёл «Табель о рангах», которая давала возможность неродовитому одарённому человеку подниматься по лестнице чинов за счёт своей энергии и исправной службы, часто обходя при этом знатных растяп и бездельников.

Человеческая страсть к равенству сравнима по своей силе только с нашей страстью возноситься над ближним. Поэтому борьба между высоковольтными и низковольтными продолжается и внутри сословий и каст. И происходит это на всех уровнях социальной пирамиды.

Право участвовать в миропостижении обычно не передавалось по наследству. Жрецы, духовенство, даже университетские преподаватели во многих странах вообще не могли иметь потомства. В монастырские и храмовые школы попадали ученики из разных сословий, проявлявшие известные способности к учению. Для многих честолюбивых молодых людей из незнатных семей карьера священнослужителя была единственным способом подняться вверх по шкале социального неравенства. Вспомним, как герой романа Стендаля «Красное и чёрное», Жюльен Сорель, с волнением смотрит на молодого епископа, перед которым сам король опускается на колени. Какая власть! И она достижима даже для него – безродного отпрыска бедной семьи!

Благодаря отбору наиболее способных церковная иерархия в Европе комплектовалась поначалу людьми незаурядными, обладавшими огромной энергией. Думается, влияние и власть, которых церковь достигла во многих Европейских государствах, связаны именно с этим. Кроме того, безбрачие католического духовенства избавляло священнослужителя от конфликта между интересами семьи и интересами церкви, делало его преданным слугой последней.

Но постепенно уравнительный принцип начинал набирать силу и в этом слое. Умственная пытливость подавлялась, следование церковным догмам объявлялось главной добродетелью, научная деятельность («проникновение в тайны Творения»), рассматривалась как грех и преступление. В одном древнерусском поучении читаем: «Богомерзостен всякий, кто любит геометрию; а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам».² В Испании в 1771 году было запрещено преподавание теорий Ньютона.³ Суды над учёными, пытки и костры становятся главным занятием тех, кто призван был рассеивать мрак невежества. Начинается бегство способных к наукам людей из рядов духовенства, и это приводит к тому, что начиная с XIX века миропостижение окрашивается резко антиклерикальным духом.

Принадлежность к сословию властителей почти во всех странах передавалась по наследству. У всадника рождался всадник, у дворянина – дворянин, у графа – граф, у виконта – виконт. Но унаследованный титул не гарантировал человеку обладание выдающимися способностями. Поэтому так часто в сословных монархиях наблюдаем мы это вырождение правящего класса, заполнение его слабыми и недалёкими людьми. Однако именно такие люди отчаянно цеплялись за свои родовые привилегии, ибо только на них и держалось их высокое положение в обществе.

Как яркую иллюстрацию можно взять историю русского боярства в 15-17 веках. Все знатные боярские фамилии были записаны в специальные книги («родословники»), которые указывали, какое место представители данного рода занимали при прежних царях. (Отсюда название «местничество»). И все назначения на должности гражданских правителей и

армейских командиров русские цари должны были делать в строгом соответствии с этим реестром. Любое отклонение могло вызвать бурю возмущения, вплоть до прямого неповиновения монарху. «Государственная власть искала способных и послушных слуг, а местничество поставило ей породистых и зачастую бестолковых неслухов... Оно разрознивало сами фамилии, мелочным сутяжничеством за места вносило в их среду соперничество, зависть и неприязнь... и таким образом разрушало сословие нравственно и политически».⁴

Попытки уничтожить состязательный принцип отношений между людьми обильно встречаются и в организации распорядительной функции. Уже Геродот замечает обычай египтян и спартанцев передавать по наследству профессии, включая поваров, флейтистов, глашатаев.⁵ Адам Смит указывает, что подобный же обычай в Индии, освящённый религиозными правилами, был одной из причин обеднения этой страны.⁶ В средневековой Испании «было запрещено рабочим, занятым в одной операции, принимать участие в другой. Цеховые правила стремились к уравниванию условий работы различных мастеров: сырьё распределялось поровну между всеми, а нарушение правил строго преследовалось».⁷ То есть, энергичный мастер, использовав всё полученное им сырьё, вынужден был сидеть без дела, а его низковольный собрат мог возиться с доставшимся ему сырьём день за днём и так и не суметь превратить его в полезное изделие.

Борьба между состязательным и уравнивательным принципом происходит и в трудовом сословии, даже там, где труженик находится в состоянии крепостной зависимости.

Очень хорошо это проступает в рассказе Льва Толстого «Утро помещика». Герой его, молодой идеалист Нехлюдов, отправляется в обход принадлежащей ему деревни с целью выяснить, кто нуждается в помощи. Вот он пытается усовестить лежебоку Давыдку, который своей ленью довёл семью до полного разорения. Вот хочет помочь обременённому детьми и болезнями Ивану Чурису отремонтировать разваливающуюся избу. Но все его усилия разбиваются о тупое сопротивление тех, кому он жаждет помочь! С другой стороны, есть в деревне богатый старик Дутлов, преуспевающий хозяин. Ему Нехлюдов предлагает выгодную сделку – купить пополам казённую рощу. Но старик впадает в сильное волнение, со слезами на глазах божится, что никаких денег у него нет, ему «только бы семью прокормить, а не рощи покупать».⁸

Нехлюдов уходит подавленный. Почему? Почему крестьяне так упорно отказываются от участия в его планах, отвергают его предложения, выгода которых столь очевидна? Он не находит иного объяснения кроме невежества, косности, упрямства. Но он забывает при этом, что умная кормилица, к которой он зашёл перед визитом к Дутлову, восхищавшаяся хозяйственными талантами старика, предупреждала его, что на сделку с помещиком тот не пойдёт. «Побойтесь... Да как же можно, батюшка, мужику господскому свои деньги объявить? Неровен случай, и всех денег решится».⁹

Кормилица понимала, что не каждый может быть хорошим хозяином, что не каждый может наработать столько, чтобы хватило на жизнь и на уплату податей. Но Нехлюдов, как и сам Толстой (и подавляющая часть культурного русского общества) были пронизаны верой в уравнивательные принципы. Они не хотели замечать неизбежной разницы между крестьянами, врождённого неравенства сил. Они не видели даже основных принципов, по которым была построена община. В согласии с этими господствующими представлениями, вся социальная структура русской общины была построена на том, что каждый глава семьи должен был выполнять функции хозяина.

Уравнивательный принцип создавал безвыходную ситуацию. Если бы умному и способному Дутлову позволено было нанять ленивого Давыдку или усталого Ивана Чуриса для работы на своей процветающей ферме, они скорее смогли бы заработать себе на жизнь. Но в качестве батраков они выпали бы из числа «тягловых» мужиков, плательщиков податей, и налоговый груз, распределявшийся поровну, стал бы тяжелее для каждого члена общины. Поэтому уклад общинной жизни всячески сопротивлялся подобным переменам.

Сословная перегородка могла быть упразднена законом, но если общественный уклад, сложившийся под её гнётом, оставался неизменным, то одарённый человек по-прежнему не имел возможности реализовать свои силы на полную мощь. Реформой 1861 года крестьяне в России были освобождены из-под власти помещиков – но так и остались под властью сельской общины. Как и раньше, каждый член общины должен был обрабатывать землю одними и теми же старинными приёмами. Как и раньше, земля распределялась между членами общины по числу душ в семье, а значит, каждая семья делала всё возможное, чтобы удержать взрослых сыновей, не дать им начать самостоятельную жизнь – отсюда теснота, взаимное озлобление и раздоры. Как и раньше, участки не являлись личной собственностью крестьян, они получали их в результате ежегодных переделов, а значит, не имели стимула улучшать землю удобрениями, орошением, севооборотом.

Уравнительная система общинного уклада парализовала энергию и сильных и слабых. Но постепенно состязательный строй мышления начал укреплять свои позиции в политических настроениях подданных Российской империи. И сорок лет спустя была предпринята попытка социальной реформы – Столыпинская реорганизация общинного землепользования.

Пётр Столыпин вовсе не собирался уничтожить русскую крестьянскую общину (как это утверждал поносивший его в письмах Лев Толстой, к тому времени ставший страстным уравнителем), он лишь хотел дать возможность лучшим русским крестьянам вырваться из неё. Была создана система дешёвого кредита (Крестьянский банк), которая позволяла энергичным крестьянам отделяться от общины, становиться собственниками земли. «Нельзя любить чужое наравне со своим, и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землёю, – писал Столыпин Толстому в 1907 году. – Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нём врождённого чувства собственности, ведёт ко многому дурному и, главное, к бедности... Я вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок в полную собственность».¹⁰

За триста лет до Столыпина в Англии шёл тот же процесс: землевладелец пытался помочь наиболее энергичным крестьянам вырваться из тисков общины, реализовать их хозяйственную одарённость на полную мощь. Он «огораживал» какой-то участок земли и отдавал её в индивидуальную аренду за более высокую плату (отсюда процесс получил название «огораживания» – «enclosures»). Желаящие находились, и те графства, в которых процесс «огораживания» шёл успешно, начали стремительно богатеть. «Общинная пахотная земля каждой деревни, – пишет Арнольд Тойнби (однофамилец и дальний родственник знаменитого историка-философа) в книге «Промышленный переворот в Англии», – делилась на три больших поля... и все были обязаны придерживаться общего способа обработки... Яровые хлеба на общинных полях представляли из себя самое жалкое зрелище... Наиболее обширные огораживания XVI века имели место в графствах Суффолк, Эссекс, Кент и Нортгемпшир, которые, благодаря этому, сделались самыми богатыми графствами».¹¹

И русский министр Столыпин, и английские сквайры за три века до него пытались провести реформы абсолютно аналогичные по сути. Задача была одна: дать возможность энергичному и одарённому меньшинству реализовать свои творческие силы на полную мощь, открыть ему доступ к распорядительной функции. Ибо, как и во всех других отраслях хозяйственной деятельности, не физическая выносливость фермера приносит успех, а знания, целеустремлённость, расчётливость, готовность учиться у природы и направлять свои усилия в сторону оптимальных возможностей.

Русский крепостной мужик Хорь – герой рассказа Тургенева «Хорь и Калиныч», – конечно, об огораживаниях и слыхом не слыхал. Но, когда у него сгорела изба, он воспользовался этим несчастьем и попросил у барина разрешения поселиться отдельно, в лесу, на болоте. То есть сам себя «огородил». А оброк обещал платить, какой барин с него потребует. Барин согласился и потребовал платить 50 рублей в год. Видимо, Хорь знал тайны земли и зерна так хорошо, что на своём болотном участке он стал стремительно богатеть и вскоре уже платил барину по 100 рублей в год.

Но там, где энергичным хуторянам давалась возможность реализовать свои силы, они производили такое количество продуктов, что их менее энергичные собратья, оставшиеся в общине, беднели, разорялись, убегали нищенствовать и разбойничать в города. Зависть, взаимная ненависть, отчаяние клокотали в душах людей. И в других слоях общества – как русского, так и английского – шли похожие процессы. Более энергичные предприниматели, купцы, финансисты пытались изменить уклад жизни таким образом, чтобы их способности могли принести им заслуженное обогащение. И всюду их успех сопровождался разорением и накипавшей ненавистью менее способных. Наглядные и тягостные картины человеческих страданий, вызванных нарастающим неравенством, укрепляли позиции уравнивателей, усиливали их убежденность в том, что состязательная организация общественной жизни не только несправедлива, но и чревата опасными взрывами.

Действительно, в России эти процессы обернулись революцией 1917 года, гражданской войной, убийством царя и крушением института собственности. Англия середины XVII века прошла почти через все те же самые испытания – революция, гражданская война, казнь короля – и только на краю отмены собственности сумела остановиться. Но бушевание социалистических уравнивательных идей (в их христианской интерпретации – левеллеры, диггеры) достигало в процессе английской смуты огромной силы и внушало такой страх сторонникам собственности и рынка, что позволило им объединиться против своего главного врага – нивелирующей страсти большинства.

Таким образом мы видим, что никакая жесткая система социального неравенства не могла остановить вечно кипящую борьбу между высоковольтным меньшинством и низковольтным большинством. И политические, и социальные структуры на протяжении всей истории человечества были вынуждены приспосабливаться к феномену врожденного неравенства людей.

Этот процесс продолжается и в наши дни. По-прежнему перед любым обществом стоит всё тот же главный вопрос: какой принцип положить в основу социальной постройки – уравнивательный или состязательный? Два эти принципа ведут свою вечную борьбу, – где скрытно и незаметно, где громогласно и публично, а где и выплёскиваясь в очередную гражданскую войну, бунт, смуту, террор.

Кровавые вспышки борьбы двух принципов будут рассмотрены подробно во второй части этой книги. Пока же попробуем задаться простым вопросом: что определяет выбор человека в свободном государстве, находящемся в состоянии мира? Какие свойства заставляют одних стать на сторону уравнивательного принципа, других – на сторону состязательного?

Короче говоря – за кого мы голосуем и почему?

I-4. ХОЗЯЕВА ЗНАНИЙ И ХОЗЯЕВА ВЕЩЕЙ

Выше, в главах 1 и 2, мы попытались выделить два типа политического мышления – уравнительный и состязательный. И в соответствии с этим разделением, обнаружили раскол политической жизни в свободных странах на два лагеря: либеральный и консервативный.

Теперь представляется важным ответить на следующий вопрос: какие силы относят людей в тот или иной лагерь? Что определяет наш выбор? Почему два человека, близкие по воспитанию, социальному положению, привычкам, вкусам, умственным способностям, могут оказаться в разных политических лагерях?

Казалось бы, феномен врождённого неравенства должен был подталкивать нас в сторону простого и удобного ответа: «высоковольтные», «получившие от рождения пять талантов», должны голосовать за состязательный принцип, то есть за консерваторов, «низковольтные», «получившие один-два», – за уравнительный, то есть за либералов. Однако в этом случае высоковольтные всегда должны были бы проигрывать на выборах, ибо они заведомо окажутся в меньшинстве. В реальной же истории этого не происходит: мы видим, что силы двух лагерей примерно равны. Кроме того, весь наш жизненный опыт показывает нам, что самые яростные политические споры ведутся именно между высоковольтными. О чём же они спорят? Из чего выстроена разделяющая их стена? Кого мы видим в одном лагере и кого – в другом?

Американские социологи проводят опросы общественного мнения, пытаются предсказать, кто будет голосовать за демократов, а кто – за республиканцев. И выяснилось, что есть профессии и группы населения, которые в подавляющем своём большинстве голосуют за демократов. Это, прежде всего, преподаватели, журналисты, юристы, редакторы, актёры, литераторы, учёные, библиотекари, врачи. То есть люди, занимающиеся сбором, хранением и использованием информации. Например, последний опрос показал, что на президентских выборах 1996 года 89% журналистов голосовали за демократа Клинтона.

Другие исследования показали, что и подавляющая часть государственных чиновников в федеральных учреждениях состоит из сторонников демократической партии. Именно поэтому деятельность президентов-республиканцев бывает затруднена молчаливым сопротивлением аппарата. Истинные и ложные сообщения, дискредитирующие деятельность республиканцев, таинственным образом попадают в руки журналистов. Много лет не могли дознаться, кто скрывался под кличкой «глубокое горло» и выдавал прессе тайны кабинета президента-республиканца Никсона во времена Уотергейтского скандала (1973-74). Да и во времена так называемого «Ирангейта» (1987) враги президента Рейгана и полковника Оливера Норта получали много полезной информации явно от работников правительственных организаций. Наоборот, демократические президенты Кеннеди и Джонсон были замешаны – ни много, ни мало – в организации покушений на лидеров других стран (факты планировавшихся убийств вскрыла Комиссия конгресса по разведке в 1975 году), но это сошло им с рук и было практически замолчано прессой. Демократический президент Клинтон (1990-е) и его супруга были окружены целым букетом судебных дел, расследований, обвинений, подозрений, но пресса по-прежнему обращалась с ними, как снисходительная мамаша, прощающая шалости своим любимцам.

Вспоминая горячих либералов, с которыми нам доводилось сталкиваться лично, мы обнаружим, что в большинстве своём они были теми, кого в старину называли «люди свободных профессий». Термин этот возник не случайно. Главное достояние этих людей – знания. Знания невозможно отнять, поэтому образованный человек меньше зависит от злой судьбы или от нанимателя. Оттого он и кажется остальным людям «более свободным».

Участие человека свободной профессии в жизни общества в основном связано с выполнением функции миропостижения. Он – хозяин знаний. В распорядительной функции он участвует редко и неохотно. Этим занимается другая группа «высоковольтных» – распорядители, хозяева вещей. Причём, в их разряд попадают не только директора корпораций, банкиры, землевладельцы, крупные менеджеры. Любой владелец маленькой

химчистки, строительный подрядчик, водопроводчик, фермер, капитан рыболовного судна, вообще, любой независимый предприниматель причастен к распорядительству, – и, в соответствии с этим, по-другому видит политическую ситуацию в обществе.

Понятно, что хозяева знаний не очень озабочены охраной института собственности. Когда им говорят, что фермер не станет радеть денно и ночью об урожае, если не будет уверен, что собранное с полей никто не посмеет отнять, они возводят глаза к потолку. «Собственность – источник раздоров и вражды, это она позволяет возноситься недостойным, проклятье рода человеческого. Достойный фермер должен беззаветно трудиться на общее благо, не думая о выгоде!»

Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство людей, занятых умственным трудом, распоряжающихся гигантским миром современной информации, придерживается либерально-социалистических взглядов. Часто им кажется, что их влияние на жизнь общества в сфере политики и экономики должно было быть более заметным, что их деятельность не имеет достаточной поддержки со стороны правительства. Именно поэтому государственное субсидирование науки, искусства и образования в мире коммунизма таило для западных интеллигентов неодолимое очарование. Когда иностранных литераторов в Ленинграде водили по старинному дворцу, отданному Союзу писателей, это действовало сильнее любой пропаганды: «А нас-то в США не окружают таким вниманием».

Хозяева знаний выходят на политическую арену

Идея передачи власти в обществе хозяевам знаний лежит ещё в основе «идеального государства» Платона. «Пока в государствах не будут или философы царствовать, или цари философствовать, – пишет он, – род человеческий не жди конца злу».¹ Но и все последующие знаменитые утопии – Томаса Мора, Кампанеллы, Фурье, Чернышевского – одинаково содержат этот элемент: хозяева знаний вытесняют хозяев вещей, и это именно они создают общество, в котором собственность отменена.

В течение долгого времени хозяева знаний были сосредоточены в храмовых корпорациях и монастырях. В укладе этих учреждений мы без труда обнаружим множество элементов социализма. Общий труд, общая еда, одинаковая одежда, одинаковые кельи или просто топчан в общем зале – всё это одинаково характерно и для быта монастыря, и для быта рабочего в общежитии социалистической страны. Университеты, возникшие в Европе в Средние века, тоже имели поначалу большое сходство с монастырями. Примечательно, что именно университеты стали источником всяческого бунтарства, даже практических атак на сложившиеся формы собственности. Да и все революционные движения 19-20 веков имели студентов своими активными участниками.

Однако только бурное развитие науки и техники, начавшееся в 19 веке, выделило людей, распоряжающихся потоками информации в современном обществе, в отдельную социальную группу. Чем больше становится таких людей, тем ощутимее их влияние на жизнь страны. Только в развитых индустриальных странах, где информация является важнейшим элементом хозяйственной жизни, число людей умственного труда делается достаточным для создания сколько-нибудь заметного политического движения. Распоряжающиеся информацией, в силу своих профессиональных обязанностей, часто занимают там ключевые посты, так что относительно малого числа их оказывается достаточно, чтобы влиять на ход событий. В бедных же, отсталых странах, с низким уровнем образования, хозяева знаний влачат жалкое существование. Социалистические идеи там чаще всего узурпированы правящей верхушкой или диктатором, но, как правило, они играют лишь роль удобной ширмы для захвата полной власти над экономической жизнью общества.

В реальных коммунистических государствах партократия оттеснила хозяев знаний от власти. Но при этом она всё же оставила им возможность безбедного существования, создав гигантскую сеть бесплодных научно-исследовательских институтов и академий, где можно было наслаждаться бездельем и безответственностью, сохраняя при этом престижное

положение. И это тоже украшало победивших коммунистов в глазах западного либерала: вот какое уважение к знаниям и науке...

Убеждённых и страстных сторонников социалистических идей сегодня можно найти только на процветающем Западе. В американских университетах, особенно в Калифорнии, их влияние так велико, что злые консерваторы говорят теперь не «западный берег», а «левый берег». И эта ситуация становится ещё одним опровержением марксистских пророчеств. Ибо марксизм утверждал, что носителем идей социализма являются угнетенные массы. Однако в бедных странах, где степень угнетения гораздо более ощутима, социалистические партии не пользуются никаким влиянием. Зато в странах развитых, индустриальных, они оказываются реальной политической силой и часто добиваются победы в борьбе за власть.

Примечательна также устойчивость политических пристрастий хозяев знаний. Казалось бы, многие политические события должны были приводить к переориентации их взглядов. Действительно, такие события, как вторжение советских войск в Финляндию (1939), Прибалтику (1940), Венгрию (1956), Чехословакию (1968), Афганистан (1980) заставили многих и многих людей на Западе покинуть лагерь сторонников социализма. Но большинство продолжало изыскивать оправдания для этих актов агрессии и находило их в кознях нового Сатаны – «Военно-промышленного Комплекса» (загадочное существо, воплощающее ныне для западного интеллигента мировое зло).

Итак, всё вышесказанное приводит нас к выводу, что вечная война между уравнилителями и состязателями в интеллектуально-теоретической сфере, а между либералом и консерватором в политической борьбе – проявляется в социальной сфере как разлад между хозяевами знаний и хозяевами вещей.

Врождённое неравенство, конечно, обнаруживает себя в обеих группах. Если хозяевам знаний открыта возможность свободного состязания, результатом будет расцвет культуры в стране. Если распорядительная функция – сфера деятельности хозяев вещей – контролируется свободной рыночной конкуренцией, то вскоре она окажется в руках самых энергичных и предприимчивых, и результатом будет подъём благосостояния.

Но, требуя свободы для себя, хозяин знаний крайне подозрительно смотрит на свободу для хозяина вещей. Ибо результатом её неизбежно будет обогащение одних и обеднение других. А это неизбежно чревато страданиями людей и социальными смутами. Ах, как хорошо было бы, если бы люди были равны по своим силам и талантам! И уж если они не равны, то нужно так перестроить общество, чтобы неравенство сглаживалось. «Чтобы любая кухарка могла управлять государством» (Ленин). «Чтобы каждый недотёпа и бездельник получил право на рабочее место» (Клинтон). И ради достижения этого уравнилительного идеала хозяин знаний ведёт вечную борьбу с хозяином вещей, борьбу на трёх уровнях: этическом, политическом и интеллектуальном.

Хозяин вещей – моральный изгой

На фронте этическом положение хозяина вещей практически безнадежно. «Торгующие – вон из храма!» Только в насмешку может Цветаева сказать: «Люблю богатых – и за то, что их в рай не пустят, и за то, что в глаза не смотрят».² Любое накопление вещей – источник раздора, зависти, вражды, и возможно лишь в результате ограбления ближнего. То ли дело – накопление знаний. Вы точно никого не грабите. Знания доступны любому (если только хозяева вещей не попытаются брать непомерную плату за образование). Знания невозможно отнять – значит, нет стимула нападать на ближнего своего с оружием в руках. Хозяин вещей останется навеки морально несостоятельным и должен знать своё место в небоскрёбе этических ценностей: в подвале, среди мешков с углем, отопительных котлов и баков с мусором.

Из поэтических проклятий богатству и собственности можно составить тома.

«Где, укажите нам, отечества отцы, – вопрошает Грибоедов, – которых мы должны принять за образцы? / Не эти ли, грабительством богаты?...»³

«Что не подвластно мне?... – восклицает Скупой рыцарь у Пушкина. – Как некий демон / Отселе миром править я могу... / И вольный гений мне поработится, / И добродетель, и бессонный труд...»⁴

Весь Некрасов, которым зачитывалась русская молодежь, – отдельным томом.

«В прогрызанной душе / золотопальцем микробом / вился рубль»⁵ – свидетельствует Маяковский.

К вечной войне между «изобретателями» и «приобретателями» призывает Хлебников.⁶

«Богатые откупаются, – пишет Цветаева. – О, богатые безумно боятся – не Революции, так Страшного суда.»⁷

Разве что дедушка Крылов посмел вступить за накопителя-муравья. Но и ему век спустя возражает Александр Кушнер, беря сторону стрекозы: «Не копила ведь, а пела...»⁸

Тримальхион, Гобсек, Чичиков, Плюшкин – бесконечна отвратительная череда богачей и накопителей в мировой литературе. Да и в религиозной проповеди нет им пощады.

«Продай имение твоё и раздай нищим, – говорит Иисус богатому юноше. – И будешь иметь сокровище на небесах». (Матф. 19:21)

«Вы утопаете в роскоши, когда тысячи ваших братьев во Христе не имеют куска хлеба на ужин», – восклицает Иоанн Златоуст.⁹

«Социализм – это утверждение идей христианства в экономической области», – считает Толстой.¹⁰

И в современном мире тысячи священников открыто объявляют себя сторонниками социалистических идей, становятся приверженцами так называемой «новой теологии».

Плохо твоё дело, хозяин вещей: никто не вступится за тебя в высоком храме морального судилища.

Противоборство на уровне утилитарно-социальном

Завоевав победу на этическом фронте, хозяин знаний пытается с ходу завоевать командные высоты и в политике. Ему очень не хочется признать хоть какую-то полезность за владельцами вещей, за собственниками. Допустить, что труд их важен для общества, что хозяин вещей тоже должен напрягать все силы своего ума и трудиться с утра до вечера, чтобы росло всеобщее благосостояние, – это означало бы для хозяина знаний почти капитуляцию. «Да, хозяева вещей порой погружены в дела и хлопоты семь дней в неделю – но и это они делают из жадности, – утверждает хозяин знаний. – Вот если бы они так же трудились, не будучи собственниками – тогда да, тогда мы бы признали за ними какие-нибудь права. А так приговор им один: грабители, эксплуататоры, кровососы».

Но тут на защиту собственника поднимаются довольно мощные силы. Всегда есть люди подобные Катону, Плинию Младшему, Монтескье, Джефферсону, Адаму Смиту, которым доводилось выступать и в роли хозяина знаний, и в роли хозяина вещей. Они изучали историю и практику этого противоборства и убедительно доказывают в своих трактатах: институт собственности – единственный инструмент, позволяющий отличать созидателей от разорителей, талантливых распорядителей от бездарных, умножающих богатство от расточающих его. Этот инструмент таит свои опасности, он может оказаться обоюдоострым. Но если применять его умело, выгода для общества оказывается неизмеримо выше потерь.

Индустриальные страны имеют сложнейшие системы законов, регулирующих отношения между собственниками. Религиозные и этические традиции тоже играют важную роль в смягчении этих отношений. Нарушение же прав собственника со стороны как верховной власти, так и в результате общего политического разброда всегда ведет к резкому обеднению страны. «Человек, не имеющий права приобрести никакой собственности, – пишет Адам Смит, – может быть заинтересован лишь в том, чтобы есть возможно больше и работать возможно меньше».¹¹

Довольно точное описание ситуации в странах победившего социализма.

Противоборство на уровне интеллектуальном

Наконец, на третьем уровне, – интеллектуальном, – противоборство имеет весьма парадоксальный характер. По складу политического мышления хозяин знаний, как правило – уравниватель, а хозяин вещей – состязатель. В споре они почти не слышат друг друга, ибо по сути подчиняются разным законам мышления. И этот феномен заслуживает пристального рассмотрения.

Главная особенность трудовой деятельности хозяина знаний: материал, с которым он работает, – то есть понятия, слова и цифры, которыми он должен оперировать, – легко подчиняются его воле. Он быстро составляет их на бумаге или на экране компьютера, сортирует, перестраивает, множит и выдает «готовый продукт» в виде отчета, доклада, книги. Если что-то пошло не так, он легко отбрасывает ошибочный расчёт, зачёркивает неудачную формулировку, стирает цифры и слова с доски или экрана и тут же начинает всё сначала. До тех пор, пока его работа подчиняется законам математики и логики, он уверен в своей непогрешимости. Переубедить его в чем-нибудь практически невозможно.

В отличие от него, хозяину вещей приходится распоряжаться машинами, грузами, кораблями, людьми. Материал, с которым он имеет дело, обладает невероятной, огромной силой сопротивления. Машины и люди часто ведут себя непредсказуемо. Хозяин вещей знает, что любая ошибка в задуманном деле может оказаться непоправимой. Он, действительно, должен семь раз отмерять, прежде чем отрезать. Он должен всё время прикидывать, хватит ли у него работников, материалов, инструмента, чтобы довести мероприятие до конца. Поэтому он думает и разговаривает в пять раз медленнее, чем хозяин знаний, выглядит рядом с ним туповатым, нерешительным, отсталым.

Нужно честно признаться: все самые привлекательные человеческие черты гораздо легче уживутся с уравнительным мирозерцанием, чем с состязательным. Сострадание, душевная чуткость, бескорыстие, художественная одарённость, порывистость, открытость всему высокому, приветливость, остроумие, яркость чувств, самозабвенная увлечённость – все эти свойства мы скорее обнаружим в уравнителе, ибо душевный взгляд его всегда устремлён дальше и выше. Состязатель, может быть, и хотел бы последовать за ним, но – не может. Ибо слишком ясно видит и все опасности, подстерегающие на пути, и все ловушки, обрывы и пропасти на той дороге, к которой призывает уравнитель.

Именно поэтому любая дискуссия между хозяином знаний и хозяином вещей сразу же вырождается в диалог, в котором персонажи абсолютно неспособны расслышать друг друга. В корне их взаимного непонимания лежит тот, – часто невидимый для них самих, – факт, что у них разные представления о том, что выполнимо и что невыполнимо в реальной жизни. Представим себе, что два спортсмена спорят о том, как сподручнее бить по воротам, и не догадываются при этом, что один имеет в виду футбол, а другой – хоккей. Разворачивая эту метафору до циркового гротеска, представим себе матч между хоккеистами и футболистами на поле, одна половина которого залита льдом, а другая покрыта травой. Очень часто дебаты между либералами и консерваторами (в том числе и в парламентах демократических стран!) напоминают такие матчи.

Один из них чувствует себя сильнее в сфере дедуктивных умозаключений («от общего к частному») и потому он с радостью последует призыву Руссо не обращать внимания на конкретные исторические факты, а требовать, чтобы история подчинилась, наконец, общим принципам человеческой природы, которые ведь столь очевидны! Другой силён в индукции (вывод общих правил и положений из конкретных наблюдений) и ему будут гораздо ближе рассуждения «экономистов от истории» – таких людей, как Аристотель, Фрэнсис Бэкон, Джон Милль, – не уравнителей, а состязателей.

К сожалению, принципиальная разница между двумя типами умственной деятельности до сих пор остаётся скрытой и для тех, и для других. Подчиняясь всем правилам чистой логики, хозяева знаний и хозяева вещей воображают, что они играют в одну и ту же игру и что оппонент не поддаётся их аргументам из чистого упрямства и зловредности. Снова и снова

они бросаются в политические споры и снова и снова, с нарастающим озлоблением видят, что им не обойтись без арбитра, без верховного судьи, без оракула.

И кто же может выступить в этой роли? Только тот, кто в данный момент является носителем верховной политической власти. В авторитарных государствах это будет монарх, вождь, верховный председатель. В государствах демократических – народ, избиратель или общественное мнение.

Трагикомическая особенность здесь состоит в том, что «высоковольтное меньшинство» вынуждено и в том, и в другом случае обращаться за разрешением своего вечного спора к более низкому уровню. Даже если государство управляется просвещённым монархом, он не может обладать тем объёмом необходимой информации, которым коллективно обладают хозяева знаний и хозяева вещей. Если же государство управляется демократически, то они оба вынуждены обращаться к загадочному сфинксу, именуемому «простой человек», «народ», «избиратель». Который, естественно, не может понять всех хитросплетений вечного спора, а способен откликаться лишь на самые простые лозунги и предвыборные обещания.

Но главное даже не в этом.

Главное в том, что кого бы ни вознёс этот непредсказуемый Избиратель на трон сегодня, сам-то он заведомо остаётся внизу. Ибо он составлен по преимуществу из «низковольтных», которым, в силу нехватки способностей и умственной энергии, не удалось прорваться ни на роль хозяина знаний, ни на роль хозяина вещей. И в которых всегда живёт глухое озлобление против всех, кто наверху.

Подозрительное недоверие к «господам», к «хозяевам», к «заправилам» – естественный настрой простого человека. «Чем я хуже? Каким образом они пробрались наверх? Наверное, обманом. Наверное, если бы мне дали с детства то, что было у них, и я бы поднялся. Вот уж погодите! Придёт наш час – тогда дознаемся, как вы там оказались!».

В начале XX века противоборство между хозяевами знаний и хозяевами вещей достигло самоубийственной остроты. Живя под властью жёстких монархических порядков (Германия, Австрия, Россия, Испания, Италия), хозяева знаний ощущали эти порядки только как гнёт. Они воображали простой народ своим союзником – ведь и он был в положении угнетённого! И когда хозяева вещей пытались объяснить им, что для охраны института собственности нужна прочная политическая структура, хозяева знаний отвечали: «в таком случае, долой ваш институт собственности» и отшатывались в лагерь социализма. На них не действовали даже предупреждения из их собственных рядов. Когда русские интеллектуалы, собравшиеся в сборнике «Вехи» (1908), посмели сказать своим собратьям: «мы должны благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной»,¹² это вызвало только возмущение в лагере хозяев знаний.

Хозяева вещей оказались столь же глухи к нараставшему подземному гулу. Отказываясь вдуматься в необходимость социальных перемен, к которым призывали хозяева знаний, они довели принцип охраны собственности до абсурда, пока он не сгорел в огне Первой Мировой Войны. Облака горчичного газа, прошитые пулемётными очередями, и пассажирские корабли, потопленные подводными лодками – вот «аргументы», убедившие людей в необходимости перемен. Подданные русской, австрийской и немецкой империй сказали «хватит», не зная ещё, достанет ли у них сил выстроить новый строй общественной жизни. Среди лозунгов, кричавших с революционных знамён и плакатов, пливших над Европой в 1917-1919 годах, самым могучим был лозунг «равенство!».

Однако хозяева знаний слышали в нём лишь «равенство знатного с незнатным, бедного с богатым». Они не верили и не допускали, что в народной душе это горячее слово полыхало в его полном и конечном смысле: *равенство всех со всеми...*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НИЗКОВОЛЬТНЫЕ» ПРОТИВ «ВЫСОКОВОЛЬТНЫХ» ВРОЖДЁННОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР

«Действительно, существует законная и мужественная страсть к равенству, которая побуждает нас желать, чтобы все были сильными и почитаемыми. Эта страсть направлена на то, чтобы поднять заурядных до уровня великих. Но одновременно с этим в человеческом сердце живёт низменная тяга к равенству, которая понуждает слабых к попыткам опустить сильных до своего уровня и низводит людей до состояния, в котором они предпочитают равенство в рабстве неравенству в свободе.»

Алексис Токвиль. «О демократии в Америке».

II-1. СМЕРТЬ ВЛАСТЬ ИМУЩИМ! ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТЕРРОР

Индивидуальный террор анархо-социалистов

Волна индивидуального политического террора, покотившаяся по Европе и Америке с середины XIX века, представляет собой явление беспрецедентное в мировой истории, не только по масштабам, но и по выбору жертв.

Когда-то, в Древнем Риме, братьев Гракхов убили за то, что их реформы подрывали положение крупных землевладельцев. Юлия Цезаря зарезали из-за того, что он представлял угрозу для республиканского строя. В средневековой Франции Генрих Четвёртый был заколот религиозным фанатиком, всего лишь протестовавшим против примирения католиков с гугенотами. Наконец, русского императора Павла Первого «хватил удар табакеркой по голове» за жестокость и непредсказуемость.

Но с середины XIX века власть имущих начинают убивать просто за то, что они – власть имущие. Судьи и жандармы, губернаторы и градоначальники, генералы и министры, короли и президенты погибают один за другим, сражённые пулями, разорванные бомбами, зарезанные кинжалами террористов всех мастей и оттенков. Нередко тому или иному представителю власти подпольные комитеты политических экстремистов выносили смертный приговор за конкретное «преступление против угнетённых». Например, «народница» Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова (1878) за жестокость к заключённому. Императора Александра Третьего пытались взорвать за то, что он казнил народовольцев, убивших его отца (1881). Американского сталелитейного магната Генри Фрика анархисты пытались застрелить (1898), обвинив его в массовых увольнениях рабочих.

Но вообще-то в глазах террористов любой представитель власти был заранее виновен и осуждён. Виновен в том, что защищал несправедливый порядок – источник мучений для миллионов невинных людей. И тысячи мирных жителей, на словах осуждающих кровавое насилие, втайне сочувствовали мотивам «борцов за светлое будущее».

Грабитель убивает ради денег, ревнивец убивает за измену, гангстер – из деловых соображений, насильник – для возбуждения похоти...

Патологический убийца переходит от одной жертвы к другой «бескорыстно», ибо для него сам акт уничтожения другого человека таит непонятный нам фермент наслаждения.

Но все эти убийства общественная мораль осуждает, а судебная власть в любом государстве сурово преследует. Подобные мотивы не оправдывают преступление в наших глазах. И тем не менее каждый год тюрьмы пополняются людьми, которые решились на это злодеяние вопреки угрозе наказания и всеобщему моральному осуждению.

Теперь представим себе, что может произойти в обществе, мораль которого дойдёт если не до оправдания, то до сочувственного «понимания» некоторой категории убийств. Например, убийств во имя «восстановления поруганной справедливости». Тогда мы можем

ожидать, что к бомбе и пистолету потянутся уже не только люди, обуреваемые тёмными страстями, но и идеалисты, исполненные возвышенных устремлений. И этих, – а их будет очень и очень много, – угроза наказания не удержит.

Освежим в памяти кровавую хронику наиболее знаменитых актов террора в конце XIX – начале XX века.

1866 – Каракозов стреляет в российского императора Александра Второго (по делу осуждены ещё 17 заговорщиков);

1869 – Нечаев убивает студента Иванова по подозрению в доносительстве (к суду привлечены 77 человек);

1878 – Вера Засулич стреляет в градоначальника Трепова;

1880 – Халтурин устраивает взрыв в Зимнем дворце в Петербурге;

1881 – убит взрывом бомбы император Александр Второй (казнены пятеро народовольцев, десятки отправлены на каторгу);

1882 – анархист бросает бомбу в музыкальный зал в Лионе;

1886 – взрывом бомбы убиты семеро полицейских в Чикаго (четверо анархистов казнены);

1886 – бутылка с зажигательной смесью брошена с балкона Парижской биржи на толпу внизу, за ней последовали револьверные выстрелы;

1893 – бомба брошена в Палату депутатов французского парламента;

1894 – президент Французской республики Сади Карно заколот итальянским анархистом;

1894 – взрыв в Парижском кафе Терminus, среди погибших и раненых – женщины и дети;

1898 – австрийская императрица Елизавета, супруга Франца Иосифа, убита во время поездки в Швейцарию;

1900 – убит король Италии Умберто Первый;

1901 – американский президент Мак-Кинли убит польским анархистом;

1904 – взрывом эсерской бомбы убит российский министр внутренних дел Плеве;

1905 – московский генерал-губернатор, Великий князь Сергей Александрович, убит эсером Каляевым;

1906 – взрыв дачи Столыпина, убито и ранено несколько человек;

1911 – убийство министра Столыпина;

1914 – убит австрийский эрцгерцог Фердинанд, что послужило поводом для начала Первой Мировой Войны.

Напомним себе, что сюда не включены тысячи неудавшихся покушений, десятки тысяч убийств рядовых представителей власти, мелких взрывов, поджогов, нападений из-за угла, сотни тысяч актов разбоя.

На суде арестованные террористы объявляли себя врагами существующего порядка. Любая форма современного государственного устройства рассматривалась ими как предел бесчеловечности и несправедливости, и в борьбе с ней все способы были заранее оправданы. Анархист Эмиль Генри, бросивший бомбу в Парижское кафе, так объяснял на суде своё кредо:

«Я убеждён, что существующий порядок есть зло. Я хотел бороться против него, чтобы ускорить его падение. С каждым днём ненависть переполняла меня всё сильнее при виде этого отвратительного общества, в котором всё гнусно, трусливо, где повсюду выставлены барьеры для развития человеческих чувств, для щедрых порывов сердца, для свободного полёта мысли... Я хотел показать буржуазии, что её удовольствия недолговечны, что торжествующей наглости будет поставлен предел, что золотой телец начнёт дрожать на своём пьедестале и вскоре заключительный удар сбросит его в кровь и грязь... Анархисты не будут щадить детей и женщин буржуазии, потому что она не щадит детей и женщин угнетённого большинства. Вы вешали нас в Чикаго, отрубали нам головы в Германии, душили в Испании, расстреливали в Барселоне, гильотинировали в Монтбриссоне и Париже, но вы никогда не уничтожите анархизм. Его корни глубоки: он есть отчаянная реакция на прогнивший порядок. Он повсюду, поэтому его невозможно поймать. В конце концов он уничтожит вас».¹

Анархисты объявляли своими учителями Прудона, Кропоткина, Бакунина. Социалисты всех мастей зачитывались трудами Сен-Симона, Фурье, Маркса. Но при всём многообразии партийных и идейных оттенков, они были согласны в одном: главный порок современного общества – неравенство, вырастающее из института собственности. Только при полном равенстве человек может почувствовать себя по-настоящему свободным. А там, где кому-то позволено управлять другими людьми, там и возникает чудовище современного государства.

«Находиться под властью какого-то правительства, – писал Прудон, – означает, что за тобой постоянно следят, проверяют, направляют, контролируют, опутывают законами, регулируют, накачивают пропагандой, взвешивают, цензуруют, шпионят, проповедуют, оценивают – и кто?! – люди, не имеющие на это ни прав, ни знаний, ни добродетели!».²

Примечательно, что неравенство болезненно переживалось не только на нижних ступенях социальной пирамиды, но и на верхних. Например, главные идейные противники Российской монархии, – Герцен, Бакунин, Кропоткин, Толстой – были выходцами из аристократических семей. Заворожённые с детства идеей Справедливости, они приходили к убеждению, что справедливость недостижима в обществе, построенном на неравенстве.

«Я принуждён вести такую жизнь, – говорил Лев Толстой, – которая заставляет меня страдать с утра до вечера. [Меня мучает,] что прачка стирает моё бельё; что старик пашет, в то время как я гуляю».³ «Жизнь наша господская так безобразна, что мы не можем радоваться даже рождению наших детей. Рождаются не слуги людям, а враги их, дармоеды».⁴

Итальянского анархиста Кафиеро ужас перед неравенством довёл до безумия: ему начало казаться, что он обделяет других, присваивая себе больше солнечных лучей, чем ему положено.⁵

Конечно, идейные борцы с неравенством сами не брали в руки бомбу или пистолет. Первый теоретик анархизма, Пьер Прудон, сам никого не убивал. Он только выдвинул и всю жизнь отстаивал формулу «собственность – воровство». Но тысячи его последователей находили в этой формуле оправдание тому террору, который они называли «пропаганда действием».

Пётр Кропоткин в жизни был добрым, отзывчивым, чутким к справедливости человеком. Но в своей газете, основанной им в Швейцарии, он писал в 1879 году, что «необходим постоянный бунт – словом письменным и устным, кинжалом, ружьём, динамитом... Для нас годится всё, что выходит за пределы законности».⁶

Толстой призывал не противиться злу насилием. Но сколько молодых людей могли стать на путь насилия, начитавшись его проклятий власти имущим:

«Все французские Людовики и Наполеоны, все наши Екатерины Вторые и Николай Первые, все Фридрихи, Генрихи и Елизаветы, немецкие и английские, – несмотря на все старания хвалителей, не могут в наше время внушать ничего, кроме отвращения. Теперешние же властители, учредители всякого рода насилий и убийств, уже до такой степени стоят ниже нравственных требований большинства, что на них нельзя даже и негодовать. Они только гадки и жалки».⁷

Как все уравниатели, идеологи анархизма считали человека добрым и мирным существом. Они были уверены, что стоит разрушить насильственный порядок, и отпадёт необходимость защищать человека от его ближнего. Кропоткин с увлечением изучал жизнь животных, отыскивая и находя в ней примеры успешного и мирного сосуществования различных видов.

Хотя террор применяли разные группы революционеров, поначалу анархисты казались опаснее других для существующих режимов: они отрицали не только право собственности и сословные привилегии, для них любая форма подчинения одного человека другому казалась рабством, они стремились к полному устранению государства. «Свободные ассоциации свободных тружеников» – таков был их расплывчатый идеал. Частичное воплощение его виделось им в Парижской коммуне (1871). «Просто город Париж управляет сам собой... О, как это прекрасно!... Город сам ведёт свои дела, имея одинаковую цель для каждого, одинаковую шкалу, одинаковое правосудие, одинаковое братство».⁸

Принцип равенства не должен был нарушаться ничем. Анархисты не верили, что бывают люди более одарённые и менее одарённые. Только несправедливое социальное устройство порождает то неравенство талантов, которое наблюдается в настоящий момент. «Люди в большинстве своём не идентичны, – писал Бакунин. – Но они эквивалентны, а следовательно, равны».⁹ Отнимите у богача унаследованное состояние, хорошее питание, образование и жильё – и он будет не лучше всех прочих.

Подчинение одного человека другому, какую-то дисциплину, анархисты допускали только в период революционной борьбы. После уничтожения машины государственного насилия всякое неравенство должно быть запрещено. В этом состояло их главное расхождение с марксистами: те полагали, что государство без эксплуататоров не только возможно, но и необходимо. Попытки примирения на международных съездах успеха не принесли.

Для защитников существовавшего порядка это различие долго оставалось скрытым. Анархист и социалист в их сознании писались через чёрточку. И действительно, ведь споры их касались чего-то несуществующего – воображаемого общества будущего. В отношении к существовавшему государственному устройству они все были едины: институт частной собственности несправедлив, преступен и подлежит уничтожению. Чем скорее – тем лучше. Тысячи сторонников этой идеи добровольно шли на страдания и гибель ради того, чтобы приблизить осуществление своего идеала.

И Руссо и Толстой напрасно жаловались на вредоносность книгопечатания. Дорогие им принципы уравнительного мышления обрели силу только с широким распространением журнально-газетного дела в середине XIX века. Увеличение производительности печатного станка дало миллионам уравнителей возможность увидеть и осознать своё единство. Эгалитарные устремления, которые раньше можно было выдавать за смутные чаяния тёмных народных масс или за причудливые завихрения ума нескольких идеалистов, рассыпанных в веках минувших, вдруг превратились в страстную и чётко сформулированную веру миллионов людей во всём мире.

Сегодня, на рубеже тысячелетий, вооружённые опытом XX века, мы можем взглянуть в это победное наступление эгалитаризма и рассмотреть в нём тот главный логический приём, трюк, прыжок, который должен сделать каждый уравнитель, чтобы обрести убеждённость в своей правоте и слиться с единомышленниками:

«Забудем, что кто-то приносит больше пользы обществу, кто-то меньше! Получать все должны поровну!»

Для уравнителя существует только одна справедливость: справедливость в распределении произведённого продукта. «Справедливость в распределении трудового бремени» – такого понятия не должно существовать.

Откуда возьмётся продукция для удовлетворения всех нужд общества?

«Если каждый будет честно трудиться, хватит на всех».

А если не захочет трудиться? (вечный вопрос Аристотеля, Адама Смита и всех хозяев вещей).

«Он не может не захотеть, потому что по природе своей человек добр, разумен, трудолюбив и исполнен желания жить в благоденствии и помогать ближнему» (вечный ответ Кампанеллы, Руссо, Прудона, Кропоткина и многих хозяев знаний).

Уравнитель должен закрыть глаза на двойственную роль человека в экономической структуре любого общества: потребитель и производитель. Он должен забыть, что институт собственности – это не только способ распределения произведённого продукта. Это ещё и эффективная форма контроля за количеством и качеством производимого.

Собственник, даже простой рантье, валяющийся в постели с утра до вечера и только изредка утруждающий себя чтением биржевых новостей в газетах, осуществляет полезную функцию контроля за эффективностью общественного производства. Если он будет плохо справляться с этой задачей, рынок накажет его, уменьшив размеры его собственности или

доведя до полного разорения. Но – уравнитель видит только его безделье и отказывает ему в какой бы то ни было полезности.

Можно написать поучительную сказку для детей, в которой будет описано, как в какой-то момент мышцы, кости и жилы в нашем теле возмутились привилегированным положением нервной системы и подняли крик: «Лежат себе – беленькие, чистенькие, ничего не делают! А мы должны надрываться с утра до вечера и поставять им лучшие питательные вещества, кислород и витамины. Пора положить этому конец!» Восставшие побеждают, и организм низвергается вниз по лестнице эволюции, на тот уровень, где разделение задач между различными клетками почти исчезает (то есть на уровень простейших червей и паразитов).

По сути дела, Прудон, Фурье, Маркс, Кропоткин, Плеханов и их последователи объявили распорядительную функцию излишней в жизни общества. Они отождествляли её с функцией технического управления и воображали, что квалифицированный инженер, учёный, агроном, работающий за зарплату, справится с задачей собственника гораздо лучше, чем собственник. Но распорядитель – не управляющий. Распорядитель принимает решение, сколько нужной людям продукции следует произвести, когда и из какого материала, а затем – куда, кому, и на каких условиях этот продукт отправить. И ключевое слово здесь – «нужный».

Какая продукция «нужна» обществу, а какая нет? В каких количествах? Какого качества? Сколько трудовой энергии общество готово затратить на выполнение поставленной задачи? Кто будет решать все эти вопросы? Сам человек или государство?

Распорядитель-собственник будет пытаться удовлетворить желания граждан, то есть рынка. Распорядитель-чиновник будет выполнять приказы государства (и государство очень скоро заявит, что ему нужно как можно больше самолётов, танков и пушек, чтобы держать в страхе другие государства... а потребности граждан – дело десятое).

Распорядитель-собственник рискует каждый день и расплачивается за свои промахи собственным кошельком. Распорядитель-чиновник, до тех пор, пока он не нарушает приказы начальства, не рискует ничем и не несёт настоящей ответственности ни за что (поэтому у «низковольтного» гораздо больше шансов прорваться на роль распорядителя-чиновника, чем на роль распорядителя-собственника, – ведь в рыночной борьбе ему придётся тягаться с «высоковольтными», а это нелегко).

Да, всем людям нужна еда, одежда, жильё. И есть люди, готовые удовлетвориться самым скромным количеством и того, и другого, и третьего. Но проблема в том, что люди неравны, и не только по своим талантам и способностям. Они неравны и по силе своих желаний. Обязательно найдётся один, два, три, которым захочется иметь и телефон, и радио, и автомобиль, и хорошие дороги, и летний коттедж, и нарядные украшения, а то даже и собственный самолёт! Они станут трудиться ради исполнения этих желаний, не щадя себя.

Возьмите любую деревню, поделите поровну землю, скот, инвентарь между всеми семьями – и через год-другой вы увидите, что у кого-то богатый дом, цветущее хозяйство, тучные коровы, а у кого-то дом покосился, коровы отощали, сад одичал и куры разбежались. Одни готовы трудиться в поте лица ради улучшения своего благополучия, другие предпочтут безделье, беззаботность и покой. И ужиться бок о бок им будет очень трудно.

Но уравнитель не хочет видеть эту разницу между «высоковольтным» и «низковольтным». Он должен был найти виновника вечного раздора между людьми. И он объявил таковым распорядителя-собственника. Он назвал его словом «эксплуататор» и призвал к устранению его с исторической арены любыми способами, вплоть до физического уничтожения. Все попытки защитить институт собственности объявлялись враждебной классовой пропагандой и карались остракизмом – сначала моральным и интеллектуальным, а затем, по возможности, и физическим.

Понятно, что теории анархистов и социалистов встречали горячую поддержку в народной массе. Но не следует удивляться и тому, что широкие круги образованных людей находили в них логическую стройность, моральную возвышенность, а главное – надежду на то, что вековая вражда, терзающая человечество, может быть наконец-то погашена: стоит только уничтожить «главный источник раздора», институт собственности. Хозяева знаний не могли

понять и оценить роль хозяев вещей. Анархистами, марксистами, социалистами объявляли или считали себя писатели Горький, Хаксли, Платонов, Бабель, Зошенко, Фейхтвангер, Арагон, поэты Малларме, Маяковский, Пастернак, Неруда, Лорка, учёные Вавилов, Оппенгеймер, Жолио-Кюри, драматурги Оскар Уайльд, Бернард Шоу, Брехт, режиссёры Мейерхольд, Эйзенштейн, Чаплин, художники Курбе, Писсаро, Сёра, Синьяк, Диего Ривера, философы Бердяев, Струве, Сартр – и тысячи, тысячи других.

Литературный критик Леон Блум (ставший в конце 1930-х первым социалистическим премьером Франции) писал, что «всё литературное поколение, к которому я принадлежал [в 1890-е годы] было пронизано идеями анархизма». ¹⁰ Одним из любимых друзей Толстого был анархист Сулержицкий («Сулер»), и многие видные анархисты, включая Кропоткина, считали Толстого «своим». «Как и мы, – писал про Толстого один анархистский журнал, – он считает, что любое правительство отравляет всё, к чему оно ни прикоснётся; он не верит, что какой-то закон, правило, предписание сверху может послужить на пользу добру; он ненавидит военную службу, которая несовместима со свободой и справедливостью». ¹¹

Анархист Эмиль Генри был прав, утверждая, что анархисты неистребимы, ибо они – повсюду. Полиции было очень трудно бороться с этим движением, потому что анархисты действовали маленькими группами, не связанными друг с другом. Ненавидя все формы подчинения человека человеку, они отказывались создавать какие бы то ни было организации, объединённые строгой дисциплиной. Остаётся только удивляться, что анархистам – при их установке на индивидуализм и децентрализацию – удалось поднять и возглавить мощные массовые выступления в период с 1890 по 1930-е годы.

Движение анархистов-синдикалистов доминировало во многих профсоюзах в начале XX века. Отряды анархистов были мощной боевой силой во время гражданской войны в России (1918-1921). На Украине армия анархиста Нестора Махно, сражаясь и с белыми, и с красными, удерживала порой огромные территории. ¹²

Но наибольшего влияния анархисты достигли в Испании. Ко времени падения монархии в 1931 году различные анархистские партии там насчитывали до полутора миллионов членов. «В начале гражданской войны (1936) они контролировали почти всю Восточную Испанию... Фабрики и железные дороги Каталонии управлялись комитетами рабочих, а в деревнях крестьяне захватывали земли и учреждали коммуны, наподобие тех, о каких мечтал Кропоткин... Деньги были отменены, землю обрабатывали сообща... и каждая семья получала свою долю необходимого». ¹³

И всё-таки отказ от всяких организационных начал лишал анархистов возможности победить в революционной борьбе. После Первой мировой войны во всех странах, где революция разрушила существовавший порядок, власть захватили партии, спянные железной дисциплиной.

Принято считать, что фашисты в Италии и национал-социалисты в Германии в корне отличались от большевиков по своему отношению к институту собственности. Но Фридрих Хайек в своей книге «Дорога к рабству» показывает, насколько все три движения были близки друг другу. «В Германии пропагандисты обеих партий знали, насколько легко обратить молодого коммуниста в нациста и наоборот. Немало английских университетских преподавателей видели английских и американских студентов, которые, возвращаясь с европейского континента, не знали точно, к кому себя причислять – к коммунистам или к нацистам, но были твёрдо уверены в одном: в своей ненависти к либеральной западной цивилизации». ¹⁴

Слепое подчинение партии и партийной дисциплине, обожествление партийного единства и силы – вот главный источник мощи коммунистов, фашистов и нацистов. У всех трёх режимов главной и высочайшей целью объявлялось установление нового порядка в мире, для чего необходимо было достижение мирового господства. Все три ввели принудительный труд в той или иной мере. Во всех трёх иерархия партийной структуры начисто отменяла иерархию, создаваемую врождённым неравенством. Вышестоящий распоряжался тобою не потому, что он был в чём-то лучше тебя, а потому что партия поставила его на более высокую

должность. Завтра она может поменять вас местами – и всё будет идти, как и раньше. Муссолини (который, кстати сказать, в молодости был марксистом и социалистом) заменил лозунг «свобода, равенство, братство» лозунгом «верить, подчиняться, сражаться».¹⁵ И для миллионов низковольтных в этом лозунге таилась мощная привлекающая сила.

Институт собственности, – этот последний бастион, защищающий свободу человека от покушений со стороны всемогущего государства, – рано или поздно должен был прийти в столкновение с тотальной властью правящей партии. С точки зрения новых властителей, свободный рынок был просто удобным и опробованным инструментом регулирования каких-то сфер экономической жизни в стране. Им можно было пользоваться до поры до времени, но можно было и отбросить, если он начинал мешать. И фашисты, и нацисты легко нарушали право собственности, конфискуя имущество своих политических противников или «расово неполноценных евреев». Большевики попытались начать с полной отмены собственности, но вынуждены были снова ухватиться за эту подпорку и в 1921 году ввели НЭП. Если бы у них хватило терпения оставить НЭП и на 1930-е, Советская Россия, скорее всего, пришла бы к началу Второй мировой войны гораздо более сильной в экономическом и военном отношении.

Но в том-то и дело, что оставить НЭП означало бы оставить какое-то место в жизни страны состязательному принципу. Это означало бы, что лучшие крестьяне на своих хуторах могли бы производить больше других и богатеть. Это означало бы, что распорядитель-собственник мог бы соперничать с распорядителем-чиновником, ставленником всевластной компартии. Это означало бы, что лучшие инженеры, геологи, проектировщики, капитаны, агрономы – получили бы возможность реализовать свои таланты и приобрели бы влияние и независимость, умаляя роль правящей партии.

Могли ли победившие смириться с такой ситуацией?

II-2. СМЕРТЬ ВРЕДИТЕЛЯМ И ШПИОНАМ! БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В РОССИИ

К середине 1930-х годов диктатура большевиков достигла полновластия. Созданная Сталиным машина подавления держала под абсолютным контролем всё население страны. НЭП был отменён, с рынком было покончено, экономическая независимость крестьянства раздавлена, внутривластная «оппозиция» разгромлена. Многие свидетели, вспоминая те годы, говорят, что между 1935-м и 1936-м наступило какое-то странное затишье. Казалось, что отсутствие внутренних противников и угроза извне должны привести, наконец, свирепую власть к перемирию с собственным народом, ослабить жестокость многолетних репрессий и прекратить преследования невинных людей.

И тогда-то и грянул Большой террор.

«Что произвело это необычайное событие?» – спрашивает Лев Толстой о войне 1812 года¹

«Что произвело эту непостижимую катастрофу?» – спросим и мы о Большом терроре в России 1937-го.

Сейчас есть целый ряд видных историков, которые находят рациональное объяснение даже для такого этапа войны коммунистов против общества, каким явилось «раскулачивание». Они считают, что растущая экономическая мощь и независимость крестьянства создавали потенциальную угрозу власти партократии, поэтому она повела против крестьянства войну на уничтожение. Российский крестьянин был превращён в колхозника, возвращён в крепостное состояние с обязательным прикреплением к месту жительства, так что отнимать у него плоды его труда стало намного проще. С этой точкой зрения можно спорить. Можно указать на то, что лишённая возможности какой бы то ни было политической организации крестьянская масса никакой угрозы для партократии не представляла. Или что резкое падение сельско-хозяйственного производства в результате коллективизации было чревато более серьёзными опасностями для власти коммунистов. Но, по крайней мере, на сегодняшний день слышны какие-то споры, ведётся какое-то аналитическое осмысление раскулачивания.

О Большом терроре не спорят.

Событие это до сих пор не имеет убедительного рационального истолкования. Оно продолжает ужасать нас не только своими масштабами, но и необъяснимостью. Зачем всемогущей коммунистической диктатуре понадобилось уничтожить миллионы своих лояльных подданных? Причём подданных нужных, полезных? Причём без видимой задачи запугать остальное население, ибо принимались все меры, чтобы скрыть масштабы происходящего? Причём накануне надвигающегося столкновения со страшным внешним врагом – Германией, а может быть, и Японией?

«1937 и 1938 годы, – пишет Лидия Чуковская, – воспитывали в людях пожизненный ужас и притом некое равнодушие к собственному поведению, потому что судьба человека не очень-то зависела от его слов, мыслей, поступков. Человек круглосуточно пребывал в ужасе перед судьбой и, в то же время, не боялся рассказывать анекдоты и в разговорах называть чужие имена: расскажешь – посадят, и не расскажешь – посадят... Написал письмо Ежову в защиту друга – и ничего, тебя не тронули; написал множество доносов, посадил множество людей, а глядишь – и тебя самого загребли... Трудность постижения действительности, никогда до того не существовавшей в истории, сбивала с толку и не учила разумно вести себя: чувство причин и следствий было утрачено начисто».²

В мировой истории каждый эпизод массового террора содержит по крайней мере один повторяющийся элемент: *большинство натравливается на меньшинство*. Отличаются они лишь приметой, по которой это меньшинство выделяется: инквизиция сжигает «еретиков и ведьм», Иван Грозный казнит «изменников», в Турции режут «неверных» армян, Гитлер уничтожает «расово неполноценных» евреев. Но каждый раз это меньшинство обладало каким-то имуществом, богатством, которое властителям было соблазнительно отнять. Стимул грабежа придавал террору подобие смысла.

В Большом терроре 1937-го года нет даже этого элемента. У расстрелянных, высланных, брошенных за лагерную проволоку не было ничего своего – всё, чем они владели, и так принадлежало государству. Их обвиняли в шпионаже, диверсиях, саботаже – но даже сами палачи, пытками вырывавшие эти признания, не могли всерьёз верить в них. Жертвы террора не понимали, за что и для чего их убивали. Не понимаем этого до сих пор и мы.

Зато сегодня у нас есть возможность приблизиться к ответу на другой вопрос: кого убивали? За кем приезжали по ночам «чёрные маруси»? Кто заполнил подвалы и тюрьмы НКВД во всех городах огромной страны?

Сейчас, 60 лет спустя, сопоставляя огромный объём свидетельских показаний, исследований и опубликованных документов, мы можем ответить на это достаточно определённо: в подавляющем большинстве жертвами оказались квалифицированные специалисты самых разных профессий. В подвалы Лубянки и котлованы ГУЛага хлынул поток инженеров, профессоров, писателей, учителей, врачей, офицеров, прорабов, завмагов, а также профессиональных партийцев, имевших какой-то опыт и знания ещё с дореволюционных времён. То есть, мы ясно видим, что удар был направлен не в диком ослеплении, а по точному прицелу: *на хозяев знаний и хозяев вещей*.

Партократия есть идеальная машина для захвата и удержания власти. Инстинкт власти руководит всеми её действиями и порывами. Сокрушив все сопротивляющиеся силы в стране, уничтожив реальных противников, отняв богатство у богатых и последнюю рубаху у бедных, она столкнулась неожиданно с огромной сферой, перед которой должна была почувствовать себя бессильной: с круговоротом современной информации, необходимой для управления индустриальным обществом.

Нельзя забывать и то, что Ленин и Сталин «ковали» свою партию из людей, находившихся на нижних ступенях по шкале врождённого неравенства, из «низковольтных». Именно такие люди были слепо преданы партии. Со дна привычной приниженности она вдруг возносила их на вершину власти. Уже при первом расколе РСДРП (1903) все образованные и самостоятельно мыслящие отшатнулись в лагерь меньшевиков.³ Внутрипартийная борьба 1920-х годов шла по той же схеме: «вычищались» люди со знаниями, талантом, с аналитическим складом ума. Спаянная железной дисциплиной победная колонна «коммунистов-сталинцев» понимала только одну логику: нагана и колючей проволоки. Но, победив, она столкнулась с задачей, к которой была абсолютно не готова: задачей управлять экономикой огромной страны...

Оказалось, что и в коммунистическом государстве, где «упразднены классы и частная собственность», кто-то должен заниматься всё теми же четырьмя функциями: труд, распорядительство, власть, миропостижение. Власть целиком принадлежала партократии, трудовой народ был в избытке. Но кому же поручить две другие функции? Победители судорожно кинулись готовить кадры «классово близких» хозяев знаний и хозяев вещей.

За десятилетие, предшествовавшее Большому террору, в России наблюдается неслыханный рост числа людей, получивших более или менее сносную подготовку к управлению хозяйством индустриальной державы. С 1926 по 1937 год количество научных работников возросло на 570%, инженеров и техников – на 470%, агрономов – на 390%, работников культуры – на 500%.⁴ Общая численность специалистов увеличилась в пять раз, достигнув цифры 9.5 миллионов человек. Принимались все меры, чтобы в этот слой не просочились отпрыски «эксплуататорских классов» – их просто не пускали в ВУЗы и на рабфаки. Отбор шёл только среди выходцев из рабоче-крестьянской среды. Тем не менее это был отбор. И он выделял и возносил самых способных, энергичных и смыслённых. То есть давал возможность проявиться врождённому неравенству.

Таким образом к середине 1930-х годов управление огромной многонациональной империей оказалось в руках двух структур, сильно отличавшихся по своему составу, по человеческому материалу. Одна безраздельно владела политической властью, другая – необходимой информацией. Политическая власть оказалась в руках партийного аппарата, составленного из людей, способных преданно служить, подчиняться, даже идти на смерть, но

неспособных «предвидеть и предусматривать». Хозяева знаний и хозяева вещей были лишены реальной власти в обществе, но сильно превосходили средний уровень, включая и партократию, по своим знаниям и умственным способностям.

Вся идеологическая накачка большевиков сводилась к идее, утверждавшей, что миром эксплуатации правит капитал и что стоит разрушить этот мир, отнять капитал – и безраздельная власть окажется в твоих руках. Однако выяснилось, что в этом новом мире, где уничтожен капитал и рынок, управление хозяйственно-производственной деятельностью переходит опять к кому-то другому. Раньше это был буржуй – обладатель капитала, теперь его место занял специалист – обладатель информационного потенциала. В миллионах жизненных ситуаций специалист мог сказать всевластному партократу, что отданный им приказ невыполним потому-то и потому-то. А у партократа не было ни знаний, ни умственных способностей, чтобы оценить, насколько специалист прав. Именно поэтому так часто специалистам предъявлялись обвинения в саботаже. Но на психологическом уровне эта ситуация была чревата только одним: нарастанием глухой, иррациональной ненависти обделённого талантом к талантом одарённому.

Из этой подспудно кипящей ненависти и вырвалась лава Большого террора.

Принято считать, что террор был исключительно преступлением коммунистической диктатуры, что народ не принимал в нём участия. На уровне организационном – не принимал. Но на уровне эмоциональном партия и народ были едины. Их роднила вечная подозрительная неприязнь низковольтного большинства к высоковольтному меньшинству.

Нельзя также забывать, что террор, направленный против верхних слоев общества, не только удовлетворяет инстинкт власти, но и несёт весьма ощутимые блага всем уцелевшим. Если за ночь «чёрные маруси» тихо увезут на расстрел тысячу профессоров, завлабов, председателей, генералов, то наутро уже десять тысяч человек, стоявших ниже по служебной лестнице, поднимутся один за другим на следующую ступеньку, получают повышение по службе, увеличение оклада, новую квартиру.

Это про них Сталин скажет: «Жить стало лучше, жить стало веселей».

Радостный энтузиазм поздних 1930-х, отголоски которого долетают до нас под музыку Дунаевского в кадрах кинохроники тех лет, не был одним только пропагандным мифом. Когда ты являешься утром на работу и тебе внезапно предлагают занять место твоего начальника, огонёк радости в душе вспыхивает безотказно. И ты не очень-то склонен интересоваться, куда делся этот довольно занудный тип, помыкавший тобою ещё вчера. А на твоё освободившееся место тут же продвинется другой. А на его место – третий. И цепочка радостных огоньков постепенно сольётся в ручеёк, в реку, выплеснется на улицы праздничными демонстрациями, парадами физкультурников, знамёнами и транспарантами, загремит барабанами и оркестрами.

Низковольтные, занявшие посты хозяев знаний и хозяев вещей в результате Большого террора, оставались на этих постах и пятнадцать лет спустя, в 1950-е, когда довелось вступать в жизнь моему поколению. Мера убожества этих людей казалась какой-то неправдоподобной. Косноязычные учителя, невежественные профессора, директор завода, едва окончивший техникум, директор издательства, едва прочитавший десяток книг, тупые администраторы, способные говорить только «нет», врачи, получившие диплом по блату или за деньги – это была реальность нашей жизни, недоступная иностранному наблюдателю. Очень часто низковольтный чувствовал свою неадекватность занимаемому посту, тяготился ею, погружался в пучину пьянства. Но в большинстве своём они были страстно преданы режиму, вознёсшему их так незаслуженно высоко.

Возможно, и внутри партократии раздавались опасливые голоса: «А не ослабнет ли государство, если мы будем так последовательно снимать верхний слой лучших специалистов?» Но исходить такие предостережения могли только от людей, в которых ещё сохранялась способность «предвидеть и предусматривать». А именно эта способность и была самым опасным свойством в те годы, именно она служила признаком, по которому шёл отбор

жертв. Господствовал лозунг: «У нас незаменимых нет!» Поэтому можно себе представить, как редко и как слабо должны были прорываться такие голоса.

Иногда доводится слышать такое объяснение: массовый террор был необходимой ценой проведения индустриализации.

Но лучший исследователь Большого террора, историк Роберт Конквест, отвергает этот аргумент. «Все экономические успехи, достигнутые – или, по крайней мере, объявленные – Сталинским режимом, – пишет он, – были уже в наличии накануне Большой чистки. Нет никакого сомнения, что в хозяйственном плане террор принёс только вред. Он изъясил из производственного процесса большое число лучших руководителей... Экономический рост в 1938-40 годах замедлился».⁵

Деспотические режимы применяли бы массовый террор гораздо чаще, если бы над ними не висела военная угроза извне. Именно поэтому случаи массового террора наблюдаются, как правило, в крупных империях, которым не грозят нападения соседей: проскрипции Суллы в Древнем Риме, инквизиция в Испании, опричнина Ивана Грозного в России, избиение армян в Турции в 1915 году. Но когда к власти приходят низковольтные, то есть неспособные предвидеть и предусматривать, тогда ослабевает даже инстинкт самосохранения, и военную угрозу перестают принимать в расчёт.

Уничтожение командного состава Красной армии, при нарастающей угрозе со стороны Германии, при уже начавшихся военных столкновениях с Японией, выглядит шагом самоубийственным для режима, политическим безумием. Если бы Сталин опасался заговора своих генералов, достаточно было бы уничтожить верхушку командного состава. Но нет – террор докатывался до батальонных командиров. Конквест приводит число погибших (по данным советской прессы): маршалы – трое из пяти; командующие армией – 13 из 15; адмиралы – 8 из 9; корпусные командиры – 50 из 57; командиры дивизий – 154 из 186; общая численность уничтоженных офицеров – около 43.000.⁶ На место профессионалов военного дела были выдвинуты необученные новички. Красная армия была настолько ослаблена, что оказалась неспособна, при огромном численном и техническом превосходстве, разгромить небольшую финскую армию в войне 1939-40 года.

Итак, история ясно показывает, что Большой террор уничтожал людей в подавляющем большинстве лояльных и даже преданных режиму; что он привёл к катастрофическому ослаблению военной и экономической силы советского государства; что при честном исследовании террору невозможно найти ни прагматического, ни идеологического, ни экономического, ни военно-стратегического объяснения. И неизбежно возникает вопрос: как мог такой умный, хитрый, умелый, прожжённый властолюбец, как Сталин, нанести себе такой удар? Зачем ему понадобился Большой террор?

Снова и снова логический ум историка пытается атаковать это противоречие – и снова и снова отступает в растерянности... Даже Конквест доходит лишь до признания, что «случившееся в России под властью Сталина не может быть понято и интерпретировано в категориях здравого смысла, если под здравым смыслом мы договоримся понимать то, что житель демократического Запада считает естественным и разумным».⁷

«Я не могу поверить, что Сталин – это просто вульгарный гангстер», – восклицал страстный представитель лагеря уравнилелей Бернард Шоу.⁸ Мыслитель-состязатель не побоится подобного допущения. Но и ему будет нелегко поверить, что гангстер мог так явно действовать во вред себе, что он утратил инстинкт самосохранения. Ибо ни тот, ни другой не посмеет поставить под сомнение одну из составляющих рассматриваемого противоречия. А именно утверждение: «Сталин – величайший правитель всех времён и народов».

Но почему? Почему?

Почему образованные и думающие люди продолжают считать умным человека, который разорил сельское хозяйство в великой сельскохозяйственной державе, кормившей до него не только себя, но и половину Европы? Который уничтожал преданных ему слуг и соратников? Который ни в грош не ставил ни свои, ни чужие обещания, но верил листку бумаги с подписями Молотова и Риббентропа? Который отказывался замечать миллионную немецкую

армию, подступившую к границам России? Который верил, что урожаи можно поднять, насадив лесозащитные полосы? Который с важным видом писал свою лингвистическую околесицу?

Почему?!

Да только потому, что сильному уму, хоть уравниателя, хоть состязателя, – сладко верить в то, что ум – главная сила, решающая исход любого противоборства в человеческом обществе. До тех пор, пока мир подчиняется причинно-следственным связям, сильный ум чувствует себя уверенно, он имеет шанс вознестись над миром и, – хотя бы в теории, – главенствовать в нём. Какие бы извержения кровавого безумия ни прорывали тонкую плёнку разумности на протяжении мировой истории, рациональный ум ухитряется либо не замечать их, либо подыскивать им логическое истолкование. Ибо иначе он потеряет главное своё сокровище – чувство уверенного превосходства над хаосом, мечту о том, что «всё существующее разумно».

Он рассуждает примерно так: «В долгой и яростной борьбе за власть Сталин победил всех своих противников, включая таких умников, как Троцкий, Каменев, Бухарин. О чём это нам говорит? О том, что он был в чём-то умнее и хитрее их».

Допустить, что в политической борьбе главные действующие лица – не хитроумие, не логика, даже не расчётливое коварство, а тёмный инстинкт и иррациональная страсть, было бы слишком болезненным ударом для гордыни сильного ума. Поэтому такое допущение не рассматривается всерьёз ни одним так называемым профессиональным историком.

Парадокс заключается в том, что при всех своих талантах и прекрасной образованности Троцкий не обладал теми важнейшими знаниями, которые даёт только одна школа – школа унижений. Вернее, он окончил только первый класс её: унижения талантливого юноши из еврейского местечка, вынужденного пробиваться внутри сословной, иерархической, сильно заражённой антисемитизмом империи. Для него разрушение империи было естественным концом унижений. Революция покончила с сословным, имущественным, национальным неравенством – теперь врождённое неравенство могло, наконец, проявиться, вынося наверх самых энергичных и талантливых. И, в первую очередь, его самого.

Не то Сталин.

В школе унижений он прошёл все классы и все ступени. Сын пьяницы-сапожника, избивавшего его по любому поводу, беднейший ученик в церковной школе,⁹ недоучившийся семинарист, несостоявшийся поэт. Революционер, которого используют для уголовных дел. Среди блистательных ораторов и борзописцев – косноязычный нацмен, не владеющий по-настоящему ни одним языком. Бездарный военачальник среди прославленных красных полководцев Гражданской войны.

Как он должен был их всех ненавидеть!

С какой затаённой мстительной страстью шаг за шагом продвигался к моменту торжества над ними. И как он был понятен и близок в этой главной страсти тёмной массе рядовых большевиков!

Дочь Сталина, Светлана Аллилуева, в своих мемуарах рассказывает, как ей довелось подслушать застольный разговор отца с соратниками о том, что доставляет человеку самое большое счастье. «Самое большое счастье, – сказал разомлевший от вина Сталин, – это хорошо отомстить – и пойти спать».

Конечно, Сталина никак не устраивала ситуация, в которой таланту воздавалось бы должное. На что он мог тогда надеяться? Недоучка, с тёмным прошлым, раскритикованный самим Лениным, не имеющий никаких особых заслуг перед партией?

Но в одной сфере он был гениален. И знал это.

Он был гением посредственности.

Чувства, которые низковольтный испытывает к высоковольтному, бушевали в нём с такой силой, что тысячи и миллионы низковольтных инстинктом, нутром опознавали в нём своего природного вождя. И шаг за шагом проталкивали его к вершине власти. Власти над партией – а значит и над всей страной.

И он не обманул их надежд. Он возглавил армию низковольтных и повёл их на самоубийственное, бессмысленное, мстительное уничтожение высоковольтного меньшинства.

Подстроить падение политического соперника, захватить демагогией толпу, организовать убийство опасного противника может всякий политик. Но начать планомерное уничтожение миллионов людей в собственной стране можно только в том случае, если в душах *десятков миллионов* будет тлеть осознанная или неосознанная ненависть к уничтожаемым. Должна быть ненависть к еретикам, к ведьмам, к инородцам, к иноверцам, чтобы в стране запылали костры и замаячили виселицы. И что может быть более надёжным, всегда готовым, чем тихая ненависть отставшего к обогнавшему, обделённого к одарённому, слабого к сильному?

Во всех главных кампаниях, проводившихся Сталиным за время его 25-летнего правления, мы видим его безжалостно преследующим лучших: лучших крестьян, лучших инженеров, лучших учёных, лучших командиров, лучших композиторов, лучших писателей и даже – самоубийственно! – лучших врачей.

Главное оружие высоковольтного – слово. Владение словом – вот, что нагляднее всего выделяет его из среды низковольтных. Поэтому борьба с осмысленным словом становится необходимым условием торжества низковольтных. Сталинский режим выработал газетный и митинговый язык, настолько лишённый прямого смысла, что на Западе пришлось создать сеть специалистов для расшифровки и анализа этого языка. «Министерство мира» (читай – войны), «Министерство правды», «Министерство любви», придуманные Оруэллом, не так уж далеки от языковых вывертов, созданных советской эпохой. «У нас сын за отца не отвечает», торжественно объявляла пропаганда, но при этом классовое происхождение решало всё в судьбе человека; ужасы коллективизации были названы «головокружением от успехов»; марионеточные коммунистические режимы, насажденные в оккупированных странах, носили имя «стран народной демократии»; и так до бесконечности.

В России «высоковольтные» в подавляющем большинстве приветствовали свержение монархии. Революция казалась им вполне справедливой расплатой за столетия социального неравенства. Но высоковольтному интеллигентному сознанию дика мысль о том, что врождённое неравенство может доставлять людям ещё большие страдания, чем неравенство сословное, имущественное, классовое. Ибо этих страданий высоковольтный – получивший от рождения пять талантов – не испытывает и не знает. Он не понимает, что ему нужна защита от недоброжелательства «низковольтного» большинства. Защита эта вырабатывается веками в виде морально-религиозных требований и прочной структуры социальных отношений. И там, где эту структуру внезапно разрушает политическая буря, высоковольтным, одарённым, сильным – не выжить.

– За что?! Мы служили своей стране верой и правдой! Приносили огромную пользу! Мы ни в чём не виноваты! Убивая нас, вы сами наносите себе страшный вред и ущерб! – кричали изумлённые жертвы террора.

«Для нас нет худшего вреда и ущерба, чем терпеть вас, догадливых, притких, умных, рядом с собой, а вообще-то – и над собой», – могли бы ответить низковольтные, если бы обладали даром красноречия и аналитического мышления.

Большой террор 1937-38 годов должен был бы послужить наглядным уроком всему строю политического мышления высоковольтных уравнилелей даже в случае, если бы он оставался единственным примером в XX веке. Но как добросовестная учительница повторяет снова и снова трудный урок беспечным ученикам, так история повторила это событие не один раз...

Посмотрим, как протекал массовый террор в других странах, где вековой уклад жизни был разрушен революционными взрывами.

II-3. РАЗМОЗЖИТЬ ГОЛОВЫ! ТЕРРОР В КИТАЕ, КАМБОДЖЕ, КУБИНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Вплоть до XX века восстания низковольтных редко достигали успеха. Их полчища могли быть многочисленными, но единственным инструментом для сплочения их в организованную вооружённую силу оставались устные приказы. А голос атамана – каким бы грозным и громким он ни был – разносится всё же недалеко и быстро испаряется из памяти воинов.

Технический прогресс и распространение грамотности в корне изменили ситуацию. Теперь к услугам вождей восставших были печатные станки, телеграф, телефон, радио. Небольшая группа профессиональных революционеров, составленная из высоковольтных фанатиков уравнительной идеи, спаянная жёсткой дисциплиной, создавала необходимое ядро. Это ядро стремительно обрастало тысячами бойцов, которыми теперь можно было управлять на больших расстояниях, координировать их действия на разных фронтах. Высоковольтных командиров и низковольтных бойцов роднила одна страсть: ненависть ко всем видам неравенства. В том числе и, – подспудно, неосознанно, – к неравенству врождённому.

Во время гражданских войн в России, Испании, Китае, Камбодже, Вьетнаме армии коммунистов часто демонстрировали необычайно высокий боевой дух, добивались победы над лучше вооружённым и численно превосходящим их противником. Разгадку следует искать в двухполюсной природе эмоционального накала, пронизывающего отношения между высоковольтным и низковольтным.

Высоковольтный не может испытывать настоящей враждебности к низковольтному. Даже в ситуации вооружённого конфликта он смотрит на него как на противника, которого следует победить – но для того чтобы вразумить, вырвать из-под власти тёмных страстей, вернуть под власть разума и закона. Гибель низковольтных в бою не радует его, наполняет чувством вины, сомнения и горя.

Не то низковольтный. Он во всех своих действиях и порывах движим горячим инстинктом ненависти к высоковольтному. Он ощущает своего противника главным источником своих несчастий и обид. Он жадно подхватывает лозунги уравнителей, призывающих к *полному равенству всех со всеми*. Уничтожение высоковольтного представляется ему победной и радостной кульминацией борьбы. «Кто был ничем, тот станет всем!». Он кидается в борьбу с отчаянной самоубийственной отвагой – и хорошо вооружённый защитник неравенства пятится перед ним, отступает, сдаётся сначала нравственно, а потом и физически, часто не исчерпав и половины своих сил и ресурсов.

Однако, завоевав власть в стране, победители, как правило, становятся жертвами кровавых междоусобиц. Высоковольтная верхушка революционеров, будучи в меньшинстве, вскоре гибнет, и на руководящие посты продвигается победитель-низковольтный. Он-то и оказывается лицом к лицу с задачей управления государством. Задачей, для решения которой у него нет ни сил, ни способностей, ни знаний. Он похож на крановщика, который разрушил старое здание чугунной бабой и которому сказали: «Ну вот, ты разрушил – теперь строй на расчищенном месте». Но так как обращению с другими машинами и инструментами он не обучен, в дело пускается всё та же чугунная уравнительная баба, которая теперь начинает крушить подвезённые кирпичи и доски, готовые к делу бетономешалки и соседние дома.

С поразительной наглядностью повторяются поэтапно одни и те же процессы в странах, попавших под власть тоталитарно-уравнительных режимов. Послереволюционное развитие в России, Китае, Кубинской республике, Камбодже проходило одни и те же стадии:

1. Мобилизация всего населения на выполнение грандиозных планов,
2. Катастрофическое крушение хозяйственных начинаний,
3. Поиски врагов, виновных в случившемся,
4. Показательные процессы,
5. Массовый террор.

Рассмотрим каждый из них по отдельности.

Догнать и перегнать!

В начале 1950-х годов московский журнал «Огонёк», включившись в кампанию укрепления дружбы с новым, «коммунистическим» Китаем, печатал время от времени притчи под рубрикой «Из китайской народной мудрости». Например, такую:

«Однажды путник увидел мудрую женщину, сидевшую у дороги. Она точила железный брус о камень.

– О, мудрая женщина, – спросил путник, – что ты делаешь?

– Я делаю иголку, – ответила та.

– Но ведь за всю оставшуюся жизнь ты не сможешь сточить этот брус до размеров иголки!

– Неважно. Не я, так мои дети, не дети – так внуки, не внуки, так правнуки закончат мой труд, и у нас будет иголка».

Остальные «мудрости» были в таком же духе. От них мороз пробежал по коже и в сердце заползала тоска. Возникало тягостное предчувствие, что, – да! – это возможно. Тебя могут заставить провести всю жизнь в стачивании железного бруска ради иголки. И объявят это счастливым уделом. Предложить мудрой женщине раскалить брус, раскатать и отштамповать из него тысячу заготовок, из которых иголки можно было бы делать гораздо быстрее – это прозвучало бы кощунством над народной мудростью.

Нет! Не из хитрых приёмов, придуманных разными умниками, должно было вырастать изобилие в стране. Трудовые массы сильнее умника – справятся без него. В низковольтном уме элементарное трудовое усилие умножалось на миллион, на десять миллионов тружеников, и в результате виделось неизбежное достижение блистательной победы – всеобщее изобилие, бурное развитие народного хозяйства.

Пусть каждый шахтёр добудет за смену столько угля, сколько добыл герой труда Стаханов! Пусть доярки, комбайнёры, лесорубы стремятся догнать рекордсменов! И тогда сталинские пятилетки приведут нас к сияющим вершинам коммунизма.

Шахтёрский ум Хрущёва тоже был способен оперировать только таблицей умножения. Целинные земли? Помножим количество вспаханных гектаров на средний урожай – и вся страна окажется заваленной зерном. Корма для скота? А вот мы посеём кукурузу от Белого до Чёрного моря – и утрём нос американцам!

Мао Цзэдун рассчитал, что если каждый китайский дом заведёт небольшую доменную печь в своём дворе, то страна Большим скачком выйдет на первое место в мире по выплавке стали. Для поднятия сельского хозяйства в каждом районе Китая было приказано построить резервуары и провести оросительные каналы. В 1957 году началась коллективизация. Когда Мао посещал деревни, его автомобиль проезжал мимо гор капусты, моркови, турнепса и прочих овощей, уложенных вдоль дороги на расстоянии в полмили. Неизвестно, верил ли «великий кормчий» в то, что всё это выращено в данной деревне; но вслух он хвалил крестьян и спрашивал: «Как вы управитесь со всей этой едой? Что вы будете делать с излишками?».¹

В Камбодже было запланировано поднять урожай риса с гектара до трёх тонн, хотя обычный урожай в этой стране не достигал и одной тонны. Для достижения этой рекордной цифры предполагалось увеличение производства «натуральных удобрений», то есть навоза, но каким образом – не уточнялось.² Считалось, что задача будет автоматически выполнена, если удастся выгнать на поля всех до последнего – учителей и врачей, старых и малых, здоровых и больных.

С большим громом проводились на Кубе кампании по уборке сахарного тростника. «Урожай в 10 миллионов тонн» был сделан общенациональным лозунгом, и всё население обязано было трудиться без выходных для достижения этой цели.³ Но у Кастро были и другие идеи в сфере сельского хозяйства. То он загорался скрещивать разные породы коров и создать гибрид, который напоит молоком всю Кубу. То собрался производить сыр камамбер, который будет лучше норманского. То отдал приказ очистить Кубу от сорняков. То послал армию рабочих создавать кольцо кофейных плантаций вокруг Гаваны.⁴

Только злые клеветники и прислужники мирового империализма могли утверждать, будто коммунистические лидеры не заботились о благосостоянии своих народов.

Хозяйственный крах

На сегодняшний день написаны и опубликованы тысячи книг и исследований, рисующих картину всенародного разорения в коммунистических государствах. Однако большинство этих исследований написаны хозяевами знаний и поэтому нацелены по-прежнему на поиски конкретных ошибок в социалистическом планировании. Ошибок, которых развитый и рациональный ум якобы легко мог бы избежать. Но то, что развитому уму не будет места у кормила власти при торжестве низковольтных, во внимание не принимается. Признать, что всему виной – торжество уравнилельного принципа, хозяин знаний просто не может. Ибо этот принцип остаётся для него самым бесценным инструментом интеллектуальной деятельности, и расстаться с ним он не в силах.

Да, признаёт он, коллективизация и раскулачивание в России обернулись голодом и катастрофическим упадком уровня жизни в стране. Но всё это было результатом ошибок Сталинского политбюро. Если бы у кормила власти стояли образованные и знающие люди, ничего подобного не случилось бы и массовая механизация сельского хозяйства принесла бы положительные результаты.

Конечно, если бы у Хрущёва были хорошие научные советники, они объяснили бы ему, что мощные трактора в степях Казахстана только сдерут тонкий плодородный слой почвы и превратят землю в пустыню; и что кукуруза не станет расти не только у Белого моря, но даже под Ленинградом и под Москвой, хоть ты укутай каждый стебель газетой «Правда».

Вот и Кастро: хотел ведь поднять урожай в стране, но не нашлось специалистов, которые объяснили бы ему, что кофейные деревья не станут расти под Гаваной,⁵ что нельзя сажать банановые рощи на плохо осушенных землях, где водоупорный слой содержит большое количество солей.⁶

Да и камбоджийские руководители: в своих планах они правильно указывали, что нужно будет увеличить производство насосов для ирригационных сооружений, приобрести завод по производству инсектицидов, увеличить поголовье скота и число рыбоводческих ферм.⁷ Если бы они сделали следующий шаг и предусмотрительно оценили реальные ресурсы сырья и рабочей силы в стране – всё могло бы пойти не так уж плохо.

Но в том-то и дело, что слово «предусмотрительно» здесь неуместно, так как речь идёт о деятельности низковольтных. «Предвидеть и предусматривать» низковольтный не в силах. И он ненавидит высоковольтного умника, который своими рассуждениями делает для него задачу непосильно сложной. Именно поэтому Сталин поддержал примитивного Лысенко, а талантливого Вавилова отправил в ГУЛаг. Именно поэтому Кастро в конце концов выгнал иностранных специалистов, которых сам же и призвал.⁸ Именно поэтому красные кхмеры первым делом отправили умственную элиту страны трудиться на полях.

Только недавно стали появляться книги, посвящённые голоду в Китае, последовавшему за коллективизацией 1956-58 годов. Опрошенные рассказывали о массе умерших от голода в таких провинциях, как Юнань, Ганзу, Гуандзи, Сычуан. В провинции Фуджан крестьяне ели кору с деревьев... Много лет спустя Бо Ибо, ветеран партии, напишет, что «голодом было охвачено 25 миллионов человек».⁹

Чтобы расчистить место для резервуаров, миллионы людей сгонялись с обжитых мест и гибли на дорогах или под открытым небом в тех местах, куда их перегоняли. Но построенные резервуары и дамбы долго не держались, ибо делались с нарушением всех инженерных норм, с применением земли и глины там, где требовался бетон. «Наихудшая катастрофа с плотиной произошла в провинции Хенан в августе 1975 года. После затяжных дождей её прорвало, и вырвавшаяся стена воды унесла 240 тысяч жизней».¹⁰

Высоковольтный, столкнувшись с препятствием на пути осуществления своих планов, начинает искать пути обхода и преодоления их. Низковольтный впадает в ярость. Он не

способен искать ошибку в собственных планах. Поэтому он ищет врагов, помешавших ему достичь вожаделенного успеха. И где только он их не находит...

Поиски виноватых

Помимо мифических шпионов, диверсантов и вредителей, которые служили ей безотказно на всех этапах, коммунистическая пропаганда умела отыскивать всё новых и новых врагов, прятаящихся под самыми неожиданными обличьями.

Сталину как-то доложили, что выращенный урожай по весу превосходит урожай, загружаемый в хранилища. И он ввёл кары для тех, кто посмел собирать колоски, оставшиеся на поле после уборки.

Как только началась нехватка картофеля в послевоенной России, вина была взвалена на колорадского жука (которого империалисты запускают на наши поля в спичечных коробках, плывущих по Балтийскому морю).

Мао объявил виновниками низких урожаев воробьев, клюющих зёрна на полях, и вся страна кинулась охотиться за несчастными птицами. Сохранилась кинохроника грузовиков, наполненных гирляндами мёртвых воробьев.

Хрущёва уверили, что трудности с валютой в стране происходят из-за спекуляции ею на чёрном рынке, и он ввёл смертную казнь для «валютчиков», которая применялась даже задним числом, то есть к людям, которые меняли рубли на доллары ещё до введения закона.

Зловещий «частник» был таким же врагом, как и шпион. На съезде коммунистов Кубы Кастро четыре часа поносил в своей речи доморощенных предпринимателей, которые устроили нехитрую операцию: скупил большое количество пластмассовых зубных щёток, и, переплавив их, начали изготавливать женские бусы.¹¹

Но чуть ли не самым лучшим врагом народа оставался во все времена деятель культуры – писатель, художник, музыкант. История культурных погромов в коммунистическом мире идёт синхронно с историей хозяйственных провалов.

После страшного голода на Украине и трагедии раскулачивания – разгон художественных организаций и создание централизованного Союза писателей в 1934.

Послевоенный голод в России в 1946-47 был ознаменован атакой на Зощенко и Ахматову.

После провала целинной и кукурузной кампаний Хрущёв разгромил художников на выставке в Московском Манеже в 1962.

Где-то в эти же годы, когда Куба стремительно начала погружаться в нищету под властью коммунистов, Кастро устраивал собрания с художниками и интеллектуалами, каждое из которых он начинал с того, что доставал из портупеи пистолет и клал его на стол.¹²

За провалом Большого скачка в Китае в 1964 последовало создание Комитета культурной революции, который должен был провести чистку среди писателей и поэтов.¹⁰

Если же врагов народа не удаётся отыскать немедленно, гнев низковольтного владыки приобретает иррациональный характер.

Управляющий Кастровским летним именем рассказывает, что однажды они с Фиделем проезжали по пустынному району и увидели спиленную сосну.

– Кто посмел повалить сосну?! – в ярости вскричал Кастро. Он остановил машину и выскочил из неё, схватив автомат.

– Кто валит деревья, когда мы ведём борьбу за сохранение наших лесов?!

– Команданте, – робко заявил управляющий. – Дерево было спилено телефонистами, которые врывали здесь эти столбы...

Кастро оглянулся. Никого не было поблизости. Он знал, что сам отдал приказ расширять телефонную сеть. Противоречие было неразрешимым. Но чувства требовали выхода. И тогда он поднял автомат и открыл огонь по телефонным проводам. Один провод, перебитый пулей упал на землю. Немного успокоившись, Кастро вернулся в машину и сказал управляющему:

– Вообще-то я должен был бы пристрелить тебя.¹⁴

Показательные процессы

В этом эпизоде Кастро с наивной прямоотой выдаёт все движения души низковольтного самодержца. Когда жизнь подносит ему в очередной раз что-то неподвластное его воле, в нём вспыхивает неодолимый импульс отыграться на тех, кто предупредил его о возможности поражения. А ещё лучше – объявить их самих виновниками. А ещё лучше – заставить их признать себя виновными в случившемся.

При анализе показательных процессов в коммунистических странах объективного наблюдателя прежде всего поражает покорность обвиняемых. Конечно, пытками и угрозами человека можно заставить признаться в чём угодно – вся история инквизиции подтверждает это. Но почему их заставляли каяться и сознаваться в преступлениях, нелепость которых была очевидна каждому разумному наблюдателю? Неужели нельзя было разработать обвинение, в котором была хотя бы тень правдоподобия?

Писатель Артур Кёстлер в своём романе «Тьма в полдень» пытается дать художественное истолкование этой загадки. Бывший красный командир Рубашов – он же бывший народный комиссар и член центрального комитета партии – арестован по обвинению в измене родине, саботаже и прочих преступлениях. Умный следователь Иванов понимает, что пытками такого человека не сломить. Поэтому он шаг за шагом подводит Рубашова к мысли, что, коль скоро он посвятил всю свою жизнь партии, теперь он должен сослужить ей последнюю службу: признать свою подрывную деятельность, то есть взять на себя вину за хозяйственные провалы. Разве не исповедовал он сам священный лозунг «партия всегда права»? Разве не утверждал, что ошибаться могут только отдельные члены партии? Теперь пришло время доказать на деле, что партия для тебя выше не только собственной жизни, но и чести.

И Рубашов шаг за шагом уступает этой логике. Он готов подписать покаяние и признать, что его дела и его слова шли во вред партии и стране. Но он отказывается признаться в организации актов саботажа, ибо это – полная нелепость, которой никто не поверит.

Тогда за дело берётся помощник Иванова – следователь Глеткин. Парень из бедной крестьянской семьи. Недалёкий. Открыто презираемый и Рубашовым и Ивановым. Он-то и становится победителем. Это он объясняет Рубашову, что все эти его «объективно», «ход исторического процесса», «диалектика развития» народной массе непонятны. А «шпион и вредитель» – это мы знаем. И поэтому он должен подписать своё покаяние в той форме, которая будет понятна всем. И что с того, что несколько умников его покаянию не поверят? Сила сегодня – в массах. Вот и сам Рубашов проповедовал то же самое всю жизнь.

По сути низковольтный Глеткин требовал от высоковольтного Рубашова не просто капитуляции. «Сложи своё главное оружие, которым ты сильнее меня, – логику и разум. Подчинись нелепости, ибо она стала силой. А сила, которую ты называл «объективная реальность» – теперь поздно отвергать её только потому, что она уничтожит тебя самого».

И Рубашов сдаётся. А ещё до того как его отправят на показательный процесс, на расстрел уводят другого умника – Иванова. А Глеткин занимает его место.

Конечно, в реальной жизни всё шло гораздо проще. Признания вины вырывались пытками, голодом и бессонницей. Тех, кто выдерживал пытки и не ломался нравственно, на процессы не выпускали – расстреливали в подвале. В рассказах самих палачей мелькают сообщения о том, что признания вины гораздо легче было выбить из тех жертв, у которых были семьи, – страх за родных действовал сильнее боли.

Второй вопрос-загадка, связанный с показательными процессами: зачем Сталину, Мао Цзэдуну, Кастро, Пол Поту нужны были суды над бывшими соратниками? Обычный ответ: шла борьба за власть. Но настоящая борьба за власть идёт внутри партии гораздо раньше – подспудно, скрыто, упорно. Создаются и распадаются группировки, о которых долго никто не догадывается. На показательные процессы попадают те, кто уже потерпел поражение...

Да и какую угрозу для власти Сталина в 1936 году могли представлять снятые со всех постов Бухарин и Зиновьев? И чем мешал Мао Цзэдуну послушный ему во всём президент Китайской республики Лю Шао-ци (1967)? Зачем Пол Поту нужны были «признания» его

товарищей по борьбе, которые выбивали из них под стук пишущих машинок в здании 8/21 на окраине Пном-Пеня (1977)? Какие политические цели мог преследовать Кастро, отдавая под суд своих лучших генералов в 1989?

«Генерал Очоа, красивый, элегантный, с чёрными вьющимися волосами, с длинным горбатым носом, держался в суде бесстрастно, – пишет американская журналистка Джорджи Энн Гейер. – Можно было подумать, что он контужен или одурманен наркотиками. Когда Кастро обвинил его в участии в наркобизнесе, подсудимый смог сказать только одно:

– Если даже мне будет грозить смертная казнь, моя последняя мысль будет о Фиделе и о Великой революции, которую он дал нашему народу.

Всё это напоминало московские процессы ранних 1930-х, когда ни в чём не виноватые соратники Сталина вставали в суде один за другим и красноречиво требовали, чтобы их присудили к смертной казни... Арнальдо Очоа, как и подсудимые в Москве, скорее готов был умереть, чем допустить, что он прожил свою жизнь, служа ложным идеалам».¹⁵

Действительно, разочароваться в идеале всегда тяжело. Но, похоже, что для людей, преданных партии, это было нечто большее, чем просто слияние с единомышленниками в общем служении идеалу. Сила! Безжалостная, всеокрушающая сила – вот чему они поклонялись. Как писал Маяковский, «партия – это рука миллионнопалая, сжатая в один громящий кулак». «Я счастлив, что я этой силы частица...» От причастности к этой силе кружилась голова. Поэт делится с нами самыми искренними, самыми горячими своими чувствами. Пусть нам они незнакомы – но мы обязаны вслушаться в его слова хотя бы потому, что он заплатил за эти чувства собственной жизнью.

И ещё Маяковский – не писал, скорее – кричал: «Единица – ноль, единица – вздор, голос единицы – тоньше писка».

В этих двух цитатах поэтически воссозданы два главных кумира, которым поклоняется страстный революционер: *сила и равенство*. Пока ведётся борьба со старым режимом, он может не замечать несовместимости этих своих идолов. А несовместимы они потому, что *сила* может быть только у организации, спаянной строгой дисциплиной. То есть построенной на безоговорочном подчинении нижестоящего вышестоящему. То есть при наличии прочной лестницы *неравенства*.

Именно этого противоречия так боялись вожди анархизма, именно поэтому они так отталкивались от теории и практики марксизма и коммунизма.

Обладая поэтической чуткостью, Маяковский наткнулся на это неодолимое противоречие намного раньше других революционеров. Если «единица ноль» – значит и ты ноль? Значит, и твой голос, которым ты бросал вызов Богу («Я думал, что ты всемогущий божище, а ты недоучка, крошечный божик») – тоньше писка? Значит и тебя может легко раздавить «рука миллионнопалая»?

Семь лет спустя это же коренное противоречие привело к общенациональной катастрофе неслыханных масштабов.

Произошло то, что предсказывал Бердяев в книге «Философия неравенства», анализируя ход любой революции: «Свобода расковывает безудержную волю к равенству и таит в себе семя самоотрицания и самоистребления... Демократия истребляет самые основы либерализма, равенство пожирает свободу... Это процесс фатальный».¹⁶

Партийная иерархия в первые годы после захвата власти во всех странах имела, казалось бы, естественное распределение на лестнице внутреннего неравенства: «высоковольтные», проявившие себя в годы революционной борьбы и гражданской войны – наверху; а низко-вольтные рядовые участники – в нижнем эшелоне. Но эта ситуация была крайне тягостна для «низковольтного» большинства. Под давлением их глухого недовольства шло постепенное, а затем и ускоряющееся оттеснение прежних героев с занимаемых постов. Вся постройка из куполообразной превращалась в некий барак с высоченным шпилем.

А остриё шпиля – верховный вождь, первый секретарь, Большой Брат – возносились всё выше и выше, на невысказанную вершину власти.

Потому-то и не было серьёзной оппозиции этой внутрипартийной перестройке, потому-то и калялись подсудимые на показательных процессах, что инстинктивно все чувствовали: для них это единственный логический выход, единственный способ сохранить своих кумиров – Силу и Равенство.

Сила в лице верховного вождя делалась осязаемой, зримой, головокружительной.

Равенство, при сохранении партийной иерархии, тоже было невыдуманным. Ибо любой мелкий партийный чиновник мог мысленно сказать своему боссу: «Ты распоряжаешься мною не потому, что ты лучше меня, а потому что партия, вождь поставили тебя на это место. Завтра нас поменяют местами – и ты будешь так же ползать передо мной».

Партийная чистка проходила повсюду по одному и тому же принципу: низковольтные выбрасывали за борт высоковольтных. Заслуги перед партией, проявленная смелость, знания, таланты – не только не спасали, но, наоборот, помогали в обнаружении высоковольтных. А чаще всего их обнаруживали просто инстинктом: «Не наш человек!». И чем нелепее были предъявляемые им обвинения, тем лучше. Ибо таким образом кумир силы утверждал себя вдвойне: он торжествовал не только над личностью уничтожаемого высоковольтного, но и над миром логики и разумного предвиденья, в котором тот был сильнее других.

Мог ли подобный процесс ограничиться личным составом правящей партии? Достигнув победы внутри партийной иерархии, могли ли низковольтные остановиться и спокойно смотреть, как высоковольтные, благодаря своим талантам, занимают ведущие посты в промышленности, науке, образовании, культуре?

Массовый террор

«26 августа 1966 года, – читаем мы в книге Гаррисона Солсбери «Новые императоры», – районная полиция Даксинга (северный пригород Пекина) передала местным хунвейбинам списки людей, которые были объявлены опасными элементами. На следующий день начались избиения. В течение недели более сотни людей были забиты до смерти на улицах и площадях, на глазах ревущей толпы. Через несколько дней число погибших перевалило за 300. Самой старой среди жертв оказалась восьмидесятилетняя старуха, самой юной – пятидневный ребёнок. Удар дубиной по голове раскалывал череп человека, и безжизненное тело оставалось лежать в пыли».¹⁷

Во всём Китае не было места, куда бы не докатился террор. В далёкой провинции Гуанхи (Guanxi) погибло около 65.000 человек. Во внутренней Монголии число жертв оценивается в сотни тысяч. «Общее число погибших за время Культурной революции, по приближённым оценкам, переваливает за четыре миллиона».¹⁸

Все разговоры о том, что террор был делом рук вырвавшейся из-под контроля молодёжи, оказались на поверку вымыслом. Лозунги и указания, раздаваемые в эти дни самим Мао Цзэдуном, не оставляют сомнения в том, кто стоял за спиной юных погромщиков и палачей.

«Великое смятение, прокатившись по всей стране, создаёт великий порядок...»

Выпустите маленьких демонов. Они будут выпрыгивать на поверхность каждые семь-восемь лет...

Полиция должна держаться в стороне, но должна установить контакты с Красными охранниками (хунвейбинами) и должна снабжать их информацией о людях пяти категорий: бывшие землевладельцы и бывшие богатые крестьяне, реакционеры и вредные элементы, правые уклонисты».¹⁹

Для простых завистников наступило раздолье. Достаточно было анонимного письма в полицию с сообщением, что твой недруг – вредный элемент, и он исчезал как по мановению волшебной палочки. Потом можно было даже доставить себе удовольствие: пойти на стадион и увидеть, как его бросят на освещённую сцену, с руками, привязанными сзади к ногам (так называемая «поза аэроплана») и будут забивать дубинками под крики толпы.

Для уничтожения крупных фигур в партийном и государственном аппарате требовалась санкция самого Мао. Когда настала очередь президента Китайской республики Лю Шао-ци

(Liu Shaoqi), он был приглашён на беседу к «великому кормчому». Мао Цзэдун говорил с ним ласково, советовал побеспокоиться о здоровье и порекомендовал прочесть некоторые труды Гегеля и Дидро. Через два дня хунвейбины ворвались в кабинет президента.

Для Лю Шао-ци и его жены началась многолетняя полоса унижений, избиений, пыток голодом и холодом, тюремной изоляции. Сотни людей были запытаны до смерти для получения свидетельских показаний о «шпионской деятельности» обречённых.

«8 августа 1967 года... большой зал был отведён для публичной пытки. Даже детей Лю Шао-ци заставили смотреть, как хунвейбины вытаскивают родителей на освещённую сцену. Их связали в «позу аэроплана». Съёмочная группа делала документальный фильм для демонстрации по всей стране. Хунвейбины поднимали Лю и бросали на пол, как куль с мукой... Они били их по лицам, по головам. Пинали ногами и кулаками. Один солдат схватил Лю Шао-ци за седые волосы и оттянул назад голову под стрекотанье кинокамеры».²⁰

Искалеченных супругов впоследствии заставляли таскать с места на место тяжёлые камни, морили голодом, избивали снова и снова. И про всё это «Энциклопедия Британника» напишет, что «Лю умер, потому что ему не была вовремя оказана требуемая медицинская помощь».²¹

Кого мы видим в первую очередь среди жертв Культурной революции? В сохранившихся кадрах кинохроники тех лет озверевшая толпа, как правило, тащит на расправу профессора, музыканта, художника, учителя, инженера, врача – на голове позорный колпак, руки связаны, одежда изодрана, лицо заплёвано.

Можно задаться вопросом: какое вознаграждение получали юные убийцы за свой «революционный пыл»? Требовали они каких-то льгот или изменений в жизни государства? Оказывается, да – требовали. Они просили отменить вступительные экзамены в ВУЗы.²² То есть безошибочно находили тот последний уголок в социальной структуре, где состязание было разрешено, где врождённое неравенство могло обнаружить себя и где высоковольтные безотказно побеждали...

До тех пор, пока Кастровский режим остаётся у власти, у нас нет возможности оценить масштабы террора, проводившегося на Кубе коммунистами с 1959 года. Но есть много свидетельств о том, как кубинские тюремщики выполняли свою работу.

Поэт Армандо Валладарес просидел в кастровских тюрьмах 22 года. Он был арестован в 1960 году за то, что отказался поставить портрет Кастро на свой рабочий стол в учреждении. Выпустили его под нажимом мировой общественности и по личной просьбе французского президента-социалиста Миттерана. Книга воспоминаний Валладареса об этих годах страшнее даже Солженицынского «Архипелага».

«Бегом! По два!» – закричали охранники. Они начали толкать и колоть заключённых примкнутыми штыками. Мы видели, как те побежали, и было страшно смотреть, как кровь капала с их ног, как темнели от крови штаны. Один из них споткнулся, упал, и охранник прыгнул на него сапогами. Они начали пинать его, пока он не потерял сознание и не остался лежать там в луже крови. Потом его оттащили за руки. Как мы позже узнали, это было обычное развлечение охранников.

Они уже избивали моих друзей. Я слышал глухой град ударов, крики...

– Вставай, ты, пидор! – крикнул охранник и замахнулся... Я лежал на полу, и они избивали меня. Они избивали меня кусками кабеля. Каждый удар был как прикосновение раскалённого докрасна железа. Но вдруг я испытал самую страшную, самую свирепую боль в своей жизни. Это один из охранников прыгнул на мою сломанную, пульсирующую болью ногу».²³

В книге есть фотографии. Рядом с именами – краткие пояснения: «жертва биологических экспериментов; задохнулся в закрытом грузовике во время перевозки; убит при попытке к бегству; этому выстрелили в гениталии; заколот штыками; чуть не сошёл с ума от пыток; ранен девятью пулями, когда пытался помочь товарищу; руки изрублены мачете в тюрьме Ла Кабана». Имена есть у считанных жертв. Сколько погибло без следа?

Если о внутреннем терроре Кастро мы знаем недостаточно, то его акты международной агрессии и терроризма изучены (поневоле!) весьма основательно. По сути дела, он повёл кубинскую революцию путём, предложенным в своё время Троцким: в сторону разжигания мирового пожара. Едва успев захватить власть, кубинские коммунисты приступили к экспорту революции в другие страны, прежде всего – Латинской Америки. Че Гевара в горах Боливии, кубинские «батальоны доблести» в Гренаде и Панаме, засылка оружия и инструкторов-диверсантов в Эль-Сальвадор, Доминиканскую республику, Венесуэлу, Никарагуа, 40-тысячный экспедиционный корпус в Анголе – повсюду, где возникала политическая нестабильность, появлялись посланцы с «острова свободы». Большие надежды возлагались на Чили, где Кастро провёл целый месяц (1971), ведя переговоры с президентом-марксистом Сальватором Альенде.²⁴

Как отмечает автор лучшей биографии Кастро, Джорджи Энн Гейер, «по сути своей он был и остаётся разрушителем... Он лично ответственен за раздувание напряжённых ситуаций в долгие кровавые конфликты – без его вмешательства они утихли бы гораздо быстрее и не принесли бы таких страданий».²⁵ Тем не менее, половина мира – включая американскую культурную элиту – до сих пор видит в Кастро романтического героя, смело бросающего вызов чудовищу по имени «Американский империализм».

В Камбодже красные кхмеры захватили столицу страны Пном Пеня в апреле 1975 года. Массовый террор начался на следующий день. Всё население города, включая стариков, женщин и детей, было объявлено «врагами», ибо они в своё время не присоединились к наступающим на город коммунистам. Людей выгоняли из домов и бесконечными колоннами вели прочь из города в сельские районы, где у них не было ни убежища, ни еды, ни помощи. Многих убивали по дороге, душили пластиковыми мешочками, топили в каналах. Десятки и сотни тысяч умерли от голода и болезней. Такая же судьба постигла жителей многих других городов. По приблизительным оценкам, от массового террора в Камбодже погибло от одного до двух миллионов человек, то есть примерно 20% населения.

Сроки начала террора в Камбодже выглядят отличными от СССР и Китая – он начался слишком быстро. Но если мы будем отсчитывать не от победы красных кхмеров, а от падения конституционной монархии в 1953 году, то получим те же два десятилетия. Двадцать лет – это как раз тот срок, за который в стране вырастает поколение без традиций, без представлений о социальной иерархии, о долге перед предками и потомками, о ценности человеческой жизни. Они идут убивать бездумно, безоглядно, упоённо.

Конечно, географическое положение страны, характер лидера, международная ситуация могут повлиять на сроки и масштабы террора. Но всё же 20-й век выстраивает имеющиеся исторические примеры в слишком наглядную цепь и повторяет этот двадцатилетний интервал, отделяющий крушение старого порядка от начала массовых убийств:

Россия. Революция в 1917 году – Большой террор в 1937.

Германия. Революция в 1918 – начало открытых антисемитских погромов в 1938.

Китай. Конец империи в 1945 – Культурная революция в 1966.

Камбоджа – см. выше.

Мы не рассматриваем сейчас террор в таких странах, как Ливия под властью Каддафи, Ирак под властью Саддама Хуссейна, Иран под властью аятолл (список должен быть гораздо длиннее), просто потому, что информация о положении в этих государствах обрывочна и недостоверна. Но когда она станет доступной, можно ожидать, что перед нами откроются те же картины: там тоже будут убивать в первую очередь «высоковольтных».

В 1920-е годы Пастернак писал в поэме «Высокая болезнь»:

*А сзади, в зареве легенд,
Дурак, герой, интеллигент,
В огне декретов и реклам,
Горел во славу тёмной силы,
Что потихоньку по углам*

Его с усмешкой поносила...

*Мы были музыкой во льду.
Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.
Здесь места нет стыду.²⁶*

В этих строчках, по сути, даётся формула капитуляции высоковольтного. «Что ж, история выносит нам свой приговор. Мы оказались не нужны «тёмной силе» – давайте сойдём со сцены достойно».

В глазах русского интеллигента сражаться за сохранение иерархического порядка в обществе считалось просто аморальным. Это выглядело корыстной защитой собственных привилегий – ничем больше. Подобная гипертрофированная моральная чувствительность не давала ему увидеть, что и на нём лежит долг сдерживания зверя в человеческой душе. Что, «сходя со сцены», от открывает дорогу тёмной силе.

Если может человеческое сознание – китайца, немца, кубинца, камбоджийца, американца, русского – вынести хоть какой-то опыт, урок из истории вспышек массового террора в XX веке, то кратчайшая суть этого урока может быть сформулирована так:

Высоковольтные есть естественные и единственные стражи, охраняющие культуру и правопорядок в обществе; и там, где они будут вытеснены, уничтожены или, поддаваясь уравнительной догме, сами добровольно устроятся от дел – там весь народ неминуемо погрузится в пучину кровавого хаоса.

И здесь «есть место стыду». Тому стыду, которым мы окружаем дозорного, покинувшего свой пост.

II-4. СПОТЫКАЮЩИЙСЯ ИДОЛ ДЕМОКРАТИИ: АЗИЯ, АФРИКА, РОССИЯ

Христианство обещало людям искупление грехов, воскрешение из мёртвых и всеобщее равенство перед Богом.

Американская конституция провозглашает равенство людей в обладании неотъемлемыми правами – на жизнь, на свободу, на стремление к счастью.

Французская революция сделала своим лозунгом свободу, равенство, братство.

Нацизм объявил своей целью новый мировой порядок, подчинение низших рас высшим и равенство между членами высшей расы.

Коммунизм призывает к освобождению от оков собственности, воцарению всеобщего мира и равенству всех людей.

Как видим, крупнейшие движения, вовлекавшие миллионы людей, при всей несхожести их целей и лозунгов, слово «равенство» писали на своих знамёнах непременно.

Философ Розеншток-Хюсси, в свойственной ему парадоксальной манере, описывает, как формулировали лозунг равенства четыре великие европейские революции:

Русская (1917): каждый пролетарий – капиталист;

Французская (1789): каждый талант – аристократ;

Английская (1641): каждый джентльмен – король;

Немецкая (Лютер, 1517): каждый христианин – священник.¹

«Равенство», действительно, должно представляться нам неумирающей мечтой человека. Как же могло случиться, что достижение этой мечты обернулось таким кошмаром?

Эпидемии массового террора, прокатившиеся по коммунистическим странам в XX веке, в категориях уравнительного сознания остаются необъяснимыми. Из века в век уравнитель провозглашал главным источником вражды и зла «неравенство» – сословное, расовое, имущественное. И что же? Именно в странах, где все эти виды неравенства были уничтожены, где даже был отменён институт собственности, разгул вражды пронёсся, как средневековая чума. Нашествия безжалостного врага не уносили столько жизней, сколько унесло правление коммунистов, взявших на вооружение уравнительные догмы!

Но взваливать всю вину на коммунистическую идеологию – удобное упрощение. Ведь в огромной степени террор состоял в том, что одни коммунисты уничтожали других... Судьи, следователи и палачи, только что расправившиеся с очередным слоем «правых или левых уклонистов», «вредных элементов», «вражеских шпионов», через два-три месяца сами могли быть увезены ночью в «чёрных марусях» в подвалы НКВД или вытащены на освещённую сцену под железные прутья хунвейбинов.

Кроме того, массовый террор невозможно устроить без активного участия или хотя бы скрытого сочувствия народных масс. Там, где коммунизм был введён внешней силой – в Польше, Чехословакии, Венгрии, где он не имел народного сочувствия, – массовый террор не состоялся. То есть, значит, демона злобной зависти можно оседлать, им можно до какой-то степени управлять, но его нельзя создать искусственно. Он должен жить в сердцах людей. И имя демона, который вырывается наружу в моменты массового террора: вечно тлеющая враждебность «низковольтного» к «высоковольтному».

Что же удерживает этого демона, этого зверя в человеческой душе в периоды мирного существования государств?

Его удерживают три стража:

1. Религиозно-моральные верования.
2. Традиция, отлитая в свод законов.
3. Вооружённая сила.

Там, где эти три стража соединёнными усилиями держат демона в его тесном загоне, «высоковольтные» получают возможность руководить экономикой, политикой, культурой. И страна, как правило, начинает богатеть, обстраиваться, идти вперёд по извилистой и трудной тропе. Но там, где один или два, или все три стража ослабевают, единоклубная враждебность

«низковольтных» будет ставить «высоковольтным» неодолимые препоны. Они будут лишены доступа к руководящим постам, эти посты низковольтные будут распределять между собой, и страна начнёт хиреть, беднеть и скатываться назад.

В странах, которые сегодня принято называть свободными, демократическими, первые два стража, мораль и закон, так сильны, что нужда в третьем практически отпадает. Обычно вооружённая сила находится в полном подчинении у закона. Только в моменты серьёзных кризисов и уличных бунтов могут в Америке прибегнуть к третьему стражу, то есть вызвать для восстановления порядка национальную гвардию. Пользуясь надёжной защитой морали и закона, «высоковольтные» в этих странах имеют возможность продвигаться на руководящие посты и способствовать быстрому и устойчивому процветанию.

Десятилетия спокойного существования даже создали у них иллюзию, будто рыночная демократия «и есть естественная и наилучшая форма политического устройства» – и что она доступна каждому народу, на любой стадии развития. Что морали и закону вполне по силам удерживать зверя зависти в человеке. Что третий страж – вооружённая сила – не только не нужен, но будет служить лишь разжиганию гнева в людях (и гнева оправданного).

При такой системе представлений на демократию перестают смотреть как на результат долгих и доблестных усилий. На неё начинают смотреть просто как на удачное изобретение, которое можно безвозмездно подарить любому. И ожидают, что она будет распространяться по свету так же, как распространились другие изобретения: пароходы, самолёты, телефоны, электролампы, компьютеры...

Почти все страны Азии и Африки, освободившиеся после Второй Мировой Войны от колониальной зависимости, с самого начала получили демократическую форму правления со всеми её атрибутами: всеобщее право участия в политической жизни, избираемые народом местные и центральные власти, право собственности, свобода слова, свободные рыночные отношения. Колониальные войска были выведены отовсюду, ибо считалось, что «морали и традиций» окажется достаточно и будут созданы национальные вооружённые и полицейские силы, которые, – нет никаких сомнений! – станут во всём подчиняться гражданским властям.

Но удержалась демократия в одной только Индии. Да и в ней за 50 лет её существования не удалось покончить с кастовым неравенством, а межнациональные и религиозные раздоры унесли миллионы жизней. Все же остальные государства через год, два, три оказывались под властью единоличной диктатуры или военной хунты.

Диктаторы провозглашали своей целью построение социализма в одной стране. Бен Белла в Алжире, Насер в Египте, Асад в Сирии, Садам Хуссейн в Ираке, Секу Туре в Гвинее, Кваме Нкрума в Гане, Сукарно в Индонезии, Бургиба в Тунисе – все приступали к национализации предприятий, к регулированию рыночных отношений, и – немедленно – к коллективизации сельского хозяйства. И когда они один за другим стали втягиваться в военные агрессии друг против друга, их реальная суть начала выплывать из-под румяной социалистической маски.

Печален и страшен путь стран, подвергшихся демократическим экспериментам. Алжир, Ангола, Бирма, Ботсвана, Заир, Зимбабве, Кения, Ливия, Мозамбик, Нигерия, Пакистан, Руанда, Сомали, Судан, Тунис, Уганда, Цейлон... Всюду военные перевороты, диктаторы, гражданские войны, террор и межплеменная резня...

Однако все эти трагические примеры не смогут поколебать убеждённого уравнилителя. Он по-прежнему остаётся уверен в непогрешимости своих политических пристрастий. Ведь учил же его величайший проповедник равенства – Жан Жак Руссо, – что с историческими фактами считаться не следует – он и не считается. «Демократия – лучший вид правления, а если что-то не срабатывает, значит, её неправильно применяли. Или с ней слишком долго тянули. Или ей противодействовали закулисные реакционные силы. Или жадный Запад опять поспешил и не отпустил достаточное количество миллиардов на её поддержку. Вот ужо окажется лицом к лицу с новым вооружённым до зубов диктатором – тогда пожалеет».

Демократическое управление обществом предлагается и навязывается даже народам, не знающим колеса. В своё время в телевизионных новостях показали, как проходили всеобщие выборы в Намибии. Женщины разных племён шли два, три, четыре дня через пустыню. Одни

были одеты в длинные цветастые платья, другие – полуголые, с множеством металлических украшений на шее, руках, ногах. В конце пути все входили в большое городское здание, где у них брали отпечатки пальцев и учили держать карандаш, чтобы они могли поставить крестик в нужной графе бюллетеня. Руководили всем солдаты в голубых касках ООН – жрецы нового культа, которым «избирательницы» время от времени пытались кланяться. «Алтарь», правда, был неказист – простой деревянный ящик. Демократия в Намибии продержалась недолго.

Можно, конечно, привести и ободряющие примеры успешного установления демократии на месте авторитарных режимов: Западная Германия, Италия, Япония. Но этот успех оказался возможным главным образом потому, что монархические режимы, правившие в этих странах до Первой мировой войны, охраняли права «высоковольтного» меньшинства и давали ему возможность удерживать командные позиции. Под их охраной и присмотром высоковольтные смогли выработать и укрепить демократические институты.

Вооружённая сила не обязательно должна быть внешней. В Испании, например, поспешно введённая в 1930-е годы система демократических институтов немедленно отдала страну в руки анархистов. А жёсткий режим Франко, установленный там после кровавой гражданской войны, дал обществу те два-три десятилетия, которые были ему необходимы для созревания и укоренения двух других стражей – морали и закона. Такую же роль сыграл режим Пиночета в Чили, которая к концу XX века сделалась самой устойчивой и процветающей демократией в Латинской Америке.

Ярким и поучительным примером испытания демократических институтов можно считать распад Советского Союза в 1990-е годы. Суть произошедшей там бескровной революции, революции, которой не ждали ни западные аналитики, ни сами подданные советской империи, может проясниться для нас, если мы взглянем на события в свете вечного противоборства между «высоковольтными» и «низковольтными».

Когда партократия после смерти Сталина отказалась применять массовый террор (ибо каждый знал, как быстро этот огонь способен перекинуться и на его дом), в стране создалась ситуация относительной стабильности. В такой ситуации новые поколения высоковольтных стали просачиваться в верхние эшелоны управления обществом – с такой же неизбежностью, с какой водка поднимается над томатным соком, если вы дадите коктейлю отстояться.

Горбачёв, Ельцин, Шеварнадзе, Руцкой, Громов, их семьи, их друзья и сотрудники были людьми, поднявшимися наверх в силу своих заслуг и способностей – не так, как поднимались Хрущёв, Жданов, Громыко, Вышинский, «по милости владыки». Для этого нового поколения уравнилельно-авторитарный строй был тягостен просто потому, что он всегда тягостен для высоковольтных состязателей. Недаром Мао говорил о том, что «маленьких дьяволов нужно выпускать каждые семь-восемь лет», то есть уничтожать всплывающих наверх, «убивать их снова и снова». И так называемая «перестройка» была затеяна людьми, воображавшими, что можно будет получить все блага состязательно-рыночной организации общества, не утратив в нём своих позиций.

Процесс очень быстро стал вырываться из-под их контроля. Демократия удержалась в Прибалтике, буксует и срывается в Белоруссии и на Украине, привела к войнам и диктатурам на Кавказе и в Средней Азии. Все республики под властью Москвы находились в одинаковых условиях – как могли получиться столь различные результаты? Но из системы управления был изъят один из трёх стражей – вооружённая сила. И оказалось, что у эстонцев, литовцев, латышей уважение к закону и морали достаточно сильно, а у других – нет. Там возник вакуум власти, который мгновенно стал заполняться теми, у кого был доступ к арсеналам бывшей Красной Армии и кто с удовольствием пускал в дело оружие всех сортов и калибров.

И в самой России на сегодняшний день демократические институты живут бок о бок с силовыми мафиозными структурами, которые держат под своим контролем огромную часть национальной экономики. Если раньше распорядитель целиком был подчинён партийному чиновнику, то сегодня он изворачивается между вооружённым рэкетиrom и налоговым инспектором. И неизвестно, кто из этих двоих для него страшнее. Ведь над ним в народном сознании висит клеймо «эксплуататор», а значит грабить его разрешено и сверху, и снизу –

никто не заступится. Во всяком случае, свободным предпринимателем он чувствовать себя не будет и вряд ли станет защищать с искренней страстью российскую «свободу».

Культ демократии в России достаточно силён в образованном слое. Но здесь он окрашен давно укоренившимся высокомерием. Обсуждать сложность и трудность демократического управления обществом здесь не принято: уровень политической зрелости народа русский интеллигент мысленно подменяет уровнем литературной и художественной образованности. «Уж если я всего Пушкина, Толстого, Достоевского прочёл, неужели я не справлюсь там, где америкашка справился, который и собственного Джека Лондона порой не читал? Быть того не может!».

Поколебать это высокомерие крайне трудно. Бесплезно указывать, например, на тот факт, что римляне, создавшие лучшие образцы устойчивой демократии, в первые века республики вообще не интересовались искусством. И американцы XVIII века не дали миру ни великих писателей, ни великих художников, а только Декларацию независимости. Самая долговечная демократия – Швейцарская – тоже не блещет художественными достижениями. Политическая зрелость нации – нечто другое, и многие народы имеют о ней понятие весьма слабое.

Сегодняшний русский интеллигент видит последние 80 лет собственной истории таким образом: долго боролись культурные люди с царским гнётом и, наконец, дождались в феврале 1917-го года светлого праздника демократии. Всё у нас стало не хуже, чем у других народов: конституция, свобода, выборы в Учредительное собрание. И почти их удалось провести, но пришли злые Большевики во главе с гениальным злодеем Лениным (эх, арестовать бы его вовремя, и не было бы у нас коммунизма!) и разогнали первый настоящий русский парламент.

Но позвольте задать вопрос: а кто получил большинство мест в этом свободно избранном парламенте? 41% мест в Учредительном собрании получили социалисты-революционеры, то есть эсеры. В союзе с другими социалистическими партиями поменьше всего социалисты получили 59.6% мест², и легко могли сформировать правительство большинства. Одним из главных пунктов их аграрной программы было обобществление земли, и именно эта партия применяла террор в течение двадцати лет своей борьбы против монархии, на её совести сотни жертв, в том числе множество невинных людей, случайно попавших под пули и бомбы. Левое крыло партии эсеров было вообще так близко по своему направлению к большевикам, что им удалось договориться и в течение первой половины 1918-го года править страной совместно.

Пусть сегодняшний поклонник демократии поставит себя на место культурного русского человека в 1917 году. Понравилось бы ему такое большинство в парламенте? Захотел бы он защищать его с оружием в руках от злых большевиков? Да и смог бы он разглядеть тогда, что большевики ещё страшнее?

Гражданская война в России не была классовой войной. По обе стороны фронта можно было найти представителей всех классов. Она была, по сути, войной между двумя видениями мира, двумя мировоззрениями, двумя принципами политического мышления: уравнительным и состязательным.

Огромное число состязателей, проигравших эту войну, было перебито, изгнано, казнено. Но война против них в 1921 году ещё только начиналась. Преследования «нэпманов», то есть распорядителей-собственников, в 1927-29 годы находили поддержку не только у простого народа, но и у высоковольтных уравнителей, остававшихся в России. С таким же сочувствием отнеслись они к «раскулачиванию» в 1929-1933 годы, которое тоже было ничем иным как подавлением состязательного принципа в сфере сельского хозяйства. И лишь тогда, когда низковольтный инстинкт добрался до них самих во время Большого террора, они начали сомневаться в правильности своих теорий.

В течение семидесяти лет правления большевиков состязательный принцип выжигался так свирепо, что уцелеть был шанс только у высоковольтных с ярко выраженным уравнительным складом мышления. Да и их ряды кровавая метла выкашивала многократно и неустанно. Как же можно было ожидать, что рыночная демократия найдёт почву в России

1990-х? Как можно было обещать людям проведение реформ за 500 дней? Как можно было пытаться изменить одновременно и политическую, и социальную, и экономическую структуру общества? Не равносильно ли это, – как говорил Авраам Линкольн, – попытке заменить колёса кареты и лошадей посреди бурной реки?

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что российские сторонники рынка насчитывают в своих рядах так много высоковольтных уравнителей. Ведь традиционно уравнитель ратовал за социализм, а не за рынок, и верил, что всю жизнь общества можно спланировать.

Традиционный уравнитель хотел нас уверить, что социалистический рай будет хорош для всех людей. Сегодняшний российский уравнитель, наглотавшись социалистического киселя, спешит уверить нас, что возврат к рыночно-состязательной системе принесёт облегчение и процветание опять же всем членам общества.

Болезненным шоком для них были результаты выборов 1993 года. Но чего же ещё можно было ожидать от избирателей, брошенных в хозяйственный хаос, от людей, которые месяцами не получают зарплату и не знают, что принесёт им завтрашний день? Они будут голосовать за тех, кто обещает им надёжность и порядок, а не за ту команду, к которой давно уже в просторечии прилипло прозвище «дерьмократы».

Противоречие здесь кажущееся. И трезвый мыслитель, признающий огромную разницу между «высоковольтными» и «низковольтными», мог бы обобщить опыт XX века в простую формулу:

Рыночная демократия, дающая возможность людям свободно состязаться во всех сферах жизни, *хороша в первую очередь для высоковольтных*. Низковольтное большинство готово смириться с ней там и тогда, где прагматизм его способен оценить наступившее процветание, а религиозно-нравственное чувство внятно говорит ему, что «уступить первенство лучшему – дело достойное».

Авторитарно-плановая структура тягостна для высоковольтного, но низковольтному она несёт блага, которых высоковольтный ни понять, ни оценить не может. Она освобождает его от чувства безнадежности и позволяет любому простолюдину мечтать, что и он сможет вознестись вслед за косноязычным Сталиным, полуграмотным Хрущёвым, безродным Мао на высокие ступени общественной иерархии.

Поэтому обе системы устройства общества будут и дальше существовать бок о бок, как существуют в природе скелетные и панцирные животные. Но если рыбам, зайцам, птицам не грозит опасность превратиться в крабов, черепах, жуков, то человеческие сообщества такой гарантии не имеют. Они и дальше будут менять формы своего политического существования, как это уже происходило много раз на протяжении пяти последних тысячелетий.

И здесь невозможно удержаться от соблазна и не попытаться использовать всё вышесказанное для, – не будем называть это пророчеством, – научного прогнозирования ближайших десятилетий мировой истории.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТУМАН ГРЯДУЩЕГО

III-1. НОВЫЙ НОСТРАДАМУС: «Закат Америки в 21-ом веке»

У меня есть некоторый опыт социально-исторического прогнозирования. В своей книге «Без буржуев» (В Самиздате – «Бедность народов») я писал в 1978 году:

«Если бы республикам Советского Союза было предоставлено право на самоопределение, очень скоро в Средней Азии, на Кавказе, на Карпатах, на Украине запылали бы пожары самых кровавых и беспощадных войн. Что же касается внутренней политики, то, может быть, только прибалтийские народы сумели бы установить у себя демократию. Остальные бы вскоре оказались под властью таких свирепых диктатур, что нынешнее правление Москвы начало бы им казаться ушедшим раем законности и правопорядка».¹

Так как мой прогноз оправдался, читатель имеет все основания с любопытством отнестись к моим представлениям о том, как будет развиваться самая могущественная сегодня страна, – Америка, – в ближайшие десятилетия.

Что бы ответил на экзамене студент исторического факультета, если бы ему попался в билете такой вопрос:

«О каком государстве и в какой исторический момент идёт речь в нижеследующем отрывке:

...Форма политического правления – республика; каждый полноправный гражданин участвует в выборах местных и центральных властей.

Международное положение – доминирующее; в мире нет военной силы, которая могла бы тягаться с данной страной.

Главные черты исторического развития за предшествующие 200 лет – безостановочное расширение границ и возрастание численности населения.

Этнический состав – конгломерат многих национальностей при господстве одного официального языка.

Состояние экономики – уверенный рост общенационального богатства на основе развитых рыночных отношений...»

Конечно, студент только усмехнётся лёгкости вопроса и уверенно напишет ответ: «Соединённые Штаты Америки, конец XX века».

Но если бы этот студент хорошо знал историю Древнего мира и написал бы: «Римская республика в конце 2-го века до Р.Х.», – его профессора тоже должны были бы поставить ему за ответ пятёрку.

Ибо сходство историко-политических ситуаций здесь поразительное.

Нет, мы не поддадимся соблазну игры в прямые исторические параллели и аналогии.

Мы не станем уподоблять победы Рима над Карфагеном и Коринфом в середине 2-го века до Р.Х. победам Америки над Германией и Японией в середине XX века.

А затяжные войны Рима в Северной Африке 20 лет спустя – войне во Вьетнаме.

А убийство братьев Гракхов (133 и 121 гг. до Р.Х.) – убийству братьев Кеннеди (1963 и 1968).

А ослабление угрозы со стороны галльских и германских племён, ознаменованное разгромом кимвров и тевтонов в 102 году до Р.Х., – развалу коммунистического блока в 1990-1991 годы.

А противоборство Рима с Митридатом VI в Малой Азии (80-60-е годы до Р.Х.) – противоборству Америки с Саддамом Хуссейном на Ближнем Востоке.

Мы попытаемся остаться в рамках социального анализа, включив в него, однако, те исторические феномены, которые были исследованы в данной книге: борьбу состязательного и уравнивательного принципов мышления и, – идущую параллельно, – вечную борьбу между «высоковольтными» и «низковольтными». Тогда похожесть историко-политической ситуации там и тут высветится ещё нагляднее.

Главное сходство: и там, и здесь республика, изначально созданная высоковольтными на сугубо состязательных принципах, за два века существования достигает такой экономической и военной мощи, что в неё, – в результате иммиграции и торгово-промышленного обмена, – со всех сторон вливаются миллионы и миллионы низковольтных. Перерождение этнического и генетического состава населения оказывает мощное давление на политическую ситуацию в стране и открывает двери проникновению уравнилельного принципа во все стороны жизни.

«Как можно сравнивать рабовладельческий Рим с Америкой, где равенство граждан возведено в культ?» – возразят нам.

Дело в том, что в индустриальную эпоху нет нужды ввозить в страну дешёвую рабочую силу. Китайский, бразильский, доминиканский, индийский рабочий, который трудится за несколько центов в час, изготавливая для американцев рубашки, башмаки, зонтики, простыни, коврики, создаёт такую же конкуренцию американскому труженику, какую в Древнем Риме создавали римским крестьянам – свободным гражданам – ввозимые рабы. Да и миллионные армии сезонных рабочих, пересекающих каждое лето легально и нелегально мексиканско-американскую границу, добавляют свою долю.

Рабский труд стал активно применяться в Риме лишь в начале 2-го века до Р.Х. – и очень скоро города стали заполняться разорившейся беднотой, для которой пришлось учредить бесплатные раздачи муки, масла, бекона. Точно так же и в Америке массовый ввоз дешёвых товаров из Азии и Южной Америки, начинается только с середины века, но именно это приводит к необходимости создания системы «взаимопомощи» и пособий по безработице.

В управлении экономикой страны свободный рынок за последние 80 лет должен был сильно потесниться, давая место силовым командным структурам. Мафия сумела взять под свой контроль не только незаконный бизнес – наркотики, проституцию, подпольные игорные дома, – но и вполне законные профсоюзы шофёров, мусорщиков, текстильных рабочих, портовых грузчиков и др. Точно так же и в Риме конца 2-го века до Р.Х. огромные участки земли были захвачены могучими семейными кланами в нарушение традиционного права. Братья Гракхи пытались вернуть эту землю римским гражданам – и заплатили за это жизнью. Точно так же и братья Кеннеди попытались начать наступление на силовые мафиозные кланы (вспомнить только атаки Роберта Кеннеди на Карлоса Марселло и Джимми Хоффа) – и были убиты.

Вытеснение состязательного принципа из американской экономической жизни идёт на многих фронтах. Например, все фирмы и корпорации, выполняющие государственные заказы, имеют дело не с собственником, который должен считать каждый доллар, а с чиновником, которому казённых денег совершенно не жаль. В этой сфере реальное противоборство между производителями подменяется закулисной борьбой по оттеснению конкурентов. В результате возникают скандальные парадоксы, когда поставщик бомбардировщиков может вставлять в смету стоимость пластмассового сиденья для самолётного туалета 600 долларов, а стоимость огнетушителя – все 800.

Казалось бы, монополии в Америке запрещены и существует обширное законодательство против образования трестов. Однако на деле чуть не каждый месяц мы слышим сообщения о новых и новых слияниях индустриальных и финансовых гигантов. Разрешения на эти слияния выдаются всё легче.

Автомобильные концерны «Крайслер», «Форд» и «Дженерал Моторс» конкурируют между собой и с иностранными производителями. Но профсоюз рабочих автомобильной промышленности – только один. И он может диктовать нанимателям условия, какие не снились рабочим других отраслей. Профсоюз пилотов угрозами забастовок добился от авиакомпаний зарплат, приближающихся (вместе с дополнительными льготами) к двумстам тысячам долларов в год.

Получить работу, иметь работу всегда было для американца предметом гордости, служило основой его самоуважения. Но в конце XX века многолетние усилия уравнилелей увенчались успехом, и им сегодня дана возможность разрушить «неравенство» между имеющим работу и безработным. Называется это «реформа велфера». Хочешь получить пособие? Иди работай, а

то лишим средств к существованию. По сути дела создаётся система принудительного труда. Реальной конкуренции бывший получатель пособия американскому рабочему не составит – слишком низка его квалификация. Но моральный ущерб будет огромен. Будут искусственно созданы миллионы рабочих мест, на которых «новые работники» станут отбывать рабочие часы – точно так же, как это происходило в странах Советского Блока: «они делают вид, что платят – мы делаем вид, что работаем». В экономическую жизнь страны вливаются миллионы людей, которые смотрят на труд как на проклятье, и они заражают своим мироощущением миллионы других.

Всё же автомобильная промышленность, авиационные линии, торговый и пассажирский флот вынуждены конкурировать с иностранными фирмами – и это сдерживает аппетиты профсоюзов. Но в американской экономике были и есть отрасли, ограждённые законом от иностранной конкуренции. Таковы, в первую очередь, медицина, фармакология, юридические услуги, в значительной степени – банковское дело. И именно в этих отраслях происходит астрономический рост цен.

Госпиталь может предъявить пациенту счёт на 15 тысяч долларов за три дня в палате на двоих – и сюда не входят счета хирурга и анестезиолога за операцию: они потребуют ещё около пяти тысяч.

Стоимость многих лекарств доведена до уровня, недоступного среднему человеку без медицинской страховки. И почти все они могут быть получены только по рецепту врача, то есть при условии обязательного дорогостоящего визита к специалисту.

Счета адвокатов могут довести до грани разорения даже американского президента.

Банки настолько уверенно держат в своих руках работающего американца (он вынужден сначала выплатить почти весь процент по займам на покупку дома и автомобиля, а уж только потом может начать выплачивать основной долг), что даже не утруждают себя открывать ему двери в часы, когда он заканчивает работу, – все банки закрываются в 3 часа дня.

И всё же грабительские успехи этих четырёх монополий меркнут рядом с тем, чего удалось добиться страховому бизнесу.

Свободный рынок, по определению, есть место, где свободный продавец встречается со свободным покупателем. Каждый из них волен купить или не купить, продать или не продать товар или услугу за оговариваемую цену. Состязательный ум строго следит за сохранением этой свободы и громко протестует, когда её ущемляют. Если человеку или предприятию мешают свободно торговать продуктом своего труда, это вызывает в Америке единодушное осуждение.

Ну, а что получится, если мы запретим человеку не покупать?

– Как это? – спросит американец с недоумением. – Как можно запретить мне не покупать? Такого не бывает. Покупая, я всегда остаюсь свободен.

Используя эту наивность, прикрываясь словом «покупать», уравнилительный принцип сумел просочиться в американскую экономику с тыла. Зная, что слово «социализм» в США крайне непопулярно, уравнилители проводили свои реформы под «рыночной» личиной. И они нашли для этого великолепный инструмент: страховой бизнес. За последние три десятилетия он превратился в гигантского Троянского коня, внутри которого уравнилительный социализм проник на свободный рынок и теперь пожирает Американскую экономику изнутри.

Всё это началось примерно 30 лет назад, в правление президента Линдона Джонсона, обещавшего построить так называемое «Великое общество» («Great Society»). В 1965 году была, наконец, осуществлена давнишняя мечта демократов – подписан закон об учреждении Программ медицинской помощи престарелым, увечным и обездоленным, Medicare и Medicaid. Казалось бы, что можно было возразить против этого гуманного и благородного акта? Обращаясь к бывшему президенту, Гарри Трумэну, который пытался провести в жизнь этот закон ещё в 1948 году, Джонсон сказал: «Может быть, только вы, президент Трумэн, можете понять, как счастлив и благодарен я за сегодняшний день».²

Когда государство принимает на себя какую-то важную общественную функцию, изымая её из действия рыночной структуры, эта мера считается шагом в сторону социализма – и

американские законодатели знают, что социализм опасен, неэффективен и непопулярен в Америке. Чтобы сгладить неприятный социалистический оттенок нового закона, решено было соединить его с эффективным рынком. «Нет, мы не будем создавать государственную сеть больниц и клиник для бедных и престарелых. Мы создадим гигантское страховое общество, которое будет получать деньги за счёт налогообложения и оплачивать медицинские счета больниц и врачей, берущих на себя лечение неимущих».

Вводимые законы не казались поначалу опасными даже сторонникам состязательного принципа. «На рынке останется множество страховых компаний, они будут конкурировать между собой, и это удержит цены на нормальном уровне». В 1960-е годы стоимость медицинской страховки была относительно невелика, поэтому общенациональный налог на покупку этого вида услуг не выглядел пугающим.

Но, как и следовало ожидать, этот рыночно-социалистический гибрид начал превращаться в ненасытного дракона уже с первых дней своего существования. За пять лет (1966-1971) цены на медицинское обслуживание возросли на 40% и на пребывание в госпитале – на 70%.³ До 1965 года Федеральное правительство тратило на медицинское обслуживание 4.8% бюджета или 5.2 миллиарда долларов, в 1969 – уже вдвое больше.⁴ Всего за четверть века, с 1950 по 1977 год, государственные расходы на медицинское обслуживание возросли с 12 миллиардов до 160.5 миллиардов долларов в год.

Однако учреждение государственных Программ медицинской помощи было только началом. Всё же оно требовало введения дополнительного налога, что вызывает естественное сопротивление и недовольство. Лисий социалистический ум продолжал искать новых возможностей в рыночном курятнике. Вот, например: как лечить людей, не достигших ещё 65 лет, продолжающих работать, но не имеющих денег на дорогое лечение? Опять вводить дополнительный налог? Но избиратель может взбунтоваться... А почему бы не обязать предпринимателей покупать медицинскую страховку для своих работников на свободном рынке? Предпринимателей никто жалеть не будет. А то, что они вынуждены будут из-за этого поднять цены на свои товары, мало кто заметит.

Дальше – больше. Тысячи людей попадают каждый год в автомобильные аварии, их привозят в больницы с травмами и ранениями. И среди этих пациентов непременно будут те, у кого нет медицинской страховки. Кто оплатит их лечение? Государство? Штат? Опять новые налоги? Ни в коем случае: мы выпустим закон, обязывающий каждого автомобилиста заранее покупать страховку на лечение тех несчастных, которых он *когда-нибудь может сбить* своим автомобилем.

И самих врачей мы заставим покупать страховку против иска за их неправильное лечение.

И владельцев маленьких бизнесов обяжем иметь страховки от тех несчастных случаев, которые могут случиться с их клиентами. Поскользнётся старушка в супермаркете, сломает бедро – а всё уже оплачено. Другая облила себя горячим кофе в ресторанчике, и добрые присяжные присудили ресторанную корпорацию выплатить ей сколько-то миллионов – от этого тоже нужна теперь страховка.

За последние десятилетия тысячи мелких бизнесов вынуждены были закрыться, ибо не имели никакой возможности платить неуправляемо растущие страховые премии. А там, где закрываются мелкие бизнесы, конкуренция ослабевает и крупные могут гораздо быстрее повышать свои цены.

Знаменитый защитник американского потребителя, Ральф Надер, в своей книге «Как победить в страховой игре» приводит следующие цифры: в 1990 году американцы заплатили страховым компаниям 406 миллиардов долларов, это вдвое больше, чем в 1981 году.⁶ Средняя американская семья платит ежегодно около 3000 долларов страховки непосредственно и около 4500 долларов в скрытом виде – переплачивая за товары и услуги тех фирм, которые вынуждены покупать различные виды страховок. Это составляет около 12% всех семейных расходов и для многих семей превышает подоходный налог.⁷

Название книги Надера таит в себе самообман: победить в страховой игре невозможно. Рядовые американцы выданы страховым гигантам с руками и ногами, с головой и потрохами.

Страховой бизнес – как раз тот сектор американского рынка, который никак не может быть назван «свободным». Если добросердечные законодатели заставляют людей покупать какой-то товар, их свобода уничтожена, и цены неизбежно и неудержимо будут лететь только вверх.

Конкуренция действует всюду, но только не в сфере страхового бизнеса. От иностранной конкуренции он защищён законами, запрещающими иностранным страховым компаниям оперировать в Америке. От внутренней конкуренции страховые компании защищены законом, запрещающим другим финансовым организациям (например, банкам) продавать какие бы то ни было виды страховки.⁸ И самое главное: страховой бизнес изъят из-под действия антитрестового законодательства.⁹ По идее, расценки должны регулироваться государственным учреждением, которое называется Insurance Services Office и штатными комиссиями. Но как можно вкручивать мозги государственному чиновнику, помнит любой советский экономист, выбивавший в своём министерстве нужные цифры плана, «расценки» и прочие «показатели».

Эндрю Тобиас в своей книге «Невидимые банкиры» приводит данные о манипулировании финансовой отчётностью, которое далеко превосходит советские трюки. Например, страховая компания «Сэйнт-Поль» доложила, что в 1975 году она потеряла деньги на страховке от исков за неправильное лечение – но когда исследователи проверили цифры, выяснилось, что компания за этот период собрала с врачей 52 миллиона, а выплатила компенсаций только на 6 миллионов долларов. Та же компания за годы 1975-78 собрала с застрахованных клиентов 415 миллионов долларов, а выплатила компенсаций на 78 миллионов.¹⁰ Ещё 87 миллионов пошло на административные расходы. Но оставшиеся 250 миллионов не будут фигурировать как доход компании. Они будут названы «расходы на расширение фонда надёжности». О том, сколько было получено денег от вклада этих миллионов в различные ценные бумаги, никто не знает.

Директор Страховой комиссии штата Флорида заявил в своей речи, что «регулирование страховых компаний во Флориде – это иллюзия. У нас нет возможности выяснить размеры доходов страхового бизнеса».¹¹

«Директора страховых компаний отвечают только самим себе. Они стремятся наращивать бизнес, не уменьшать его. Можно было бы ожидать сдерживающего воздействия со стороны рынка... Но стоимость страховки оценивать крайне трудно и потребитель не может отличить одну компанию от другой».¹²

Там, где у потребителя нет выбора «купить или не купить», рынок кончается. Страховой бизнес превратился в скрытую форму налогообложения. Но если обычное налогообложение избиратель может регулировать, оказывая давление на законодателей, то скрытое страховое налогообложение он регулировать не может. И оно растёт неудержимо каждый год.

Угроза усугубляется тем, что такое положение оказывается выгодным и политическим, и экономическим лидерам страны. Страховые компании в большинстве своём принадлежат различным финансовым гигантам, являясь наиболее доходными звеньями в их структурах. Штатные комиссии, которым надлежит регулировать страховой бизнес, сплошь и рядом состоят из людей, владеющих акциями страховых компаний.¹³

Политики получают возможность уходить от реального решения тех или иных социально-экономических проблем, подсовывая страховой бизнес как якобы выход из положения.

Например, сенатор Кеннеди, в союзе с американской ассоциацией врачей, уже много лет пытался провести закон, по которому предпринимателей обязали бы покупать медицинскую страховку для своих работников. А президент Клинтон наложил вето на законопроект, устанавливающий потолок для размера исков против врачей за неправильное лечение, что немедленно подняло размеры страховки для врачей ещё выше.

Страховой бизнес в Америке приобрёл главное свойство социалистического предприятия: полную свободу от требований рынка. Но при этом, он не утратил главное свойство предприятия рыночного: стремления получать максимальный доход.

Америка – единственная страна индустриального мира (не считая Южной Африки), где не существует общенациональной системы здравоохранения. Когда снова и снова вспыхивают

жаркие дебаты по этому вопросу, противники кардинальных реформ вспоминают социализм. Но они не замечают, что американская медицина давно живёт при социализме, построив себе уютную раковину посреди рыночной экономики. Одна створка этой раковины – страховой бизнес, вырвавшийся из трудной рыночной борьбы в спокойную гавань социалистической монополии. Другая створка – система «Медикера» и «Медикейда», которая без споров оплачивает счета врачей и больниц социалистическими, – то есть взятыми у людей, – деньгами. А денег чиновникам, выписывающим чеки, не жалко.

В страховом бизнесе занято около двух миллионов человек. Так что вдобавок к дорогому медицинскому обслуживанию американский налогоплательщик ещё и содержит на высоких окладах два миллиона человек, не производящих никакой полезной работы.

Чем грозит стране этот неукротимый рост цен на страховку? Можно ли хоть что-нибудь сделать, чтобы остановить его? Знаем ли мы в истории другие примеры подобного искажения рыночной деятельности?

Последний вопрос парадоксальным образом возвращает нас к сравнению сегодняшней Америки с Древним Римом. Там политико-экономическая ситуация привела к возникновению диковинной, дотоле невиданной фигуры: откупщик.

Сбор налогов в Древнем Риме был делом нелёгким. Чиновники присваивали себе немалую часть собираемого, народ уклонялся от уплаты как только мог, а если становилось невмоготу, начинал бунтовать. Передача сбора налогов в руки частного лица, с одной стороны, обещала большую эффективность, а с другой – переносила гнев населения с правителя на откупщика. Он уплачивал в государственную казну требуемую сумму, и государство отдавало ему право собирать с подданных тот или иной налог. И уж он собирал на совесть! Ибо собирал теперь в собственный карман. Защиты от него не было и жаловаться на него никто не мог. Он покупал у верховной власти право на сбор налога и пользовался её доверием и покровительством.

Примерно такую же роль выполняет страховой бизнес в сегодняшней Америке. Ибо все формы обязательного страхования – это скрытое налогообложение, которое политики не смогли бы провести законодательным путём, так как избиратель немедленно взбунтовался бы. Но когда налогообложение оформлено в виде покупки страхового полиса, это выглядит так, как будто происходит обычная купля-продажа на свободном рынке.

К чему это ведёт, увидеть нетрудно. Замечено, что по уровню сбережений на человека Америка скатывается всё дальше и дальше вниз. Тридцать лет назад американец, имевший работу, мог содержать семью в приличном достатке. Сегодня и двое работающих должны напряжённо трудиться, чтобы сводить концы с концами. В 1998 году американцы впервые потратили больше, чем заработали: то есть не сделали никаких сбережений, а залезли в долги.

Первый удар налогов, вводимых по каналам принудительного страхования, приняли самые трудолюбивые и самые законопослушные граждане. Они и дальше будут стараться изо всех сил честно оплачивать страховые полисы и медицинские счета. И вроде как наиболее здоровые и предприимчивые содержат менее здоровых и менее предприимчивых – что здесь не так? Но в конечном итоге, рано или поздно, «взаимопомощь» прекратится. Они просто не выдержат. И последствия этого процесса предсказать невозможно.

Нет, мы не будем отыскивать в грядущих десятилетиях американской истории нового Суллу, проскрипции, восстание Спартака, Катилину, Юлия Цезаря, Калигулу, Нерона. Но достаточно и того, что победы уравнилельных идей ослабляют влияние «высоковольтных» на жизнь общества – зато близорукость «низковольтных» начинает менять всю политическую и общественную деятельность.

Что же до великих исторических катастроф, то они, как правило, происходят внезапно.

Весной 1914-го года европейцы не предчувствовали, что этот год принесёт начало войны, которая разрушит весь старый порядок и унесёт миллионы жизней.

И подданные Российской империи, встречая новый 1917-ый год, и подумать не могли, что следующий Новый год они будут встречать под властью большевиков.

И американские биржевые спекулянты летом 1929-го года не поверили бы, если бы им сказали, что в ноябре-декабре кое-кто из них пустит себе пулю в лоб или выбросится из окна.

Скорее всего и надвигающийся кризис начнётся с биржевой катастрофы. Правительство и население Соединённых Штатов так перегружены долгами, что рано или поздно тяжесть этих долгов прорвёт плотину Федерального резерва и других предохранительных финансовых сооружений, и рынок в том виде, как мы его знаем, прекратит существование.

Следующим неизбежным этапом будет вручение диктаторских полномочий правящему президенту или какому-нибудь популярному генералу. И угроза перерождения Американской республики в Американскую империю – близка, реальна, исторически логична.

Мировая история не знает примеров, когда бы демократическое правление удержалось дольше трёх веков. Единственное исключение – Швейцария. Но Швейцария потому и стала исключением, что с самого начала отказалась от внешнего расширения и строго ограничила иммиграцию чужеродных элементов. Все остальные знаменитые республики – Афины, Рим, Флоренция, Генуя, Венеция, Псков, Новгород – просуществовали не более 250 лет, после чего либо перерождались, либо утрачивали силу и подчинялись завоевателям.

Неизбежность этого процесса связана с тем, о чём уже было сказано выше: демократия нужна в первую очередь «высоковольтным». Когда же состав населения в стране меняется, когда притекающие извне массы изменяют процентное соотношение «высоковольтных» и «низковольтных», последние начинают использовать своё право голоса для того, чтобы любыми способами ограничивать, подавлять, унижать, и наконец – физически уничтожать «высоковольтных». И те оказываются перед выбором: спасти демократию или спасти себя, то есть искать защиты у сильной авторитарной власти.

Америка окажется перед необходимостью этого выбора не позже 2020 года.¹⁴

И тот факт, что на сегодняшний день так много «высоковольтных» в Америке страстно привязаны к уравнительным идеям, говорит лишь об одном: они скорее выберут собственную гибель, но не расстанутся с верой в универсальную благотворность своих идей – всегда, везде и навеки.

III-2. НОВЫЙ ЗАРАТУСТРА: «Высоковольтные всех стран – образумьтесь!»

Дочитав до конца мрачные пророчества предыдущей главы, читатель-оптимист может воскликнуть:

– Ну и что мы должны сделать, чтобы все эти предсказания не сбылись?!

Внутреннее чувство говорит ему, что в каждом человеке живёт неугасимая искра свободы. А коли так – всегда есть надежда на разрушение любой исторической предопределённости, на опровержение самых обоснованных прогнозов...

Оставим однозначные пророчества естествоиспытателям. «Гелий поднимет дирижабль в воздух. Призма разложит белый свет на семь цветов радуги. Ракета вырвется из атмосферы, как только достигнет нужной скорости. Предметы тяжелее воздуха не могут летать».

Исторический мыслитель должен видеть свою задачу в другом. Он – дозорный на корабле, стоящий на носу и предупреждающий об опасности впереди. «Рифы! Воронка! Мель! Пороги! Шторм!» – сигналит он. А дальше уже всё будет зависеть от рулевых, от гребцов, от тех, кто натягивает паруса, выкачивает воду из трюма, сбрасывает балласт. Расшифруют ли они его сигналы, захотят ли отбросить свои повседневные хлопоты и раздоры и дружно схватиться за вёсла, за штурвал, за канаты?...

Какие же главные пороги видятся сегодня в выплывающем из тумана XXI веке?

В обозримой истории человечества самыми опасными были моменты перехода народов из одной технологической эры в другую. Мы не знаем, как проходил переход от охотничьего периода к скотоводческо-кочевому, но уже переход из кочевого состояния в земледельческое изучен достаточно хорошо. И здесь мы видим, что повсюду первые великие империи, – Египет, Китай, Рим, – были окружены враждебными кочевниками. Они не только нападали на оседлые народы, но и страдали от внутренних раздоров, и процесс оседания для всех них, – галлов, германцев, визиготов, гуннов, арабов, монголов, – сопровождался социальными и военными конфликтами.¹

То же самое происходило и при переходе от оседло-земледельческой к индустриальной эре. Каждый народ преодолевал этот порог с теми или иными потерями. Все революции, сотрясавшие европейские нации в период с 1789 по 1935 годы, были связаны с вступлением в индустриально-энергетическую эру. Паровая машина и электрический генератор настолько меняли привычное устройство жизни, что социальные катаклизмы оказывались неизбежны. То же происходит сегодня с народами Азии, Африки, Латинской Америки: индустриализация, революции, гражданские войны.

Страны, одолевшие раньше других опасный порог на входе в индустриальную эру, достигли известной стабильности. Но стабильность эта недолговечна. На наших глазах, начиная с конца Второй мировой войны, человечество делает следующий шаг, входит в новую хозяйственно-технологическую эру – электронную. Развитие электронной технологии проникает во все отрасли производства, в систему образования, в вооружение, расшатывает привычные формы существования, неравномерно изменяет скорость всех общественных процессов и разрушает иерархию ценностей.

Наступление электронной эры и будет порогом для индустриально развитых стран. А параллельно и рядом десятки отставших народов будут переходить от земледельческого состояния к индустриальному. И некоторые, видимо, попытаются с разгона и сразу ворваться в эру электронную. Так что историк-дозорный имеет достаточно оснований, чтобы издать сегодня громкий крик:

– Все наверх! Впереди – мощный шторм! Я слышу рёв воды на камнях! Оставьте все мелкие дела и споры – сейчас не до них!

Но кто может услышать его? Конечно, только тот, кто открыт предощущению угрозы. Кто способен заглядывать так далеко вперёд. Кто готов пожертвовать сегодняшним покоем и благополучием и кинуться к лебёдкам, канатам, парусам корабля. Предостерегающий голос могут слышать только «высоковольтные».

Что им делать после этого? Попытаться объединиться? Но как? Как могут объединиться те, кто насквозь пронизан духом состязания? Даже дар предвидения распределён между ними неравномерно. Один предвидит на год вперёд, другой – на десять лет, третий – на длину собственной жизни, четвёртый – на жизнь поколений. Легко ли им будет сговориться между собой, расслышать друг друга?

На страницах этой книги «высоковольтный» предстал, как правило, в виде жертвы несправедливых преследований и должен был вызывать сочувствие читателя. В таком контексте легко забыть, каким невыносимым и отталкивающим может быть высоковольтный в повседневной жизни. Как легко его энергия может устремиться целиком на утоление жажды стяжательства. Как много мы знаем примеров, когда гордое сознание своего превосходства оборачивалось властолюбием и тиранством, когда все силы незаурядного ума использовались для плетения интриг, когда художественный дар тратился на пошлое фиглярство в угоду толпе.

Как часто низковольтный кажется нам человечнее, добрее, честнее в отношениях с собой и миром, серьёзнее относящимся к дару жизни. Недаром так часто поэты, писатели, пророки возлагают надежды на «простого человека», на «нищих духом» – и обрушивают проклятья на знатных и богатых, на интеллигентов «с верхним образованием», на фарисеев и саддукеев.

В истории наблюдались попытки сплочения высоковольтных поверх границ: монашеские и рыцарские ордена, масонские общества, студенческие братства. Но все эти формы объединения оказывались возможны лишь до тех пор, пока они оставались аполитичными. Как только политика вторгалась в жизнь этих сообществ, наступал скрытый, а потом и явный раскол. И на многих примерах можно видеть, что линия раскола проходила всё по той же грани – грани, отделяющей уравнителей от состязателей.

Всё это, в известной мере, возвращает нас к началу книги, к первой главе. Если мы верим, что только соединённые усилия, преодолевающие границы между странами, могут спасти нас от надвигающихся катастроф, то представляется судьбоносно важным ослабить главную причину внутреннего раскола – разницу между уравнительным и состязательным видением мира. Снова и снова должен исторический мыслитель обнажать суть разногласий, показывать, что они коренятся не в глупости, жадности и злобе оппонента, а лишь в разнице умственного склада. Следует призывать к поискам мостов, переправ, бродов через поток, разделяющий уравнителей и состязателей, хозяев знаний и хозяев вещей. И делать это нужно не только в политических вопросах, но и в самых разных аспектах общественной жизни: на конкретных, преходящих задачах, на вечных проблемах науки, искусства, морали и религии.

Вот, наугад, несколько «спорных территорий», где можно было бы уже сейчас остановить боевые действия и сесть за стол переговоров.

О сострадании и чувстве вины

Нет никакого сомнения в том, что уравнитель гораздо более чуток к укорам совести, чем состязатель. Веря в безграничные возможности разумного устройства жизни на Земле, он склонен преувеличивать значение своего участия в общественной и политической жизни. Он в большей мере открыт чувству сострадания, и оно порой причиняет ему такую боль, что он начинает хвататься за любые способы защиты от этой боли.

А что может быть лучше, чем найти виновников творящихся на свете злодеяний?

И он подсознательно тянется к твёрдой системе представлений, которая объясняла бы ему, что в страданиях человечества виноват кто-то другой, но не он. В зависимости от эпохи и обстоятельств это окажутся еретики или, наоборот, иезуиты, крепостники или франкмасоны, империалисты или коммунисты, шовинисты и феминистки, жида или христиане.

Как писал в своей автобиографии Чеслав Милош, «сильнейший союзник любой идеологии – чувство вины».²

О том же самом, но более резко, говорил Бердяев:

«Нравственный пафос социализма есть смесь чувствительности и сострадательности с жестокостью и злобной мстительностью. Сентиментальность часто ведёт к жестокости. Это – закон душевной жизни».³

Вот как изображает тот же феномен Ницше:

«Где ещё в мире творились большие глупости, как не у сострадательных? И что в мире причиняло большие страдания, как не глупости сострадательных?»⁴

Однако на всё это уравнильщик может возразить своему вечному оппоненту:

– Ты занимаешься по сути тем же самым: глушишь боль сострадания. Но ты пытаешься заливать этот огонь чувством правоты. Страдания других людей так же задевают тебя, как и меня. Но ты начинаешь взвешивать страдания других, как будто это возможно взвесить и подсчитать, и предпринимаешь правильные, по твоим понятиям, действия, которые должны, как тебе кажется, уменьшить груз страданий в мире. Твоё самодовольство и уверенность – вот что непрослительно и отвратительно мне в твоём подходе.

И честный состязатель должен признать, что это обвинение куда как часто оказывается справедливым.

О справедливости

Справедливо ли, что один вырастает двух метров ростом, а другой едва дотягивает до полутора? Справедливо ли то, что у одного есть музыкальный слух, а у другого – нет? Справедливо ли, что один может гнуть пятаки, а у другого едва хватает сил поднять портфель с книгами?

От природы мы не ждём справедливости в раздаче даров: «справедливость» – это наше занятие. Мы не всегда в нём преуспеваем. Например, в каких-то видах спорта мы догадались развести атлетов по разным весовым категориям, и теперь у нас боксёры, штангисты и борцы могут состязаться с соперниками, которые им вполне по силам, и автомобильные гонки устраиваются между гонщиками, сидящими в машинах примерно одинаковой мощности. И в шахматах, в бридже, да и во многих видах лёгкой атлетики существуют разряды, уровни, ступени, так что участники могут испытывать свои силы, состязаясь с теми, кого у них есть шанс победить, и, может быть, перейти в более высокий разряд. А в волейболе и баскетболе справедливости до сих пор нет: высота сетки и баскетбольного кольца всюду одинакова, и таким образом низкорослые практически выброшены из этих видов спорта.

То же самое и с разницей между «высоковольтным» и «низковольтным». И не мечтайте, уравнильщики, что вам удастся покончить с этой несправедливостью. Говорить низковольтному, что он способен в умственном состязании сравняться с высоковольтным – это и есть самая большая несправедливость. Это всё равно, что сказать боксёру весом в 60 кг, что он может выйти на ринг против тяжеловеса и победить. И отбросьте чувство вины за свои врождённые преимущества. Вы платите за них каждый день очень высокую цену. Ваша жажда свободы гораздо острее, а потому любая мера неволи причиняет вам гораздо большее страдание, чем остальным. Ваша память сильнее, безжалостней – а потому вам никуда не деться от всех ошибок и унижений прожитой жизни. Ваш взгляд проникает далеко вперёд – а потому ужас смерти всегда в десять раз ближе к вам, чем к ним.

После этого посредник должен повернуться к состязателям и обратиться к ним с такой примерно речью:

– Так что вы, в своём азарте, не поддавайтесь тому соблазну, которому вы уже так много раз поддавались на протяжении мировой истории: соблазну введения сословных барьеров. У нас нет и никогда не будет инструмента для определения числа талантов, вручённых человеку при рождении, кроме испытания их в жизненной борьбе. Как тысячи бегунов, собранных на старте марафонского забега, неотличимы до выстрела стартового пистолета, так и младенцы в своих кроватках одинаковы для любого «социального планировщика».

– А вот ваш вечный оппонент, уравнильщик, призывая к постоянным и усиленным занятиям с отстающими школьниками, – по сути пытается не уравнивать условия старта, а подвезти на

автомобиле отставших бегунов, когда забег уже идёт. Но и вы, ссылаясь на потенциальные возможности детей «высоковольтных» и призывая создавать им «особые условия» для достижения высоких постов в обществе, по сути наносите ущерб и обществу и им. Всюду, где вводилась наследственная принадлежность к той или иной касте, сословию, классу, правящий слой приходил в упадок, переполнялся избалованными лежебоками и самонадеянными остолопами, которые не могли управлять достойно не только другими людьми, но даже и собственной жизнью.

Об уроках истории

За исключением XX века, противоборство между «низковольтным» и «высоковольтным» редко можно обнаружить в мировой истории в чистом виде. И всё же есть один признак, который безошибочно укажет нам: в этой стране, в эти годы началось победное наступление низковольтных. Признак этот – резкое обострение нетерпимости к какой-то группе населения, массовые изгнания и внутренний террор.

Примечательны здесь два момента:

а) удар, как правило, направлен на группу населения, заметно обогнавшую остальных в какой-нибудь сфере хозяйственной деятельности;

б) после подавления, уничтожения или изгнания этой группы наступает ослабление и обеднение страны.

В конце XIII века евреи доминировали в финансовых операциях Средневековой Европы. Когда Англия изгнала их в 1290 году, в стране началась заметная разруха, характеризовавшая царствование первых двух Эдуардов. Одно за другим следовали поражения в войнах с Шотландией и Францией.

В начале XIV века Франция попыталась последовать примеру англичан, но вскоре была вынуждена вернуть евреев обратно. Зато в эти годы французский король Филипп Красивый отыгрался на другой успешной группе – ордене Тамплиеров, которых он предал суду по обвинению в ереси, подверг пыткам, казням, конфискациям. Вечно пустовавшая королевская казна хорошо пополнилась имуществом Тамплиеров, но Франция не выиграла ничего: в последующие десятилетия начинается упадок, и французская армия, несмотря на численное превосходство, терпит поражения в войне с Англией (Столетняя война, 1337-1453), эпидемия чумы производит такое страшное опустошение, какое возможно лишь в стране ослабленной и обесиленной.

В Испании начала XVII века общины морисков (потомков арабских мусульман, принявших крещение) процветали и вызывали повсеместную зависть. Они были обложены тяжёлыми налогами и стеснены всякими ограничениями, но «разведение риса, хлопка и сахарного тростника, производство шёлка и бумаги находились почти исключительно в их руках». ⁵ И этих-то подданных, насчитывавших около миллиона человек, королевский указ 1609 года обрёл на поголовное изгнание. Их травили и убивали по дороге в порты, грабили и убивали на правительственных кораблях на пути в Африку, они умирали от голода и жары в африканской пустыне. Последовавшее двухвековое обеднение и ослабление Испании, её поражения в войнах с Францией, утрата Португалии, нельзя, конечно, объяснять тем, что она не могла обойтись без морисков. Но слишком много в её истории этого периода говорит о победе «низковольтных»: изоляция от внешнего мира, разгул инквизиции, усыхание наук и искусств.

Во Франции Людовика XIV отмена Нантского эдикта и массовые изгнания гугенотов (1685) «лишили королевство четвертой части населения, разорили торговлю и ослабили государство во всех областях. Промышленность вся перешла в руки иностранцев, отчего их государства разбогатели и покрылись новыми городами». ⁶ За этим последовали поражения в Войне за испанское наследство (1701-1713), потеря Гибралтара, Менорки, Ньюфаундленда.

До сих пор писание книг по истории традиционно находилось в руках уравнилелей. При анализе исторических событий – и без того порой головоломно запутанных – нужна была

хоть одна постоянная величина. И за эту величину, за единицу измерения сил, действующих в историческом противоборстве, была выбрана отдельная человеческая личность: всегда якобы равная по силам любому соотечественнику и любому представителю другого племени. Каким образом при этом маленькие сплочённые армии побеждали противника, превосходившего их в два, три, даже в пять раз, как маленькие города-республики становились богаче и сильнее огромных империй, оставалось и остаётся неясным.

Думается, если бы уравниатели снизошли и попытались приложить к загадкам мировой истории взгляды состязателей на природу человеческого неравенства, мог бы возникнуть интереснейший диалог, и даже, не исключено, – новое направление в историографии, которое решилось бы учитывать вечное противоборство между высоковольтными и низковольтными, кипящее под поверхностью исторических событий.

О евреях и антисемитизме

Невероятные успехи евреев во всех сферах научной, художественной, финансовой деятельности не могут, мне кажется, быть объяснены ничем другим, кроме того, что этот народ – по традиции, и по необходимости – так бережно относится к своим высоковольтным. Всякая крупица таланта в еврейском ребёнке ценится, развивается и поддерживается родителями и общиной с первых же шагов. Отсюда и вырастает эта блистательная череда мыслителей, поэтов, музыкантов, режиссёров, финансистов, художников, а теперь – и воинов, именами которых так густо насыщена еврейская история.

В этом преобладании у еврейского народа черт, свойственных высоковольтным, таится, мне кажется, и объяснение загадки антисемитизма. Низковольтный испытывает априорное недоброжелательство к высоковольтному, а когда видит, как почитаются ценности высоковольтных в еврейской среде, становится антисемитом. Способность «предвидеть и предусматривать» он объявляет хитростью и коварством, а преданность религиозным традициям – неблагодарностью к приютившей их стране.

Примечательно, что как только «высоковольтные» захватывают командные высоты в государстве, антисемитизм исчезает из государственной политики: Польша XVI века, Англия середины XVII века, Голландия XVIII, Америка XIX-XX демонстрируют терпимость по отношению к еврейскому населению. И наоборот, наступление «низковольтных» всегда будет сопровождаться погромами и преследованиями евреев.

Все другие объяснения антисемитизма представляются частными и неубедительными. Популярно, например, представление, будто антисемитизм зародился в Средневековой Европе, «потому что евреи занимались ростовщичеством» и христиане, которым религия запрещала одалживать деньги под проценты, их ненавидели за это. Но христианские банкиры Флоренции, Генуи, Ганзейских городов, все эти Медичи и Фугтеры, – спокойно обходили религиозные запреты, занимались всеми видами финансовых операций ничуть не меньше евреев. А в евреях бесило другое: то, что верность родственникам и соплеменникам у них была так сильна, что они могли осуществлять международные финансовые операции. В эпоху, когда любая пересылка денег требовала вооружённого отряда для охраны от бандитов, – в то время бедно одетый еврейский посланец мог дойти от Рима до Парижа и принести записку, а то и устное распоряжение от одного еврейского банкира другому... и требуемая сумма денег вручалась указанному лицу тихо и незаметно.

Другое популярное объяснение: «богатство евреев, которое часто кажется необъяснимым их соседям». Но если бы это было так, на чём же тогда вырос антисемитизм в Польше и России XIX века, где евреи были бедны и бесправны, должны были жить в черте оседлости? Завидовать им? – это было невозможно. Но оставалась их упорная и непостижимая вера в их невидимого Бога, поклонение книгам, написанным тысячи лет назад, вера в великих пророков прошлого и ожидание будущих пророков – то есть непостижимая способность вырываться из болота «здесь и сейчас», главная отличительная черта доминирования «высоковольтных». И против этой черты накапливалась и продолжает накапливаться ненависть низковольтных.

Уравнитель верит, что с антисемитизмом можно бороться путём разъяснений и уговоров. Состязатель считает, что важнее как следует вооружить Израиль и быть готовым всегда прийти ему на помощь в минуту опасности. Но грозная и печальная правда состоит в том, что ни просвещение, ни вооружение не смогут покончить с антисемитизмом. До тех пор, пока в еврейском народе живёт тяга к над-личному, к нездешнему, к манящему «зову свыше», она будет тяготить низковольтного и прорываться вспышками ненависти всякий раз, как только начнётся отступление «высоковольтных» на каком-то участке вечной исторической битвы.

О собственности

«Продай имение твоё и раздай нищим, – говорит Христос. – И приходи и следуй за Мною» (Матфей, 19:21).

Никогда этот высокий призыв не перестанет будить высокий отклик в человеческом сердце! Для тонкой, чувствительной души *собственность* – это тяжкое бремя, и желание избавиться от неё и всё раздать может утихать надолго, но никогда не умрёт совсем.

Всякий, кто чем-то владеет и любит своих сограждан, всегда будет разрываться между любимыми: кому и сколько помочь, кому и сколько «раздать из имения своего». Никогда в людях не исчезнет мечта устроить свою жизнь без бремени собственности! Каждое общество создавало какие-то институты, в которых человек, бегущий от этой формы ответственности, находил убежище. Монастыри и отшельничьи скиты, рыцарские ордена и такие же ордена нищенствующих братьев, фаланстеры, коммуны, кибуцы – все они возникали как отклик на эту мечту человеческой души.

И честный состязатель должен смириться с этим высоким зовом. Он должен быть готов к тому, что любое продуманное общественное устройство будет включать в себя некий оазис, в котором законы рынка будут незначимы и невластны. Диоген в бочке, Святой Франциск, Лев Толстой, Махатма Ганди должны иметь свой приют в этом мире – иначе он сильно поплёкнет и обеднеет.

И уравнитель должен помнить, что его высокий призыв – не каждому по силам. «Много званых, да мало избранных».

О богатых и бедных

В середине 1990-х годов в Америке много шума наделала книга «Кривая Гаусса». ⁷ Авторы её, базирываясь на огромном исследовательском материале, утверждали, среди прочего, что люди рождаются неравными по своим интеллектуальным способностям; что эти способности поддаются объективному измерению, что неравенство способностей определяется генами примерно на 60%, что в современной Америке высокие интеллектуальные показатели стали обязательным условием жизненного успеха и материального процветания; что вследствие этого в стране образовалась интеллектуальная элита, которая постепенно начинает сливаться с элитой финансово-экономической.

Особенный гнев сторонников эгалитаризма вызвали главы, в которых авторы приводили данные, указывающие, что по всем интеллектуальным показателям чёрные в среднем сильно отстают от белых. Расовый вопрос в Америке – большой вопрос, поэтому естественно было ожидать, что этот аспект исследования вызовет самые яростные нападки. Однако и другие проблемы, затронутые в книге, решались не в общепринятых категориях.

Общепринятыми, то есть победившими в Америке 1960-90-х годов, авторы считают эгалитарные (в нашей терминологии – уравнительские) принципы и идеалы. Видимо, на собственном опыте они могли убедиться, как опасно было идти против течения в эти годы. «Исследователи, пытавшиеся вслух заявить, что показатель интеллекта (IQ) что-то значит, или, что интеллектуальные способности в значительной мере являются врождёнными и что их можно измерять в различных индивидуумах и сравнивать между собой, расплачивались за

это дорогой ценой. Их карьера, семейная жизнь, отношения с коллегами и даже физическая безопасность оказывались под угрозой».⁹

Взгляды современных американских уравнивателей наиболее полно были сформулированы в книге Кристофера Дженкса «Неравенство».¹⁰ Ход его рассуждений напоминает идеи Прудона: он признаёт, что в какой-то мере врождённое неравенство способностей существует. Но именно поэтому, считает он, все усилия общества должны быть направлены на то, чтобы компенсировать это неравенство в социальной структуре. В школах учителя должны затрачивать больше времени на помощь отстающим. На производстве наниматели должны снижать плату лучшим работникам и за их счёт повышать плату слабым. «В конечном итоге мы должны заставить компетентных и удачливых субсидировать менее компетентных и менее удачливых...»¹¹ «Мы должны установить политический контроль над экономическими институтами. В других странах это обычно называют социализмом. Но любые меры, не идущие так далеко, обернутся таким же разочарованием, как реформы 1960-х».¹²

Если бы нам удалось вырвать вечных спорщиков из круга привычной аргументации в критериях «справедливо-несправедливо», их бранчливые перепалки могли бы превратиться в плодотворный диалог. И представляется, что «площадкой» для такого диалога могло бы послужить введённое выше, в главе 1-3, понятие о распорядительной функции как необходимом элементе социального организма.

Ибо богатство определяет не только количество жизненных благ, доступных богачу; оно также очерчивает круг его обязанностей по сохранению и развитию доставшейся ему доли общенационального производства, меру его участия в распорядительной функции. За невыполнение этой обязанности он будет наказан уменьшением своего состояния, в пределе – разорением. Но прибыли его не являются только вознаграждением за успешное участие в распорядительной функции. Высокий доход необходим крупному предпринимателю, чтобы он мог оставаться «на плаву» при взлётах и падениях рынка. Этот доход создаёт тот запас экономической прочности, без которого выжить в рыночной борьбе невозможно.

Борта прогулочной лодки могут возвышаться над гладкой поверхностью озера на один фут – этого вполне достаточно для безопасного плавания. Рыболовный траулер уже потребует возвышения бортов на несколько метров. Борт океанского лайнера вырастает над волнами, как стена дома. Если бы принципы равенства применялись к флотилиям и если бы каждому судну было приказано иметь борта не выше определённой высоты, все они очень скоро пошли бы на дно или застряли на мели. Точно так же, попытки уравнивать доходы различных распорядителей, плывущих в бурных волнах рыночного океана, могут окончиться только их массовыми разорениями. Неравенство между богатым и бедным, которое порой столь режет глаз, является абсолютно необходимым условием эффективности национальной экономики, а за отказ от него народ платит погружением в пучину бедности, как это и происходит во всех странах, отказывающихся от рыночных методов управления хозяйством.

В книге «Кривая Гаусса» авторы – убеждённые состязатели – с тревогой затрагивают тему, которая обычно является прерогативой уравнивателей: тему возникновения верхушки общества. И эта тема могла бы послужить другой «площадкой для диалога». Ибо здесь сами состязатели признают, что последовательное вознаграждение талантливых привело в последние годы к такой их самоизоляции от остального народа, что они утрачивают всякое представление о политических и социальных реалиях страны.

Талантливые и преуспевающие общаются только друг с другом – в школах, университетах, в клубах, в фирмах, – они женятся друг на друге, читают одни и те же книги, смотрят одни и те же фильмы, живут в пригородах или огороженных жилых комплексах. Рассказывают, что одна журналистка, узнав о победе Никсона на выборах, воскликнула: «Он не мог победить – за него не голосовал ни один из моих знакомых!».¹³ Эта интеллектуальная элита занимает ведущие посты в правительстве, журналистике, юстиции, и её влияние на жизнь страны становится всё более ощутимым. И если её представления о жизни остального

народа будут такими же искажёнными, как представления французской аристократии конца XVIII века о жизни Франции, это может окончиться новым якобинским взрывом.

Об искусстве

Выше уже отмечалось, что большинство людей, причастных художественному творчеству, по своим идеям, по складу мышления – ярые уравниатели. Парадокс, однако, состоит в том, что вся жизнь их – непрерывное состязание друг с другом. Создать в искусстве что-то новое, небывалое, то, что до сих пор не удалось создать никому другому – вот главная мечта любого художника.

При этом лишь редкие из них обладают мудростью Пушкина и отдают себе отчёт, что «нас мало избранных, счастливых праздных – единого прекрасного жрецов».¹⁴ Как правило, они убеждены, что их художественные озарения и свершения доступны и открыты каждому человеку. А непонимание и непризнание, которым они столь часто окружены, – вина грубой черни, бесчувственных торгашей, захвативших обманом богатство и власть. Вот если бы разрушить их мир и их порядок, выйти к массовому читателю, зрителю – тогда бы творец прекрасного получил достойное признание.

На самом же деле, способность к тонкому эстетическому переживанию – удел одних «высоковольтных». В том числе и состязателей, и даже тех, кому довелось играть роль хозяев вещей. Это на них, купцов, аптекарей, врачей, физиков (которые не лирики), да что там, – даже на программистов, – обрушивается художник своё раздражение. Только они и стекаются на его песнь, только они и приходят на выставки непризнанных художников, покупают ещё немодные книги, смотрят пьесы в заштатных театриках. Толпа прихлынет потом – но только туда, где вокруг художника собрались первые высоковольтные ценители.

При этом даже и от них часто ускользает суть творчества. На эмоциональном уровне они поддаются эстетическому откровению, но на рациональном пытаются истолковать искусство в понятных им категориях мастерства, умелости, красоты. Они часто не понимают, что художник состязается не столько с другим художником, сколько с косностью материала – камня, краски, слова, музыкальной ноты...

Разница между художником и простым «высоковольтным» – как разница между ракетой и самолётом. Крыльям самолёта нужно опираться на воздух, чтобы подняться над землёй, ракета вырывается за счёт внутренней энергии и поэтому может подняться в космос, куда самолёт не может за ней последовать. И наш посредник был бы вправе сказать художнику:

– Не мечтай, что где-то есть другие зрители-читатели. Способных заинтересоваться тобой, откликнуться, всегда будет немного. Остальным и не подняться на такую высоту, с которой можно разглядеть твой полёт.

Потом посредник поворачивается к зрителю-состязателю и говорит:

– Искусство – самая наглядная сфера, где твои критерии правильного и неправильного, полезного и вредного перестают работать. Искусство – чистый поиск новых уровней свободы человеческого самовыражения, который не меряется никакими «нужно» и уж тем более «не нужно». В космосе художественного творчества летают не так, как в атмосфере производства вещей. Всмотрись, вслушайся, вчитайся... и может быть, и тебе приоткроется ответ того, что видит художник.

О международных отношениях

Живя под устойчивой властью закона и правопорядка, легко забыть, какое это трудное дело – удерживать зверя в человеке. Хотя не проходит года, чтобы история не поднесла нам с полдюжины напоминаний. Сегодня кровавое безумие захватывает Ливан, Боснию, Руанду, Сомали, Цейлон, Абхазию, Таджикистан, – а завтра это будет Албания, Алжир, Индонезия, Южная Африка. И можно ли что-то сделать, чтобы заранее предвидеть и предотвратить эти катастрофы?

Организация Объединённых Наций с самого начала ставила своей целью не только регулировать отношения между государствами, но и выработать общие принципы устройства внутрисполитической жизни, учитывающие защиту человеческой личности от покушений со стороны власти. Всеобщая декларация прав человека (1948) – замечательный документ, и вся последующая деятельность, с нею связанная, включая Хельсинские соглашения 1973 года, заслуживает всяческой поддержки и одобрения.

Но движение правозащитников во всех странах так сосредоточилось на защите человека от «плохих правителей», что практически начинает игнорировать задачу защиты человека от самого человека. Во многих умах укрепилась иллюзия, что если бы правительство в данной стране «вело себя хорошо», то не было бы там ни поджогов, ни убийств, ни грабежей, ни погромов. И уж, конечно, особенно сильна эта иллюзия в умах уравниателей, ибо они верят, что сам по себе человек так добр, так хорош, что ничего плохого он ближнему своему делать не станет, если его к этому не «вынудят плохие обстоятельства».

Власть, которая решит игнорировать права человека, начнёт обязательно с того, что запретит иностранным корреспондентам соваться на территорию своей страны. После этого она станет делать со своими подданными всё, что ей заблагорассудится, – а международная общественность будет лишена возможности как-то влиять на её внутреннюю политику.

Отсюда неизбежно возникнет двойной стандарт в оценке деятельности правительства. О том, что происходит в Сирии под властью президента Асада, мы практически ничего не знаем. Доходят слухи, что однажды он вторгся в собственный город с танками и перебил там до 20 тысяч человек, но кто может это подтвердить? Ведь почти все корреспонденты по Ближнему Востоку вынуждены базироваться в единственной стране этого региона, уважающей права человека, – в Израиле.

Поэтому хотелось бы призвать и уравниателей, и состязателей: в своих взглядах на международную политику не дайте высоким идеалам защиты прав человека ослепить себя. Английский «бобби» может охранять порядок на улицах английских городов, разгуливая без оружия. Но ему не придёт в голову потребовать, чтобы и его американский или израильский коллега последовал его примеру.

Об образовании

На первый взгляд может показаться, что дети состязаются исключительно между собой: бегают наперегонки, спорят, дерутся. Мир взрослых мало привлекает их, ибо там у них нет надежды на победу – взрослый, как правило, во всём сильнее ребёнка. И надо видеть это счастливое и гордое выражение на лице какого-нибудь малыша, решившего математическую задачу, над которой тщетно бился отец, взявшего правильную ноту на рояле, выигравшего партию в шахматы.

Умственная и художественная деятельность – это именно тот просвет, где подрастающий человек впервые может обнаружить у себя необычный избыток сил и талантов. И если в нём есть тот заряд, который мы договорились обозначать термином «высоковольтный», он начнёт уже в раннем возрасте усиленно развивать этот талант, накапливать знания, тренировать и совершенствовать логический аппарат своего мозга.

Конечно, это не значит, что любой школьный отличник должен быть автоматически отнесён к разряду высоковольтных. Волевой потенциал, жадность к жизни могут переполнять ребёнка таким нетерпением, что у него, при всех его дарованиях, не хватит самодисциплины, чтобы подчинить себя школьной рутине. Можно привести в пример тысячи знаменитых людей, которые в своё время не смогли закончить университет или даже школу. И всё же, на сегодняшний день, будет справедливо сказать, что в цивилизованных странах учебный процесс стал главным поприщем, на котором происходит первое размежевание между «высоковольтными» и «низковольтными».

В 1990-е годы Институт Гэллапа проводил большое обследование системы школьного образования в развитых странах. Выпускникам были предложены 16 вопросов по географии.

Исследователи пытались понять, как влияют на успехи учеников финансирование, подбор учителей, школьные программы, выбор учебников... Страны-победительницы гордились бы своими успехами, получили бы доказательство правильности применявшихся методов...

Но русский исследователь М.А. Балабан обратил внимание на один любопытный феномен: среднее число правильных ответов, которое шло в зачёт, отличалось от страны к стране, но процент выпускников, давших правильные ответы на все 16 вопросов, был *одним для всех стран* – 10% от числа опрошенных.

Десять процентов.

Десять.

Балабан делает из этого наблюдения такой вывод: только 10% людей способны учиться с книгой в руках. Будучи типичным уравниателем, он отмечает с порога допущение о разнице способностей. «Не может быть, чтобы 90% были глупее! – считает он. – Необходимо разрабатывать новые, экспериментальные, не книжные системы преподавания, которые позволили бы этим, по своему умным и талантливым, ребятам сравняться с обогнавшими их одноклассниками!»

На самом же деле результаты этого обследования свидетельствуют совсем о другом. Те 10% – это высоковольтное меньшинство, которое шутя справилось с тестом, рассчитанным на средний уровень. В теории они как бы прошли «отборочные состязания» и теперь могли бы начать состязаться друг с другом всерьёз – на более сложных тестах.

На практике, в цивилизованных странах так и произойдёт: они победят на отборочных экзаменах, попадут в институты, университеты, колледжи – и так начнут своё восхождение к постам хозяев знаний и хозяев вещей. Они будут жадно впитывать информацию, сортировать её, пробовать свои силы то в одном, то в другом, искать и находить талантливых учителей, разочаровываться в них, переходить к новым. На выпускном торжестве они будут сидеть бок о бок, будущие уравниатели и состязатели, часто ещё не зная, какая стена разделит их в ближайшие годы. И что мог бы сказать им наш воображаемый посредник, если бы его пригласили произнести торжественную речь?

Он мог бы, если бы правила общественного этикета уже позволяли приподнимать покров над стыдной тайной врождённого неравенства, сказать выпускникам:

– Вы избранное меньшинство, которому по непостижимой милости Творца досталось от рождения пять талантов. Вам предстоит играть ту роль в жизни своей страны, которую в человеческом теле играют нервные волокна, клетки головного мозга, органы зрения и слуха. Но какого бы успеха вы ни достигли на избранном вами поприще, не поддавайтесь соблазну вообразить себя лучше любого соотечественника, принадлежащего к большинству.

– Да, мы восхищаемся талантом, мы мечтаем открыть его в себе, мы напрягаем все силы в погоне за признанием и славой. Но по высокому счёту ни один талант не делает нас лучше. Одарённый и талантливый высоковольтный может направить свою энергию исключительно на утоление злых и корыстных страстей – история даст нам миллионы примеров. И наоборот, человек весьма скромных дарований может поразить нас глубиной своих чувств, ясностью взгляда на смысл бытия, благородством поведения, добротой, честностью. Не забывайте о том, что само ваше состязание друг с другом остаётся возможным лишь постольку, поскольку рядовой человек соглашается подавлять свою зависть и уступать место более талантливому. История XX века дала нам слишком много примеров того, как рушится состязательный принцип там, где большинство теряет понятие о том, что достойно и что нет.

– Берегитесь греха гордыни – но не впадайте и в грех воспалённой скромности. Примите груз ответственности за дарованные вам таланты. Культ равенства среди высоковольтных слишком часто вырастает из трусости, из желания укрыться от ответственности в гуще «таких же, как все». Нет, вы не такие, как все. Глаза не могут выполнить работу руки, сжимающей молоток, но человек без глаз обречён жить наощупь и, скорее всего, попадёт молотком не по гвоздю, а по собственным пальцам. Так и общественный организм: разумный станет прилагать все усилия, чтобы сохранять своих высоковольтных, а впавший в безумие попытается сравнять их со всеми. Конечно, есть моменты, когда нам не по силам остановить

безумие. Но не впадать в него самим заранее, то есть не декларировать врождённое равенство людей – это в нашей власти.

– Представим себе корабль, плывущий в ночи через океан. Он сверкает огнями. Вглядевшись, мы различаем, что эти огни неодинаковы по силе. Есть мощные прожекторы, освещающие путь корабля. Есть сигнальные огни на бортах и надстройках. Есть фонари, льющие свет на палубу, на турбины, на шлюпки. Есть лампочки, горящие в каютах.

– Точно так же должны были бы распределяться роли между высоковольтными и низковольтными в человеческом обществе. Те, кому достался мощный прожектор сознания, должны заниматься миропостижением. Те, чей свет не достигает так далеко, но зато крепче рука и сильнее воля, должны стоять на капитанском мостике, у штурвала. Те, у кого послабее, должны выполнять роль администраторов, торговцев, преподавателей, то есть хозяев вещей и хозяев знаний. Те же, чей светильник освещает лишь круг повседневных, – но столь необходимых! – дел и забот, должны были бы пользоваться им для этой цели и не пытаться вести за собой других.

– Но вряд ли когда-нибудь в истории какой-то страны был надолго достигнут подобный баланс. Высоковольтные начинают воображать, что с их помощью можно регулировать жизнь людей до мельчайших подробностей. И не замечают при этом, что сплошь да рядом их дальновидение будет только ослеплять, когда дело дойдёт до простых повседневных вещей. Низковольтный же начинает тяготиться привилегиями высоковольтных, начинает воображать, что все эти дальние лучи вообще никому не нужны – ведь его взор всё равно не проникает так далеко во времени и пространстве.

Самая трудная заповедь в Евангелии: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас» (Матфей, 5:44). И кто же сумел исполнить её?

Парадоксально, но её исполнили неверующие высоковольтные интеллигенты последних двух веков. Это они продолжают благословлять «обижающих и гонящих» их низковольтных, почтительно именуя их «народом».

Неверующему высоковольтному стыдно смотреть в глаза своему низковольтному брату. Именно поэтому он с такой страстью, а порой и с яростью провозглашает, что врождённого неравенства не существует. Именно поэтому натягивает стыдливый покров умолчания на все проявления неравенства. Именно поэтому в последние два века упадок веры идёт бок о бок с торжествующим уравнильством.

Высоковольтные! Не обманывайте себя, не воображайте, что каждый человек хочет того же, что и вы, – свободно состязаться с другими в реализации своих талантов. Это вы хотите свободного состязания, потому что знаете, что у вас есть шансы на победу. Низковольтный не хочет этого. Он хочет разрушить правила игры, в которой выигрыш для него невозможен.

Высоковольтный! Наберись мужества, прими свой дар и связанную в нём ответственность. «Noblesse oblige» – благородство обязывает. Не мечтай поднять низковольтного до себя – у него нет сил справиться с твоей задачей: быть прожектором в ночи мироздания. Ведь без твоего мощного луча корабль врежется в айсберг, в скалу, заплывёт в Мальстрим. Спаси себя и низковольтного брата своего от нового братоубийства. При наличии термоядерного оружия оно может стать последним.

ПРИМЕЧАНИЯ

При работе над этой книгой автор иногда использовал свои выписки из произведений мировой классики, сделанные ещё в России, до эмиграции в Америку. Эти издания сейчас были ему недоступны, поэтому указать в примечании точный номер страницы не всегда удавалось. Автор приносит свои извинения читателю за эту вынужденную небрежность.

Вступление

1. См. такие произведения Льва Толстого, как «Исповедь», «В чём моя вера», «О Шекспире и драме», «Что такое искусство?», а также дневники и письма.

2. Владимир Соловьёв. Оправдание добра. Собр. соч. (Брюссель, 1966, репринт), т. 8, стр. 46.

3. Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла (Санкт-Петербург, 1905), гл. 9.

4. Николай Бердяев. Философия неравенства. Собр. соч. (Париж: ИМКА-пресс, 1990), т. 4, стр. 556.

5. Иосиф Бродский. «Речь о пролитом молоке». Собр. соч. (Санкт-Петербург: «Пушкинский фонд», 1992), т. 2, стр. 29.

К главе I-1

1. Thomas Sowell. A Conflict of Visions. New York: William Morrow & Co., 1987.

2. Sowell, op. cit., p. 18.

К главе I-2

1. Платон. Государство. С.-Петербург: 1863. Кн. 4.

2. Там же.

3. Аристотель. Политика. С.-Петербург: 1893. Стр. 3.

4. Там же, стр. 281.

5. Там же, стр. 323.

6. Thomas More. Utopia. In coll. Ideal Commonwealths (New York: The Colonial Press, 1901), p. 39.

7. Там же.

8. Там же, стр. 54-55.

9. Там же, стр. 39.

10. Там же, стр. 17.

11. Там же, "Introduction" by Henry Morley, p. V.

12. Niccolo Machiavelli. The Prince (New York: Appleton-Century-Crofts, 1947), стр. 49.

13. Там же, стр. 47.

14. Там же, стр. 50.

-- Там же, стр. 5.

-- Никколо Маккиавелли. История Флоренции (Ленинград: 1973), стр. 99.

17. Там же.

18. Thomas Campanella. The City of the Sun. In coll. Ideal Commonwealths, op. cit., 1901, стр. 148.

19. Там же, стр. 157.

20. Francis Bacon. Essays and New Atlantis (London: D. Van Nostrand Co., 1942), стр. 54.

21. Там же, стр. 56, 62-63.

22. Gerard Winstanley. Works (New York: 1965), стр. 95.

23. Jean-Jacques Rousseau. The First and Second Discourses (New York: St. Martin's Press, 1964), стр. 130.

24. Там же, стр. 178-79.

25. Там же, стр. 75.

26. Там же, стр. 110.

27. Там же, стр. 154-55.
28. Там же, стр. 103.
29. Шарль Монтескье. О духе законов. Москва, 1955.
30. Там же.
31. Там же.
32. Edward Hyams. Pierre-Joseph Proudhon. His Revolutionary Life, Mind and Works (New York: Taplinger Publ., 1979), стр. 54-55.
33. Ф. М. Достоевский. Записки из подполья. Полн. собр. соч. в 30 тт. (Ленинград: Наука, 1972-1984), т. 5, стр. 120.

К главе I-3

1. Джон Тревельян. Социальная история Англии. Москва, 1959. Гл. 5 и 6.
2. В. О. Ключевский. Курс русской истории (Москва: Госполитиздат, 1956), т. 3, стр. 296.
3. Томас Генри Бокль. История цивилизации в Англии (Санкт-Петербург: изд. Павленкова, 1896), том 2, гл. 1.
4. Ключевский, ук. соч., т. 2, стр. 156.
5. Геродот. История (Москва: 1972), книга 6, гл. 60, стр. 290.
6. Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов (Москва: 1962), гл. 7, стр. 61.
7. Рафаэль Альтамира-и-Кревеа. История Испании (Москва: 1951), стр. 490.
8. Лев Толстой. Сочинения в 20 тт. (Москва: изд. Кушнерев, 1911), т. 2, стр. 55.
9. Толстой, ук. соч., т. 2, стр. 46.
10. Юбилейный сборник «Лев Николаевич Толстой», под ред. Н. Н. Гусева (Москва-Ленинград: Госиздат, 1928), стр. 91-92.
11. Арнольд Тойнби. Промышленный переворот в Англии. Санкт-Петербург, 1898.

К главе I-4

1. Платон, ук. соч., кн. 5.
2. Марина Цветаева. «Хвала богатым». В сборнике «Избранное» (Москва: Худ. литература, 1961), стр. 147.
3. А.С. Грибоедов. Горе от ума. В сборнике «Библиотека всемирной литературы» (Москва: Худ. литература, 1974), стр. 69.
4. А.С. Пушкин. Скупой рыцарь. Собр. соч. в 8 тт. (С.-Петербург: Просвещение, 1909), т. 3, стр. 483.
5. Владимир Маяковский. Война и мир.
6. Велимир Хлебников. Труба марсиан. В сборнике «Творения» (Москва: «Советский писатель», 1986), стр. 602.
7. Марина Цветаева. О благодарности. В сборнике «Избранная проза» (Нью-Йорк: Руссика, 1979), т. 1, стр. 105.
8. Александр Кушнер. «Стрекоза и муравей». (Рукопись.)
9. Dom Chrysostomus Baur. John Chrysostom and His Time (USA: The Newman Press, 1960), т. 2, стр. 57.
10. Н.Н. Гусев. Два года с Толстым (Москва: Худ. литература, 1973), стр. 135.
11. Адам Смит, ук. соч.
12. Михаил Гершензон. «Творческое самосознание». В сборнике «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (Москва: 1909), стр. 89.

К главе II-1

1. James Joll. The Anarchists (Cambridge: Harvard University Press, 1980), стр. 118-19.
2. Там же, стр. 62.
3. Н.Н. Гусев, ук. соч., стр. 146.
4. Лев Толстой. Дневники. Полное собр. соч. (Москва: 1958), т. 54, стр. 25.

5. Joll, ук. соч., стр. 101.
6. Там же, стр. 109.
7. Лев Толстой. Письма. Собр. соч. в 20 тт., 1960. Том 18, стр. 402.
8. Joll, ук. соч., стр. 96.
9. Там же, стр. 85.
10. Там же, стр. 131.
11. Там же, стр. 133.
12. См. Пётр Аршинов. История Махновского движения. Запорожье: Дикое поле, 1995. Репринт издания 1923 г.
13. Encyclopaedia Britannica (1988), том. 27, стр. 461.
14. Ф.А. Хайек. Дорога к рабству (London: Nina Karsov, 1983), стр. 45.
15. Encyclopaedia Britannica, том. 27, стр. 465.

К главе II-2

1. Лев Толстой. Война и мир. Собр. соч. в 20 тт., Москва: 1911. Том 7, стр. 5.
2. Л.К. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой (Париж: ИМКА-Пресс, 1980), т. 2, стр. 413-14.
3. См. книгу: Большевики, 1903-1916. Составитель М. А. Цявловский. Москва: Задруга, 1918. Перепечатана Нью-Йорк: Телекс, 1990, под редакцией А. Серебренникова.
4. Leopold Labedz. "The Structure of Soviet Intelligentsia." В книге The Soviet Intelligentsia, Richard Pipes ed. (New York: Columbia University Press, 1961), стр. 69.
5. Robert Conquest. The Great Terror. A reassessment (New York: Oxford University Press, 1990), стр. 461.
6. Там же, стр. 450.
7. Там же, стр. 470.
- Там же.
- Лев Троцкий. Сталин (Москва: Терра, 1990), т. 1, с. 25-30.

К главе II-3

1. Jasper Becker. Hungry Ghosts. Mao's Secret Famine (New York: Henry Holt and Co., 1997), стр. 79.
2. David P. Chandler. Brother Number One. A Political Biography of Pol Pot (San Francisco: West View Press, 1993), стр. 122-24.
3. Georgie Anne Geyer. Guerrilla Prince. The Untold Story of Fidel Castro (Boston: Little, Brown and Co., 1991), стр. 331.
4. Там же, стр. 227.
5. Там же, стр. 327.
6. Там же, стр. 330.
7. Chandler, op. cit. , стр. 124.
8. Geyer, op. cit, стр. 330.
9. Becker, op. cit., стр. 52, 85.
10. Там же, стр. 77.
11. Geyer, op. cit., стр. 382.
12. Там же, стр. 285.
13. Harrison Salisbury. The New Emperors. China in the Era of Mao and Deng (Boston: Little, Brown and Co.), стр. 227.
14. Geyer, op. cit., стр. 327-28.
15. Там же, стр. 384-85.
16. Николай Бердяев. Философия неравенства. Собр. соч. (Париж: ИМКА-пресс, 1990), т. 4, стр. 426-27.
17. Salisbury, op. cit., стр. 248.
18. Там же, стр. 249.

19. Там же, стр. 248.
20. Там же, стр. 271.
- Encyclopaedia Britannica (1988), том. 23, стр. 515.
- Salisbury, op. cit., p. 237.
23. Armando Valladares. *Against All Hope* (New York: Doubleday, 1977), стр. 43, 135.
24. Geyer, op. cit., стр. 337.
25. Там же, стр. 393.
26. Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы (Москва-Ленинград: «Советский писатель», 1965), стр. 239.

К главе II-4

1. Eugen Rosenstock-Huussy. *Out of Revolution. Autobiography of Western Man* (Norwich, VT.: Argo Books, 1969), стр. 365
2. М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней (Лондон: Overseas Publications Interchange, 1986), стр. 45.

К главе III-1

1. Игорь Ефимов. Без буржуев (Франкфурт: Посев, 1979), стр. 325. (В Самиздате книга появилась в 1978 под названием «Бедность народов» и под псевдонимом Адам Кузнецов).
2. Joseph A. Califano. *The Triumph and Tragedy of Lyndon Johnson. The White House Years* (New York: Simon & Schuster, 1991), стр. 51.
3. National Health Insurance. *Conflicting Goals and Policy Choices* (Washington: 1980), стр. 9.
4. Там же, стр. 10.
5. Там же, стр. 8.
6. Andrew Tobias. *The Invisible Bankers* (New York: 1982), p. 31.
7. Ralph Nader and Wesley J. Smith. *Winning the Insurance Game* (New York: 1990), p. 7.
8. Tobias, op. cit., p. 273.
9. Nader, op. cit., p. 121.
10. Tobias, op. cit., p. 31.
11. Там же, стр. 33.
12. Там же, стр. 24.
13. Там же, стр. 270-71.
14. Американский автор Гай Одом, написавший наставления будущему диктатору Америки в стиле «Князя» Маккиавели, предсказывает дату переворота где-то между 2013 и 2029. См.: Guy Odom. *America's Man on Horseback* (New York: Beaufort Publ., 1997), p. 5.

К главе III-2

1. Подробнее об этом см.: Игорь Ефимов. *Метаполитика* (Ленинград: Лениздат, 1991), стр. 105-122.
2. Cheslaw Milosz. *Native Realm. A Search. for Self-Definition* (New York: Doubleday & Co., 1968), p. 125.
3. Бердяев, ук. соч., стр. 479.
4. Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра (Москва: «Сирии», 1990), кн. 1, стр. 192.
5. Рафаэль Альтамира-и-Кревеа. *История Испании* (Москва: 1951), т. 2, стр. 61.
6. Луи Ровруа Сен-Симон. Мемуары (Ленинград: 1934), т. 2, стр. 149.
7. Richard J. Herrnstein and Charles Murray. *The Bell Curve. Intelligence and Class Structure in American Life*. New York: The Free Press, 1994.
8. IQ (Intelligent Quotient) – коэффициент интеллекта; SAT (Scholastic Aptitude Test) – тест на научную подготовленность.
9. Bell Curve, op. cit., p. 13.
10. Christopher Jencks. *Inequality. A Reassessment of the Effect of Family and Schooling in America*. New York: Basic Books, 1972.

11. Inequality, op. cit., p. 9.
12. Там же, стр. 265.
13. Bell Curve, op. cit., p. 513.
14. А. С. Пушкин. «Моцарт и Сальери».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Альтамира-и-Кревеа. История Испании. Москва: 1951.
- Аристотель. Политика. С.-Петербург: 1893.
- Аршинов Пётр. История Махновского движения. Запорожье: 1995.
- Bakunin Michael. Bakunin on Anarchy. New York: Alfred A. Knopf, 1972.
- Baur Dom Chrysostomus. John Chrysostom and His Time. USA: The Newman Press, 1960.
- Бердяев Николай. Философия неравенства. Собр. соч., т. 4. Париж: ИМКА-пресс, 1990.
- Бокль Томас Генри. История цивилизации в Англии. С.-Петербург: изд. Павленкова, 1896.
- Бродский Иосиф. «Речь о пролитом молоке». Собр. соч., т. 2. Санкт-Петербург: «Пушкинский фонд», 1992.
- Bacon Francis. Essays and New Atlantis. London: D. Van Nostrand Co., 1942.
- Valladares Armando. Against All Hope. New York: Doubleday, 1977.
- Geyer Georgie Anne. Guerrilla Prince. The Untold Story of Fidel Castro. Boston: Little, Brown and Co., 1991.
- Геллер М. и Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1986.
- Геродот. История. Москва: 1972.
- Гершензон М. О. «Творческое самосознание». В сборнике Вехи. Москва, 1909.
- Гусев Н.Н. Два года с Толстым. Москва: Художественная литература, 1973.
- Jencks Christopher. Inequality. A Reassessment of the Effect of Family and Schooling in America. New York: Basic Books, 1972.
- Joll James. The Anarchists. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
- Достоевский Ф.М. Записки из подполья. Полн. собр. соч., т. 5. Ленинград: Наука, 1972-1984.
- Ефимов Игорь. Без буржуев. Франкфурт: Посев, 1979.
- Ефимов Игорь. Метapolитика. Ленинград: Лениздат, 1991.
- Califano Joseph. The Triumph and Tragedy of Lyndon Johnson. New York: Simon and Shuster, 1991.
- Campanella Thomas. The City of the Sun. In collection Ideal Commonwealths. New York: The Colonial Press, 1901.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Москва: Госполит-издат, 1956.
- Conquest Robert. The Great Terror. New York: Oxford University Press, 1990.
- Kropotkin Peter. Kropotkin's Revolutionary Pamphlets. New York: Dover Publications, 1970.
- Machiavelli. The Prince. New York: Appleton-Century-Crofts, 1947.
- Маккиавелли Никколо. История Флоренции. Ленинград: 1973.
- Milosz Cheslaw. Native Realm. A Search for Self-Definition. New York: Doubleday, 1968.
- Монтескье Шарль. О духе законов. Москва: 1955.
- More Thomas. Utopia. In collection: Ideal Commonwealths. New York: The Colonial Press, 1901.
- Nader Ralph and Smith Wesley. Winning the Insurance Game. New York: 1990.
- Ницше Фридрих. По ту сторону добра и зла. С.-Петербург: 1905.
- Ницше Фридрих. Так говорил Заратустра. Москва: Сирин, 1990.
- Odom Guy. America's Man on Horseback. New York: Beaufort Press, 1998.
- Платон. Государство. С.-Петербург: 1863.
- Rosenstock-Huessy Eugen. Out of Revolution. Autobiography of Western Man. Norwich, Vt.: Argo Books, 1969.
- Rousseau Jean-Jacques. The First and Second Discourses. New York: St. Martin's Press, 1964.
- Сен-Симон Луи Ровруа. Мемуары. Ленинград: 1934.
- Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва: 1962.
- Соловьёв Владимир. Оправдание добра. Собр. соч., т. 8. Брюссель: 1966.

- Salisbury Harrison E. *The New Emperors. China in the Era of Mao and Deng.* Boston: Little, Brown and Co.
- Sowell Thomas. *A Conflict of Visions.* New York: William Morrow & Co., 1987.
- Tobias Andrew. *The Invisible Bankers.* New York: 1982.
- Тойнби Арнольд. *Промышленный переворот в Англии.* Санкт-Петербург: 1898.
- Токвиль Алексис. *О демократии в Америке.* Москва: 1988.
- Толстой Л.Н. *Сочинения в 20 томах.* Москва: изд. Кушнеров, 1911.
- Треvelyан Джон. *Социальная история Англии.* Москва: 1959.
- Троцкий Л.Д. *Сталин.* Москва: Терра, 1990.
- Winstanley Gerard. *Works.* New York: 1965.
- Хаек Ф.А. *Дорога к рабству.* London: Nina Karsov, 1983.
- Herrenstein Richard, Murray Charles. *The Bell Curve. Intelligence and Class Structure in American Life.* New York: The Free Press, 1994.
- Hyams Edward. *Pierre-Joseph Proudhon. His Revolutionary Life, Mind and Works.* New York: Taplinger Publ., 1979.
- Цявловский М. А. *Большевики.* Нью-Йорк: Телекс, 1990.
- Chandler David. *Brother Number One. A Political Biography of Pol Pot.* San Francisco: West View Press, 1993.
- Чуковская Л.К. *Записки об Анне Ахматовой.* Париж: ИМКА-Пресс, 1980.